

№ 4 (128)
2025

ВЕСТНИК

УНИВЕРСИТЕТА

имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Право есть
искусство добра
и справедливости

*Jus est ars
boni et aequi*

В номере

Выпуск

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И БАНКОВСКОМ ПРАВЕ

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

23 Новоселова Л. А.

Парадоксы регулирования криптовалют:
в поисках решения

ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

32 Ефимова Л. Г.

Цифровая личность как способ присутствия
субъекта права в киберпространстве

42 Михеева И. Е.

Присоединение иностранных банков
к санкциям как форма недобросовестного
поведения в свете судебной практики

82 Мурзин Д. В.

Кризис авторского права:
последствия для товарных знаков

179 Цзя Шаосюе

Трансформация и инновации:
пути интеграции искусственного интеллекта
в китайское юридическое образование

№ 4 (128)
2025

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Выпуск
ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ И БАНКОВСКОМ ПРАВЕ

Издается с 2014 года
Выходит один раз в месяц

Председатель редакционного совета:

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

Заместитель председателя редакционного совета:

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — заведующий кафедрой финансового права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Главный редактор:

ШПАКОВСКИЙ Юрий Григорьевич — профессор кафедры экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Ответственный секретарь:

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

Редакционный совет:

АФАНАСЬЕВ Сергей Федорович — заведующий кафедрой арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, г. Саратов, Россия

БЕЗВЕРХОВ Артур Геннадьевич — декан юридического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, доктор юридических наук, профессор, г. Самара, Россия

БИРЮКОВ Павел Николаевич — заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, г. Воронеж, Россия

БУКАЛЕРОВА Людмила Александровна — проректор Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ВОЛКОВ Геннадий Александрович — профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, г. Москва, Россия

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ДЮФЛО Ален — эксперт-практик международного класса в области права, основатель адвокатского бюро «Дюфло и партнеры» преподаватель Университета Лион III имени Жана Мулена, г. Лион, Франция

ЕГОРОВА Мария Александровна — профессор кафедры конкурентного права, помощник проректора по научно-исследовательской деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЕРШОВА Инна Владимировна — первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЕФИМОВА Людмила Георгиевна — заведующий кафедрой банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — заведующий кафедрой экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЗРАЖЕВСКАЯ Татьяна Дмитриевна — профессор кафедры конституционного и муниципального права Воронежского государственного университета, Уполномоченный по правам человека в Воронежской области, доктор юридических наук, профессор, г. Воронеж, Россия

ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович — заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ИЩЕНКО Евгений Петрович — профессор кафедры криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ИЩЕНКО Нина Сергеевна — заведующий кафедрой правоведения Гомельского филиала Международного университета «МИТСО», кандидат юридических наук, профессор, г. Гомель, Республика Беларусь

КИСЕЛЕВ Сергей Георгиевич — профессор Института права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ, профессор Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета, доктор философских наук, профессор, г. Москва, Россия

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

КОМАРОВА Валентина Викторовна — заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЛАПИНА Марина Афанасьевна — профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, г. Москва, Россия

ЛЮТОВ Никита Леонидович — профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

МИРОШНИЧЕНКО Владимир Михайлович — ректор Академии безопасности и специальных программ, доктор экономических наук, профессор, г. Москва, Россия

НИКИТИН Сергей Васильевич — заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

НОВОСЕЛОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой интеллектуальных прав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ПЛЮЩИКОВ Вадим Геннадьевич — директор Аграрно-технологического института Российского университета дружбы народов, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

РОЗА Фабрис — профессор кафедры трудового права Университета Реймс Шампань-Арденны, Франция

РОМАНОВА Виктория Валерьевна — заведующий кафедрой энергетического права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, г. Москва, Россия

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — директор Института судебных экспертиз, заведующий кафедрой судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

РЫЛЬСКАЯ Марина Александровна — директор Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — проректор по научно-исследовательской деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории государства и права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

СОКОЛОВА Наталья Александровна — заведующий кафедрой международного права, научный руководитель Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

УСТЮКОВА Валентина Владимировна — и.о. заведующего сектором экологического, земельного и аграрного права Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЦАЙ ЦЗЮНЬ — директор Юридического института Хэнаньского университета, доктор юридических наук, профессор, г. Кайфэн, КНР

ЦОПАНОВА Индира Георгиевна — декан юридического факультета Российской таможенной академии, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

ШИЛЬСТЕЙН Давид — профессор права, заведующий кафедрой уголовного права Университета Париж 1 Пантеон-Сорбонна, г. Париж, Франция

ЩЕГОЛЕВ Виталий Валентинович — проректор Московского гуманитарно-экономического университета по научной работе и международному сотрудничеству, доктор политических наук, г. Москва, Россия

Ответственные редакторы выпуска:

ЕФИМОВА Людмила Георгиевна — заведующий кафедрой банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

НОВОСЕЛОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой интеллектуальных прав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
- 5.1.3. Частноправовые (цивилистические) науки.
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки.
- 5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г.

ISSN

2311-5998 (Print), 2782-6163 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: vestnik@msal.ru

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 40650. Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет: 01.07.2025
Объем 25,09 усл. печ. л. (14,57 а. л.), формат 84×108/16
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» обязательна. Перепечатка допускается только по согласованию с редакцией. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Редактор Л. А. Мункуева

Корректор А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка Д. А. Беляков

COURIER

OF THE KUTAFIN MOSCOW STATE LAW UNIVERSITY (MSAL)

№ 4 (128)
2025

Edition

**DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE FIELD
OF INTELLECTUAL PROPERTY
AND BANKING LAW**

Published from the year of 2014
Monthly journal

Chairperson of the Council of Editors:

BLAZHEEV Victor Vladimirovich — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

Vice-Chairperson of the Council of Editors:

GRACHEVA Elena Yurievna — Head of the Department of Financial Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Chief Editor:

SHPAKOVSKIY Yuriy Grigorievich — Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Executive Secretary Editor:

SEVRYUGINA Olga Alexandrovna — Expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Council of editors:

AFANASIEV Sergey Fedorovich — Head of the Department of Arbitrazh Procedure of Saratov State Academy of Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Saratov, Russia

BEZVERKHOV Arthur Gennadevich — Dean of the Law Faculty of the National Research University named after Academician Sergey P. Korolev, Dr. Sci. (Law), Professor, Samara, Russia

BIRIUKOV Pavel Nikolaevich — Head of the Department of International and Eurasian Law of Voronezh State University, Doctor of Law, Professor, Voronezh, Russia

BUKALEROVA Ludmila Alexandrovna — Vice-Rector, Russian University of Advocacy and Notary named after G.B. Mirzoev (RUAN), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

VOLKOV Gennadiy Aleksandrovich — Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

VOSKOBITOVA Lidia Alekseevna — Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

DUFLOT Alain — an expert practitioner in the field of law, founder of the law firm «Dufлот & Partners», Lecturer at the Jean Moulin Lyon 3 University, Lyon, France

EGOROVA Maria Alexandrovna — Professor of the Department of Competition Law, Assistant of Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ERSHOVA Inna Vladimirovna — First Vice-Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

EFIMOVA Lyudmila Georgievna — Head of the Department of Banking Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ZHAVORONKOVA Natalya Grigorevna — Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ZRAZHEVSKAYA Tatyana Dmitrievna — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Voronezh State University, Commissioner for Human Rights in the Voronezh Region, Dr. Sci. (Law), Professor, Voronezh, Russia

ZUBAREV Sergey Mikhailovich — Head of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ISHCHENKO Evgeniy Petrovich — Head of the Department of Criminalistics of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ISHCHENKO Nina Sergeevna — PhD in Law, Professor, Head of the Department of Jurisprudence of the Gomel Branch of the International University «MITSO», Gomel, Republic of Belarus

KISELEV Sergey Georgievich — Professor, Institute of Law and National Security, RANEPa University; Professor, Institute of International Relations and Socio-Political Sciences, Moscow State Linguistic University, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Moscow, Russia

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index

© Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2025

KOMAROVA Valentina Viktorovna — Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

LAPINA Marina Afanasyeva — Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russia, Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

LYUTOV Nikita Leonidovich — Head of the Department of Labor and Social Security Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

MIROSHNICHENKO Vladimir Mikhailovich — Rector of the Academy of Security and Special Programs, Dr. Sci. (Economics), Professor, Moscow, Russia

NIKITIN Sergey Vasilyevich — Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

NOVOSELOVA Lyudmila Alexandrovna — Head of the Department of Intellectual Property Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

PLYUSHCHIKOV Vadim Gennadyevich — Director of Agrarian and Technological Institute of the Peoples' Friendship University of Russia, Dr. Sci. (Agr. Sc.), Professor, Moscow, Russia

RASSOLOV Ilya Mikhailovich — Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

ROSA Fabrice — Professor of the Department of Labour Law at the University of Reims Champagne-Ardenne, France

ROMANOVA Victoria Valeryevna — Head of the Department of Energy Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

ROSSINSKAYA Elena Rafailovna — Director of the Forensic Examination Institute, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

RYLSKAYA Marina Alexandrovna — Director of the Institute of Problems of the Efficient State and Civil Society of the Financial University under the Government of the Russia, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich — Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Theory of the State and Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

SOKOLOVA Natalya Alexandrovna — Head of the Department of International Law, Academic Director of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

USTYUKOVA Valentina Vladimirovna — Acting Head of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of the State and Law of the RAS, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

TSAY TSZYUN — Director of the Law Institute of Henan University, Dr. Sci. (Law), Professor, Kaifen, the PRC

TSOPANOVA Indira Georgievna — Dean of the Law Faculty of the Russian Customs Academy, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

CHILSTEIN David — Professor of Law, Head of the Department of Criminal Law at the University of Paris 1 Pantheon-Sorbonne, Paris, France

SHCHEGOLEV Vitaliy Valentinovich — Vice-Rector for Research and International Cooperation of the Moscow University of Humanities and Economics, Dr. Sci. (Political Sciences), Moscow, Russia

Editors-in-Chief of the Issue:

EFIMOVA Liudmila Georgievna — Head of the Banking Law Department of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Full Professor

NOVOSELOVA Liudmila Alexandrovna — Head of the Department of Intellectual Rights of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor

The Journal publishes research papers written on scientific specialties of Group 5.1 «Law» (Legal Sciences)	5.1.1. Theory and History of Law. 5.1.2. Public Law and State Law. 5.1.3. Private Law (Civil Law). 5.1.4. Criminal Law. 5.1.5. International Law.
THE CERTIFICATE OF MASS MEDIA REGISTRATION	The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 October 2016. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-67361
ISSN	2311-5998 (Print), 2782-6163 (Online)
PUBLICATION FREQUENCY	12 issues per year
FOUNDER AND PUBLISHER	Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Kutafin Moscow State Law University (MSAL)". Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1, Presnensky intra-urb. ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242
EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS	9 str. 2 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993 Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687) E-mail: vestnik@msal.ru
SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION	Free price The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency Subscription index: 40650. Journal subscription is possible from any month
PRINTING HOUSE	Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) 9 str. 2 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993
SIGNED FOR PRINTING	01.07.2025 Volume: 25,09 conventional printer's sheets (14,57 author's sheets). Format: 84×108/16. An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper
<i>When using published materials of the journal, reference to "Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.</i>	
Editor L. A. Munkueva	Proof-reader A. B. Rybakova
Computer layout D. A. Belyakov	

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ	8
УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ХРОНИКА	10
АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ	
Новоселова Л. А. Парадоксы регулирования криптовалют: в поисках решения	23
ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ	
Цифровизация банковского сектора в России	
Ефимова Л. Г. Цифровая личность как способ присутствия субъекта права в киберпространстве	32
Михеева И. Е. Присоединение иностранных банков к санкциям как форма недобросовестного поведения в свете судебной практики	42
Ионцев М. А. Операторы в поисках связи, или Новый расцвет договора фактического посредничества	52
Чирков А. В. Некоторые вопросы влияния санкционных ограничений на права потребителей финансовых услуг	62
Полежаев О. А. Проблема применимости института добросовестного приобретателя к обороту цифровых активов	73
Трансформация авторского права в цифровую эпоху	
Мурзин Д. В. Кризис авторского права: последствия для товарных знаков	82
Корнеев В. А. О недопустимости противоречия товарных знаков общественным интересам, принципам гуманности и морали	91
Кузнецова О. А., Мартынова Е. Ю. Метавселенная как альтернативное правовое пространство	100
Гюльбасарова Е. В. Охрана цифровых решений механизмами патентного права	109
Семенюта Б. Е. Защита в ЕС объектов авторских прав при создании моделей искусственного интеллекта	117
Шахназаров Б. А. Правовой режим использования сиротских объектов авторских и смежных прав	125
Гринь Е. С. Правовая охрана аудиовизуальных произведений, создаваемых с помощью технологий искусственного интеллекта	134

Федотов М. А.

- Казус Буратино как проявление антропоцентризма
права интеллектуальной собственности 141

Шебанова Н. А.

- Искусство и искусственный интеллект:
содружество или противостояние? 152

Юридическая практика

Кольздорф М. А.

- Спорные вопросы сообладания исключительными
правами на интеллектуальную собственность 160

НАУЧНЫЙ ПОИСК

Баранов В. В.

- Правовое регулирование использования беспилотных
воздушных судов с искусственным интеллектом
в контексте предотвращения террористических угроз 170

Цзя Шаосюе

- Трансформация и инновации: пути интеграции искусственного
интеллекта в китайское юридическое образование 179

Трибуна молодого ученого

Опалеев А. В.

- Момент возникновения права залога по договору
залога прав по договору банковского счета 190

Земляникова А. В.

- Экспериментальные правовые режимы
как механизм внедрения цифровых инноваций 197

Овчинников Е. К.

- О правовой природе различных форм
национальной денежной единицы 204

Шухратпур М.

- Иджара мунтахия биттамлик —
исламская модель потребительского финансирования
(на примере законодательства Республики Таджикистан) 213

Право в историческом преломлении

Из периодики прошлого

Шпаковский Ю. Г.

- Национализация кредитной системы Российской империи 219

Лаверычев В. Я.

- Из истории национализации банков (1917—1918 гг.) 221

ПОСТСКРИПТУМ

- Почему мы так говорим? 236

CONTENTS

NOTE TO THE READERS	8
UNIVERSITY CHRONICLE	10
AUTHORITATIVE OPINION	
Novoselova L. A. The Paradoxes of Cryptocurrency Regulation: in Search of a Solution	23
VECTOR OF LEGAL SCIENCE	
Digitalization of the Banking Sector in Russia	
Efimova L. G. Digital Identity as a Way of Presence of a Subject of Law in Cyberspace	32
Mikheeva I. E. Joining of Foreign Banks to Sanctions as Unfair Behavior in the Light of Judicial Practice	42
Iontsev M. A. Operators in Search of Communication, or a New Heyday of the Contract of Actual Mediation	52
Chirkov A. V. Issues of the Impact of Sanctions on the Rights of Consumers of Financial Services	62
Polezhaev O. A. The Problem of the Applicability of the Institution of a Bona Fide Acquirer to the Turnover of Digital Assets	73
Transformation of Copyright in the Digital Age	
Murzin D. V. Copyright Crisis: Implications for Trademarks	82
Korneev V. A. On the Inadmissibility of Contradiction of Trademarks with the Public Interest, the Principles of Humanity and Morality	91
Kuznetsova O. A., Martyanova E. Yu. The Metaverse as an Alternative Legal Space	100
Giulbasarova E. V. Protection of Digital Solutions by Patent Law Mechanisms	109
Semenyuta B. E. Protection of Copyright Objects in the EU when Creating Artificial Intelligence Models	117
Shakhnazarov B. A. Legal Regime for the Use of Orphan Objects of Copyright and Related Rights	125
Grin E. S. Legal Protection of Audiovisual Works Created with the Help of Artificial Intelligence Technologies	134

Fedotov M. A.

Buratino' Case as a Manifestation
of Anthropocentrism of Intellectual Property Law 141

Shebanova N. A.

Art and Artificial Intelligence: Collaboration or Confrontation? 152

Legal practice

Kolzdorf M. A.

Controversial Issues of Co-ownership
of an Exclusive Right on Intellectual Property 160

SCIENTIFIC RESEARCH

Baranov V. V.

Legal Regulation of the Use of Unmanned Aircraft
with Artificial Intelligence in the Context of Preventing Terrorist Threats 170

Jia Shaoxue

Transformation and Innovation: Ways to Integrate
Artificial Intelligence into Chinese Legal Education 179

YOUNG RESEARCHERS' PERSPECTIVE

Opaleeva A. V.

The Moment of Emergence of the Right of Pledge
under the Agreement of Pledge of Rights
under the Agreement of a Bank Account 190

Zemlyannikova A. V.

Experimental Legal Regimes as a Mechanism
for Implementing Digital Innovations 197

Ovchinnikov E. K.

On the Legal Nature of Various Forms of the National Monetary Unit 204

Shukhratpur M.

Ijara Muntahia Bittamlik — Islamic Model of Consumer
Finance (on the Example of the Republic of Tajikistan) 213

LAW IN HISTORICAL REFRACTION

From the periodicals of the past

Shpakovsky Yu. G.

Nationalization of the credit system of the Russian Empire 213

Laverychev V. Ya.

From the history of the nationalization of banks (1917—1918) 219

POSTSCRIPT

Shpakovsky Yu. G.

Why do we say that? 236

Слово к читателю

Уважаемый читатель!

Предлагаемый вашему вниманию номер журнала отличается, казалось бы, парадоксальным сочетанием совершенно разных направлений правоведения — исследований интеллектуальных прав и правового регулирования банковской деятельности. Но это только на первый взгляд. Эти две сферы человеческой деятельности объединяет новый этап технической революции — применение цифровых технологий. Правовое регулирование общественных отношений, связанных с применением цифровых технологий, вызывает многочисленные споры как среди практиков, так и в научной среде. Свидетельством этому может служить подбор статей в настоящем номере журнала. В нем опубликованы не только научные исследования работников высших учебных заведений, занимающихся изучением права, но также работы специалистов, непосредственно связанных с правоприменительной практикой.

Сами цифровые технологии представляют собой технические решения, являющиеся объектами интеллектуальной собственности, защите которой посвящены статьи исследователей, специализирующихся на изучении интеллектуальных прав. Кроме того, сами объекты интеллектуальных прав перемещаются в цифровую среду даже значительно быстрее, чем гражданский оборот в целом. Но любой коммерческий оборот невозможен без финансовых сервисов, без платежных инструментов и систем, которые могут работать в изменившихся условиях.

Практическое применение цифровых технологий рассматривается на примере банковской деятельности, и это не случайно. Быстрое внедрение передовых

технологий было характерно для банковской деятельности во все времена. Банк был вынужден применять новейшие технические решения с целью повышения производительности труда своих работников. Стандартизация и автоматизация банковских операций и сделок всегда считались отличительными свойствами банковской деятельности. Поэтому особенности правового регулирования общественных отношений, осложненных применением цифровых технологий, рассматриваются на примере банковской деятельности и находятся в поле зрения исследователей банковского права.

Многие проблемы, возникающие в сферах интеллектуального права и банковского права, пересекаются, при этом эффективные правовые решения в одной области могут быть восприняты и адаптированы в другой.

Надеемся, что научные выводы и подходы, содержащиеся в статьях этого номера, будут полезны всем нашим читателям.

*Ответственные редакторы
настоящего выпуска журнала
«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Л. Г. Ефимова, Л. А. Новоселова*

Университет в общественной и научной жизни страны

Ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев принял участие в церемонии возложения цветов

Ректор Университета Виктор Блажеев принял участие в церемонии возложения цветов к Могиле Неизвестного Солдата в Александровском саду. Памятное мероприятие было организовано Федеральным агентством по управлению государственным имуществом в преддверии 80-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне.

В торжественном мероприятии также приняли участие руководитель Федерального агентства по управлению государственным имуществом Вадим Яковенко, генеральный директор информационного агентства ТАСС Андрей Кондрашов и заместитель секретаря Общественной палаты Российской Федерации Владислав Гриб.

¹ URL: <https://msal.ru/news/>.

Всероссийское координационное совещание руководителей диссертационных советов по праву и политологии

17 апреля 2025 г. в Университете прошло Всероссийское координационное совещание руководителей диссертационных советов по праву и политологии.

В рамках совещания были рассмотрены вопросы соблюдения требований научной строгости диссертационных исследований, дифференциации и интеграции юридических наук, а также совершенствования механизма проведения диссертационных исследований и аттестации в современных реалиях.

Организаторами совещания выступили Департамент аттестации научных и научно-педагогических работников Минобрнауки России, ВАК при Минобрнауки России, Экспертный совет ВАК при Минобрнауки России по праву и политологии.

Модератором совещания была председатель Экспертного совета Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России по праву и политологии, заведующий кафедрой финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Елена Грачева.

С приветственным словом к участникам мероприятия обратился ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев: *«Очень рад, что сегодня в стенах нашего Университета проходит совещание Высшей аттестационной комиссии. Совещание, несомненно, будет способствовать всестороннему обсуждению актуальных вопросов, связанных с совершенствованием системы аттестации научных кадров. Это уникальная возможность обменяться профессиональным опытом и знаниями, а также сформулировать конкретные задачи, направленные на поддержание и повышение качества диссертационных исследований в соответствии с установленными стандартами и требованиями».*

С докладом, посвященным механизмам, этапам и срокам закрепления роли Российской академии наук в развитии системы государственной научной аттестации, выступил ученый секретарь Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России доктор физико-математических наук, профессор РАН, член-корреспондент РАН Дмитрий Иванов.

С приветственным словом к участникам также обратилась заместитель директора Департамента аттестации научных и научно-педагогических работников Елена Логинова.

Среди участников совещания были председатели, заместители председателей, ученые секретари диссертационных советов, члены Экспертного совета ВАК по праву и политологии.

Заседание Экспертной комиссии Межведомственного совета по присуждению премий Правительства Российской Федерации в области образования

В Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялось заседание Экспертной комиссии по инновационным разработкам в сфере образования и осуществления профессиональной педагогической деятельности Межведомственного совета по присуждению премий Правительства Российской Федерации в области образования.

Заседание прошло под руководством ректора Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), сопредседателя Ассоциации юристов России, президента Ассоциации юридического образования Виктора Блажеева.

Экспертной комиссией были рассмотрены работы, представленные на соискание премий Правительства

России в области образования, а также определены составы авторских коллективов работ, рекомендованных для премирования.

Ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев избран заместителем председателя Общественной палаты города Москвы

28 апреля 2025 г. состоялось первое заседание Общественной палаты города Москвы V созыва. В ходе встречи были выбраны председатель и его заместители, а также определена структура рабочих органов — утвержден перечень комиссий, экспертных советов и рабочих групп.

Ректор Университета Виктор Блажеев избран заместителем председателя Общественной палаты города Москвы по направлению «образование, общественный контроль и правовая экспертиза».

Развитие Университета

В Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) создан Научно-экспертный центр правового обеспечения научно-технологического развития

Новое структурное подразделение будет заниматься научно-исследовательской, образовательной, методической, консультационной и экспертной деятельностью в области создания нормативно-правовых условий для научно-технологического развития Российской Федерации.

«Научно-технологическое развитие Российской Федерации является важнейшей составляющей стратегического развития нашей страны. В условиях глобальных вызовов и технологических изменений задача формирования эффективной научной политики и ее законодательного обеспечения становится критически важной. Создание нового научно-экспертного центра направлено на решение задач правового обеспечения формирования эффективной системы управления в области науки, технологий и производства, а также осуществления инвестиций в эту область, ориентированных на решение государственных задач и удовлетворение потребностей экономики и общества», — отметил ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев.

Директором Научно-экспертного центра правового обеспечения научно-технологического развития назначен директор Высшей школы права, доцент кафедры международного права Университета Эльвин Теймуров.

Соглашение о сотрудничестве с Московским эндокринным заводом

23 апреля 2025 г. Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) заключил Соглашение о сотрудничестве с Московским эндокринным заводом. Документ подписали проректор по стратегическому и международному развитию Университета Мария Мажорина и генеральный директор ФГУП «Эндофарм» Михаил Фонарев.

Стороны договорились о сотрудничестве в области подготовки юридических кадров, о проведении научно-исследовательских работ и осуществлении правовой экспертизы.

Конференции, круглые столы, семинары

Международный конгресс молодых ученых «Традиции и новации в системе современного российского права»

5 апреля 2025 г. в Университете прошел Международный конгресс молодых ученых «Традиции и новации в системе современного российского права».

С приветственным словом к участникам обратилась первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Инна Ершова: *«Это мероприятие, несомненно, имеет свои особенности, которые свидетельствуют о его значительном развитии. Прежде всего оно стало полноценным международным конгрессом, стабильным и состоявшимся, что является ярким подтверждением его важности и успеха. О высоком уровне мероприятия также говорит широкий охват участников — это представители из 52 регионов Российской Федерации, а также из 68 ведущих вузов страны».*

В рамках мероприятия работали 52 секции по актуальной правовой тематике. Также участники имели возможность посетить серию мастер-классов от выдающихся экспертов или принять участие в кейс-чемпионате, научных дебатах и дебат-нокаутах, чтобы погрузиться в обсуждение актуальных правовых вопросов, сочетая глубокий анализ традиционных подходов и смелые новаторские идеи.

Закрывая конгресс, проректор по научно-исследовательской деятельности Владимир Синюков подчеркнул важность творческого подхода к пересмотру

доктринальных правовых положений в связи с новой технологической реальностью. Преподаватели Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) подвели итоги работы секций и поблагодарили участников за их доклады. В конце мероприятия победителей круглых столов наградили памятными призами.

В этом году в Международном конгрессе молодых ученых приняли участие более 900 человек из 52 регионов России.

III Карьерный юридический форум

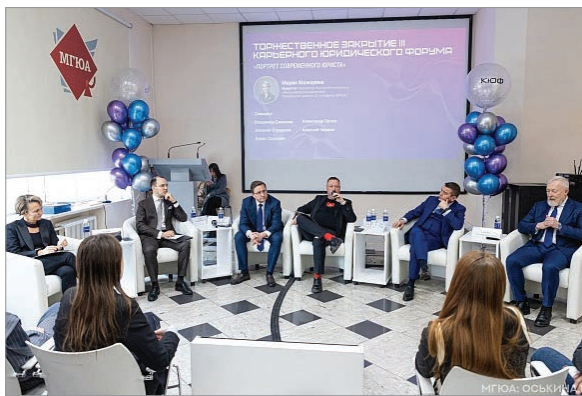
С 8 по 9 апреля 2025 г. на площадке Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) собрались студенты, молодые специалисты и представители юридического сообщества, чтобы обсудить актуальные вопросы развития юридической профессии. Форум проводился в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

С приветственным словом к участникам выступила первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Инна Ершова: *«Карьерный форум стал значимым событием для молодежи, выстраивающей свой профессиональный путь. Мы признательны представителям бизнеса за то, что уже в третий раз делятся с нашими участниками знаниями, опытом и практическими кейсами. А число участников, превысившее 800 человек, свидетельствует о востребованности форума. Это студенты и учащиеся ведущих вузов Москвы и других регионов. Мы гордимся, что МГЮА становится для них пространством профессионального роста, местом, где закладываются основы для сотрудничества и формируется юридическое сообщество будущего».*

Также к участникам обратилась проректор по стратегическому и международному развитию Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Мария Мажорина: *«Сегодня перед страной стоит множество вызовов, и обеспечить технологическое лидерство невозможно без активного участия юристов. Наш форум станет площадкой, где будущие лидеры юриспруденции смогут узнать о том, как личный опыт, ошибки и успехи формируют профессиональный путь, а также как командная работа, мотивация и ценности позволяют объединять таланты для достижения общих целей. Это событие раскрывает секреты успеха выдающихся юристов, демонстрируя, что карьера строится на знаниях, упорном труде и эффективном общении, что в итоге становится фундаментом для технологического прогресса нашей страны».*

На пленарной сессии на тему «Грани юридической профессии» в качестве спикеров выступили: президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, заведующий кафедрой адвокатуры Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Светлана Володина; заместитель генерального директора компании «ПравоТех» Кирилл Кондратенко; партнер и руководитель практики недвижимости и строительства Адвокатского бюро «ЕПAM» Екатерина Верле; директор Департамента по взаимодействию с органами государственной власти ПАО «Ростелеком» Елена Попкова и др.

Участники в течение двух дней смогли посетить различные секции, среди которых сессии «Социальные проекты в юриспруденции»; «Как грамотно инвестировать: венчурные фонды, стартапы»; «Зачем юристу вести тг-канал?»; мастер-класс «Как удачно пройти собеседование при найме на работу?»; сессии

«Найм или частная практика: преимущества и недостатки»; «Шоу-бизнес и право: поддается ли творчество порядку?»; «Корпоративная культура и онбординг»; «Искусственный интеллект и экосистемы: как лидеры рынка трансформируют обработку данных?»; панельная дискуссия «Карьера юриста на государственной службе».

На торжественном закрытии форума «Портрет современного юриста», модератором которого стала проректор по стратегическому и международному развитию Университета Мария Мажорина, были подведены итоги стипендиального конкурса, своим мнением о трансформации профессии юриста поделились проректор по научно-исследовательской деятельности Вла-

димир Синюков, коммерческий директор портала «Право.ru» Алексей Отрадный, партнер юридической фирмы BGP Litigation Денис Саушкин и др.

XVI Международный форум «Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности»

24 апреля 2025 г. в Университете состоялся XVI Международный форум, посвященный актуальным вопросам современного состояния и перспектив развития системы интеллектуальной собственности. Мероприятие, организованное при участии стран — членов интеграционных объединений ЕАЭС, СНГ, ШОС и

БРИКС, было приурочено к Всемирному дню интеллектуальной собственности и проведено под эгидой Организации Объединенных Наций.

С приветственным словом к участникам обратился председатель Ассоциации юристов России Сергей Степашин: *«В условиях современных вызовов укрепление международного сотрудничества становится ключевым фактором устойчивого развития. История последних десятилетий показывает, что только совместные усилия государств могут обеспечить безопасность и процветание. Интеграционные объединения, такие как ШОС и БРИКС, способствуют объединению интересов и развитию партнерства на принципах взаимного уважения. Тема интеллектуальной собственности и ее роль в национальном развитии сегодня особенно актуальна. Наши предложения активно обсуждаются и внедряются в международных форматах, что свидетельствует о высоком уровне профессионализма участников форума. Уверен, что дальнейший диалог в этой сфере укрепит экономическую стабильность и интеграционные процессы в евразийском пространстве».*

От имени Университета участников форума приветствовала первый проректор Инна Ершова. Она отметила, что результаты обсуждений будут способствовать достижению национальных целей, поставленных Президентом России Владимиром Путиным.

В рамках форума, объединившего очный и дистанционный форматы, было зарегистрировано свыше 800 делегатов из 26 государств. В их числе — представители международных организаций, органов государственной власти, научно-образовательных учреждений и институтов гражданского общества. Программа мероприятия включала пленарное заседание и двенадцать тематических секций, в ходе которых эксперты осуществили комплексный анализ актуальных проблем в области интеллектуальной собственности, а также выработали рекомендации, направленные на оптимизацию координации правового регулирования и экономической политики в рамках евразийского сотрудничества.

Особое внимание в дискуссиях было уделено значению интеллектуальной собственности как фактора устойчивого развития в контексте глобальной экономической нестабильности и геополитических рисков. Принятые решения направлены на укрепление межгосударственного взаимодействия и формирование единой правовой среды, что будет способствовать экономической интеграции в евразийском регионе.

Конгресс по международному частному праву

В период с 15 по 16 апреля 2025 г. в Университете прошел Конгресс по международному частному праву, который стал уже четвертым по счету. В этом году он был посвящен памяти Галины Кирилловны Дмитриевой — основателя научной школы и кафедры международного частного права в Университете.

Организаторами Конгресса выступили кафедра международного частного права и Центр правового обеспечения внешнеэкономической деятельности, импортозамещения и развития промышленности.

IV Московская международная модель Федерального Собрания

С 21 по 25 апреля 2025 г. в Университете прошла ежегодная IV Московская международная модель Федерального Собрания (MIMFA). Более 300 студентов попробовали себя в роли депутатов Государственной Думы и сенаторов Российской Федерации в рамках работы комитетов над законопроектами.

21 апреля состоялось торжественное открытие Модели с участием представителей органов государственной власти и администрации Университета. С приветственным словом к участникам, организаторам и гостям мероприятия обратилась проректор по стратегическому и международному развитию Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Мария Мажорина: «Модель Федерального Собрания — это, с одной

стороны, игра, в которой наши обучающиеся могут попробовать себя в роли депутатов и сенаторов. С другой стороны, Модель выступает важнейшей площадкой для развития нормотворчества. Сегодня вы выступаете архитекторами нашей социальной действительности и формируете совершенно новую правовую базу. Перед Россией стоят огромные задачи — не только меняются процессы внутри страны, но и формируется новый миропорядок. И я желаю вам в рамках этой Модели отнестись ответственно к своим ролям и подумать, какой вклад в развитие своего государства вы можете внести уже сейчас».

Мероприятия ректората

День открытых дверей

День открытых дверей Университета посетили более 2 500 абитуриентов и их родителей. Мероприятие предоставило участникам возможность познакомиться с учебным процессом, уникальными образовательными программами и перспективами, которые открываются перед студентами ведущего юридического вуза страны.

Первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Инна Ершова торжественно открыла мероприятие, подчеркнув значимость юридической профессии и преимущества обучения в МГЮА. В своем выступлении она отметила богатую историю Университета, современную инфраструктуру, включая корпуса и общежития, а также широкие возможности для практики и стажировок в престижных организациях.

«Позвольте приветствовать вас в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА), который на протяжении многих лет остается ведущим образовательным учреждением в области права в России. Мы гордимся своими выпускниками, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю Российского государства и юридической профессии. Сегодня в нашем Университете обучается около 18 тысяч студентов из России и более чем 20 стран мира. Мы создали уникальную систему непрерывного образования, которая позволяет нашим студентам развивать свои знания и навыки на всех уровнях — от среднего профессионального образования до высшего, обеспечивая широкие возможности для дальнейшего профессионального роста», — отметила Инна Ершова.

Проректор по образовательной деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Наталья Софийчук представила абитуриентам более 40 уникальных программ обучения, охватывающих все уровни образования — от среднего профессионального до высшего. Она подчеркнула, что МГЮА является новозумом, полностью ориентированным на подготовку юристов, что обеспечивает глубокую специализацию и высокое качество образования.

Участники мероприятия узнали о возможностях индивидуальных образовательных траекторий, дополнительном образовании, научных проектах и грантах, а также о мерах социальной поддержки студентов.

С приветственным словом к абитуриентам обратилась президент Федеральной палаты адвокатов РФ, заведующий кафедрой адвокатуры Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), выпускница Всесоюзного юридического заочного института 1983 г. Светлана Володина.

Перед абитуриентами выступила начальник Управления кадров Прокуратуры города Москвы, советник юстиции, выпускница Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) 2014 г. Ксения Сапронова.

На дне открытых дверей директора институтов представили абитуриентам общую информацию о реализуемых образовательных программах и подходах к обучению. Они подчеркнули, что Университет предлагает широкий спектр программ, охватывающих ключевые области юриспруденции, такие как гражданское, уголовное, международное право, а также специализированные направления, включая право информационных технологий и корпоративное право.

На протяжении всего мероприятия проходила работа консультационных площадок по вопросам организации образовательного процесса и содержания образовательных программ. Абитуриенты и родители могли напрямую задать интересующие их вопросы представителям институтов, управлений и иных структурных подразделений Университета.

День открытых дверей в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) стал важным событием для будущих студентов, позволив им погрузиться в академическую атмосферу вуза и получить исчерпывающую информацию о возможностях обучения.

МГЮА — центр юридического образования, который открывает двери для талантливых и целеустремленных абитуриентов, готовых внести вклад в развитие правовой науки и практики.

Заседание Ученого совета Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

28 апреля 2025 г. в Университете прошло очередное заседание Ученого совета. В ходе заседания были рассмотрены текущие кадровые вопросы, а также вопросы, связанные с деятельностью структурных подразделений.

В начале заседания Ученого совета ректор Университета Виктор Блажеев поздравил коллектив с наступающим Праздником Весны и Труда и Днем Победы и вручил нагрудные знаки «Ветеран» Министерства науки и высшего образования РФ старшему преподавателю кафедры английского языка Раде Гукасовой, заведующему кафедрой теории государства и права Аркадию Корневу, профессору кафедры финансового права Татьяне Рождественской, доценту кафедры судебных экспертиз Татьяне Соколовой, старшему преподавателю кафедры английского языка Елене Ткачевой, старшему преподавателю английского языка Нине Ченцовой.

Также ректор Университета Виктор Блажеев вручил медаль Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) «За заслуги» начальнику Управления кадров Светлане Волковой и профессору кафедры трудового права и права социального обеспечения Эльвире Бондаренко, поздравил заведующего кафедрой финансового права Елену Грачеву с вручением ей ордена Почета, старшего преподавателя кафедры английского языка Раду Гукасову с присвоением звания «Ветеран МГЮА имени О.Е. Кутафина» и доцента кафедры истории государства и права Веру Блинову с вручением почетной грамоты главы Луганской Народной Республики Леонида Пасечника за высокий профессионализм, активную гражданскую позицию, значительный вклад в организацию и проведение творческих мероприятий для поднятия боевого духа военнослужащих, выполняющих боевые задачи в ходе специальной военной операции.

Заместитель председателя Ученого совета Елена Грачева зачитала благодарственное письмо главы Луганской Народной Республики Леонида Пасечника в адрес ректора Университета Виктора Блажеева за высокий профессионализм, преданность своему делу, значительный личный вклад в укрепление патриотизма и морального духа военнослужащих, выполняющих боевые задачи в зоне проведения специальной военной операции по освобождению территории Луганской Народной Республики.

Члены Ученого совета почтили минутой молчания память Галины Кирилловны Дмитриевой, выдающегося советского и российского правоведа, специалиста по международному публичному и международному частному праву, доктора юридических наук, профессора, которая ушла из жизни 5 апреля 2025 г.

В ходе заседания Ученого совета выступила директор Института судебных экспертиз Елена Чубина, которая рассказала о стратегии развития структурного подразделения. О результатах проверки Института «Аспирантура и докторантура» доложила начальник Учебно-методического управления Ирина Комерова. Также состоялось утверждение тем докторских диссертаций. По данному вопросу выступила доцент кафедры административного права и процесса Екатерина Лебедева.

Члены Ученого совета единогласно поддержали предложение о присвоении кафедре административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) имени Льва Леонидовича Попова — выдающегося ученого-административиста, доктора юридических наук, профессора.

В ходе заседания Ученого совета также состоялась традиционная патриотическая акция «Георгиевская ленточка», приуроченная к 80-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне.

Премии, награждения

Лауреаты общенациональной премии «Учебник года»

В Российской академии образования состоялось награждение победителей Общенациональной премии Российского профессорского собрания «Учебник года».

В этом году в конкурсе приняли участие авторские коллективы более 600 учебников и учебно-методических пособий, представленных 200 российскими вузами и региональными отделениями Российского профессорского собрания.

Сразу два учебника Университета стали лауреатами конкурса на соискание Общенациональной премии Российского профессорского собрания «Учебник года» в номинации «Юридические науки»:

— учебник «Криминалистика» под общей редакцией доктора юридических наук, профессора Александра Бастрыкина, доктора юридических наук, профессора Евгения Ищенко, кандидата юридических наук, доцента Ярославлы Комиссаровой;

— учебник «Право устойчивого развития и ESG-стандарты» под редакцией проректора по стратегическому и международному развитию Марии Мажориной и профессора кафедры международного частного права Бениамина Шахназарова.

Парадоксы регулирования криптовалют: в поисках решения

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к гражданско-правовому регулированию отношений по использованию криптовалют. Анализируются понятия криптовалюты и цифровой валюты, введенные Законом о цифровых финансовых активах, выявляются их особенности. Цифровую валюту российское законодательство рассматривает как имущество, но не относит ее к деньгам или иным упомянутым в гражданском законодательстве объектам. В отношении цифровой валюты вводятся ограничения для использования ее в качестве средства платежа, но детальный правовой режим этого объекта не определен, несмотря на многочисленные упоминания в различных нормативных актах. В статье обосновывается вывод о необходимости корректировки понятия «цифровая валюта» в российском законодательстве и признания всех криптовалют объектом гражданского права с самостоятельным правовым режимом.

Ключевые слова: объект гражданских прав, деньги, цифровая валюта, криптовалюта, платежные токены, платежные средства

**Людмила
Александровна
НОВОСЕЛОВА,**
заведующий кафедрой
интеллектуальных прав
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
профессор
lanovoselova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.128.4.023-031

Liudmila A. NOVOSELOVA,

Head of the Department of Intellectual Rights
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

Dr. Sci. (Law), Professor

lanovoselova@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

The Paradoxes of Cryptocurrency Regulation: in Search of a Solution

Abstract. The Author exposes various civil-law approaches to the regulation of the use of cryptocurrency. The analysis focuses on the specific features of the concepts of cryptocurrency and digital currency, the latter having been introduced by the Russian Law on Digital Financial Assets. The Russian legislation considers digital currency as 'property', but does not assimilate it to money or other objects mentioned in the civil legislation. Restrictions are imposed on digital currency for its use as a means of payment, but no detailed legal regime of this subject-matter is defined, despite numerous references to it in various other legislative documents.

The Author substantiates in this article the need to make adjustments to the concept of 'digital currency' in the Russian legislation and to categorize all cryptocurrencies as objects of civil law providing them with an independent legal regime.

© Новоселова Л. А., 2025

Keywords: *object of civil rights, money, digital currency, cryptocurrency, payment tokens, means of payment*

Последствия токенизации (привязки к цифровым обозначениям) известных объектов права, а также появление цифровых кодов, не связанных с обязательствами или объектами, но выполняющих функции средств платежа, стали источником серьезных вызовов для права в целом и для традиционной цивилистики в частности.

Помимо политико-правовых аспектов, связанных с готовностью или неготовностью правовых систем признавать новые инструменты в качестве тех или иных объектов права, есть и более приземленные вопросы: признавать или не признавать действительность сделок с этими объектами; как эти сделки квалифицировать; правовой режим каких объектов можно применять и в какой степени; где имеются пробелы, которые необходимо устранить законодательно, а где можно положиться на способность самих участников оборота регулировать возникающие отношения, используя имеющийся инструментарий гражданского права.

Всплеск научных дискуссий был вызван прежде всего появлением построенных на криптографии платежных систем, где использовались цифровые коды, не содержащие данных об обязательствах или иных объектах гражданского права, но выполняющие функции средств платежа и (или) инвестирования («пустые» платежные токены, коэны, криптовалюты)¹.

Наиболее четко основные характеристики таких объектов можно рассмотреть на примере следующих свойств биткоина:

- не имеет материального носителя и существует только виртуально как электронная запись;
- не имеет номинала, отражающего его заявленную стоимость, курс по отношению к государственным валютам определяется рынком;
- отсутствует единый центр хранения информации;
- транзакции осуществляются напрямую между участниками расчетной сети, без участия банков, клиринговых компаний и т.п.; платежная система не контролируется никаким центральным учреждением;
- расчетные единицы создаются участниками сети за счет процесса майнинга;
- произведенные транзакции технически не подлежат отмене, может быть проведена лишь обратная транзакция;
- система обеспечивает известную анонимность пользователей, адреса которых не привязаны к персональным данным конкретных лиц;

¹ Мелани Свон отмечает: «В контексте криптоэкономики слово валюта обобщенно используется для обозначения “единицы ценности, которая может быть заработана и использована в определенной экономической системе”, а также обменена на что-то равноценное в других экономических системах. Вместо термина койн (coin) с таким же успехом можно использовать термин токен (token), то есть цифровой маркер, или средство доступа, или механизм отслеживания некой активности» (Свон М. Блокчейн. Схема новой экономики. Олим-Бизнес. 2017. С. 120).

— в публичном реестре блокчейна фиксируются все транзакции. При передаче создается запись и транзакция становится известной всем участникам. Программа обеспечивает отслеживание истории движения каждого «индивидуального» биткоина.

Биткоин является видом виртуальной (цифровой) валюты, децентрализованной, не имеющей центрального оператора, относящейся к открытой системе. Его можно рассмотреть в качестве примера «классических» виртуальных валют, где соответствующие цифровые единицы (токены) не имеют привязки к другим активам.

Криптовалюты, созданные и обращающиеся в публичных децентрализованных неконтролируемых системах на началах анонимности, изначально задумывались как платежное средство, свободное от сторонних регуляторов.

Биткоин в многочисленных публикациях называли виртуальной валютой (или виртуальными деньгами), цифровой валютой, криптовалютой, платежным токеном, электронными деньгами.

В первое время термин «криптовалюта» использовался и для тех цифровых активов, которые служат для перенесения в цифровую среду иных объектов, и для фиксации прав и фактов распоряжения ими в системах распределенных реестров. В настоящее время в большинстве правовых систем такой вид цифрового имущества (токены, содержащие данные об объекте, праве на него, «цифровые права», по терминологии российского законодательства) четко отделяется от цифровых единиц, не имеющих таких привязок и выступающих в качестве абстрактных расчетных единиц.

В отношении «пустых» токенов, созданных для выполнения функций платежного средства, в основном обсуждается вопрос, являются ли они деньгами. Дискуссия выявила сторонников признания деньгами только тех объектов, которые в установленном порядке считаются законным платежным средством², и сторонников того, чтобы признавать деньгами объекты, которые признаются в таком качестве оборотом³.

Очевидно, что первая группа специалистов не считает биткоин деньгами, поскольку они не признаны законным платежным средством, в отличие от второй группы, где классические криптовалюты признаются деньгами как в

² Например, Е. А. Суханов пишет: «Конституционный запрет введения и эмиссии на российской территории “других денег” (ч. 1 ст. 75 Конституции РФ) исключает признание децентрализованно эмитируемых частных криптовалют не только законным платежным средством, но и одним из законных способов безналичных расчетов. В силу этого пока невозможно признание обязательств по использованию криптовалюты натуральными, ибо к ним как к не имеющим законных оснований применимы правила о неосновательном обогащении» (Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6.

³ См. обсуждение этой позиции: Савельева А. И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. № 8.

Автор указывает, что «криптовалюта, в частности биткоин, не может рассматриваться в качестве законного средства платежа», и вместе с тем приводит обоснование, что с экономической точки зрения ее можно отнести к деньгам.

экономическом смысле, так и с точки зрения способности выполнять денежные функции в гражданском обороте и служить средством платежа. Идущие уже много лет дискуссии не способствуют созданию адекватного правового режима для новых объектов. Остаются нерешенными многие практические вопросы, что в конечном счете негативно влияет на развитие экономики, основанной на цифровых технологиях.

В Российской Федерации достаточно давно была предпринята попытка дать общее определение цифровым валютам (криптовалютам).

Так, инициированный в 2018 г. проект закона о внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса РФ⁴ предусматривал, помимо дополнения части первой ГК РФ статьей 141.1 «Цифровые права», также включение в нее статьи 141.2 «Цифровые деньги». Проект ст. 141.2 ГК РФ предусматривал, что «цифровыми деньгами может признаваться не удостоверяющая право на какой-либо объект гражданских прав совокупность электронных данных (цифровой код или обозначение), созданная в информационной системе, отвечающей установленным законом признакам децентрализованной информационной системы, и используемая пользователями этой системы для осуществления платежей».

Предлагалось также установить, что цифровые деньги не обязательны к приему при осуществлении всех видов платежей, для зачисления на счета, во вклады и для перевода на всей территории Российской Федерации, однако в случаях и на условиях, установленных законом, цифровые деньги могут использоваться физическими и юридическими лицами в качестве платежного средства.

Данное определение, во-первых, позволяло четко разделить два вида цифровых активов (условно назовем их «наполненные» и «пустые» цифровые единицы), во-вторых, указывало на платежную функцию вторых, одновременно подчеркивая, что они не являются законным платежным средством на территории Российской Федерации (не обладают свойством обязательности).

Кроме того, в части правил обращения данная норма отсылала к системам учета, описанным в проекте ст. 141.1 ГК РФ, — децентрализованным, обеспечивающим непосредственное распоряжение объектом с использованием цифрового кода. Имелось в виду совершение операций без участия центрального оператора (лица, ведущего учет и отвечающего за его ведение), что было более четко отражено в окончательной редакции этого текста.

Однако данная норма из окончательного текста была исключена. Одной из причин являлось активное противодействие включению этой нормы в ГК РФ со стороны представителей регулятора денежного рынка — представители Банка России аргументировали свой подход тем, что признание и введение в российское правовое поле криптовалют недопустимо⁵.

⁴ Законопроект № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (о цифровых правах), внесен в Государственную Думу Российской Федерации 26.03.2018. См.: Цифровые активы в системе объектов гражданских прав / А. Гузнов, Л. Михеева, Л. Новоселова [и др.] // Закон. 2018. № 5.

⁵ См. предложения Банка России по ограничению операций с криптовалютой в России в связи с созданием системных угроз: Криптовалюты: тренды, риски, меры : доклад

В экспертном заключении Совета по кодификации по данному законопроекту имеются любопытные, хотя и несколько противоречивые выводы⁶. Совет указывает на то, что криптовалюты по умолчанию являются объектами гражданского права, относятся к «иному имуществу», не являются деньгами (хотя при этом оговаривается, что понятие денег — дискуссионное). Далее из положения о том, что криптовалюта является имуществом, делается вывод, что ее передача — это не платеж, а сделка по передаче иного имущества. Учитывая, что понятие средств платежа гораздо шире понятия денег, тем более рассматриваемых исключительно как объекты, наделенные свойством законного платежного средства, данный вывод можно считать как минимум спорным, не говоря о том, что он игнорирует волю сторон соответствующих отношений, функцию нового объекта и, главное, не позволяет определить применимый к нему правовой режим, оставляя вопрос, по существу, открытым.

В итоге определить сущность нового цифрового объекта в ГК РФ не удалось. Однако впоследствии цифровые платежные единицы («криптовалюты» в тексте внесенного в Государственную Думу в марте 2018 г. законопроекта⁷, «цифровая валюта» — в проекте, подготовленном ко второму чтению) появились в проекте закона о цифровых финансовых активах (далее — Закон о ЦФА)⁸.

Понятие «цифровая валюта» определяется в Законе о ЦФА как «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам» (ч. 3 ст. 1).

Данное определение позволяет сделать следующие выводы:

- а) цифровая валюта не является
 - материальным объектом (вещью);
 - имущественным правом (отсутствует лицо, обязанное перед ее обладателем);

для общественных консультаций. М., 2022. С. 34 и след. Официальный сайт Центрального банка России. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf.

⁶ Экспертное заключение по проекту федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в часть первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 23.04.2018 № 175-22018.

⁷ Проект федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах», внесенный в Государственную Думу 20.03.2018.

⁸ Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 25.10.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

- не имеет привязки к денежным единицам РФ, иностранных государств или международным денежным или расчетным единицам;
- б) цифровая валюта создается в качестве записи в информационной системе (кода или обозначения);
- в) цифровая валюта создается и обращается в информационной системе, где существуют операторы⁹ и (или) узлы, обязанные обеспечивать соответствие правилам этой системы порядка выпуска, а также действий по внесению и изменению записей в систему. Закон использует имеющее точное юридическое содержание понятие «несет ответственность» в отношении функции узлов и (или) операторов.

Как следует из рассмотренного определения цифровой валюты, классические криптовалюты под это определение не подпадают, поскольку они создаются в децентрализованных системах, где отсутствуют операторы или узлы, юридически отвечающие за поддержание системы.

Кроме того, сложно на фоне описанной выше дискуссии предположить, что авторы Закона о ЦФА смело ввели в российское право категорию криптовалюты, против чего сами так активно боролись. Показательно, что, в отличие от цифровых прав и даже цифрового рубля (категории, принципиально отличной от криптовалют), в ГК РФ цифровая валюта не была упомянута в каком-либо качестве.

По логике Закона о ЦФА цифровая валюта мыслилась как существующая во внутригосударственном пространстве и регулируемая в части требований к системам, операторам и т.д. Показательно, что в настоящее время не созданы и вряд ли будут созданы какие-либо объекты, прямо отвечающие данному в Законе о ЦФА определению.

В силу целого ряда причин, в том числе из-за отсутствия понимания разницы между системами с контролирующими (юридически ответственными) субъектами/узлами и публичными неконтролируемыми децентрализованными системами типа блокчейна, понятие «цифровая валюта» стало трактоваться как охватывающее и классические криптовалюты. Такая трактовка прослеживается и в научных публикациях¹⁰.

Подобная подмена вызвана целым рядом обстоятельств. С одной стороны, очевидно непонимание правоприменителями (следом за законодателем) серьезной разницы между криптовалютами с их анонимностью и отсутствием субъектов, юридически отвечающих за поддержание системы, и цифровой валютой — с центральными ответственными операторами/узлами и возможностью установления требований к системе со стороны регулятора.

⁹ Часть 9 ст. 1 Закона о ЦФА отсылает к определению оператора информационной системы, содержащейся в ч. 12 ст. 12 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (Российская газета. 29.07.2006. № 165): оператор информационной системы — гражданин или юридическое лицо, осуществляющие деятельность по эксплуатации информационной системы, в том числе по обработке информации, содержащейся в ее базах данных.

¹⁰ *Ефимова Л. Г.* Цифровое банковское право. М. : Проспект, 2025. С. 71—78.

Другой причиной является попытка найти адекватный вариант реагирования на ситуацию, когда актив (криптовалюта) есть, а его отражения в праве — нет. В этом случае допустимым вариантом решения как юристам-практикам, так и теоретикам видится применение категории, используемой законодателем — «цифровая валюта». Ситуация упрощается еще и потому, что в большинстве законов на цифровую валюту просто указывают как на вид имущества, не устанавливая в отношении него специальных правил¹¹.

Так поступает российский законодатель, например, в Законе об исполнительном производстве¹²: для целей его применения цифровая валюта признается имуществом (ч. 4 ст. 68). Специальный порядок, применимые процедуры обращения взыскания не установлены. По существу, Закон лишь признал цифровую валюту объектом взыскания.

Обращает на себя внимание тот факт, что рассматриваемый объект назван в Законе о ЦФА хотя и цифровой, но валютой, что, очевидно, свидетельствует о признании за ним денежных свойств, а именно возможности передаваться и приниматься именно в качестве средства платежа по гражданско-правовым сделкам. Собственно, это следует и из самого определения, где говорится, что цифровая валюта «предлагается и может быть принята в качестве средства платежа». Еще одним аргументом в пользу признания рассматриваемых активов средством платежа является общее признание возможности их использования в таком качестве по трансграничным сделкам. Но невозможно один и тот же актив в одних случаях признавать средством платежа, а в других — нет! Можно лишь говорить об ограничении использования этого актива в определенных случаях для платежей, что относится уже к установлению режима, а не к определению природы.

Совершенно очевидно, что по своим функциям цифровые валюты, и тем более классические криптовалюты, соотносятся с традиционными денежными средствами — т.е. могут являться средствами платежа и инвестирования, хотя и в ограниченных законом пределах¹³.

Отметим, что Модельный закон о цифровых финансовых активах¹⁴ дает более точное определение криптовалюты (цифровой (виртуальной) валюты, необеспеченного токена, необеспеченного цифрового актива) как «цифрового актива,

¹¹ См., например: Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 08.08.2024, с изм. от 07.10.2024). Ст. 2 // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190; Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Ст. 3 // Российская газета. 09.08.2001. № 151—152.

¹² Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об исполнительном производстве» (в ред. от 31.07.2020 № 259-ФЗ) // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 48494. Изменения, внесенные Федеральным законом от 08.08.2024 № 228-ФЗ, вступили в силу со дня его официального опубликования (URL: <http://pravo.gov.ru>, 08.08.2024).

¹³ Лунц Л. А. признавал существование в обороте «негосударственных» или «частных денег» (см.: Лунц Л. А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. М., 2004. С. 64).

¹⁴ Принят на 55-м заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ (постановление № 55-11 от 14.04.2023).

являющегося средством накопления и универсальным средством обмена», т.е. также признает наличие у криптовалюты денежной функции. Еще более очевидно это следует из указания в Модельном законе на то, что «криптовалюта не является обязательным к приему средством платежа, если иное не предусмотрено национальным законодательством» (п. 4 ст. 18). Модельный закон, таким образом, совершенно четко разделяет понятия законного платежного средства (объектов, обязательных к приему в качестве платежа) и иных «необязательных» средств платежа.

Отсутствие до настоящего времени в российском, в том числе гражданском, законодательстве четких правил в отношении криптовалют создает значительные сложности для участников отношений, в том числе граждан, поскольку непонимание границ дозволенного равным образом означает и непонимание границ недозволенного.

Признание того факта, что оборот преимущественно имеет дело с децентрализованными криптовалютами, позволяет реально оценивать те правовые механизмы, которые регулятор пытается использовать для цифровых валют, принимая их за нечто поддающееся регулированию через определенных, наделенных ответственностью участников системы.

Участники децентрализованных систем анонимны, поскольку при открытии кошелька в системе не предоставляют своих данных, определяясь в ней только с помощью открытого ключа (автоматически генерируемого адреса в системе). Контролировать сами децентрализованные системы практически невозможно. Для регулирующего воздействия должны быть задействованы иные механизмы, связанные с контролем на «выходе» и «входе», т.е. при обмене на фиатные деньги и (или) товары.

Определение цифровой валюты должно быть расширено и дано в Гражданском кодексе, с тем чтобы данный объект: 1) охватил криптовалюты публичных систем; 2) был вписан в общую систему объектов гражданского права со своим собственным правовым режимом.

Этот правовой режим должен учитывать те функции, которые криптовалюты выполняют в сделках, что позволит ответить на вопросы о возможности начисления процентов, определения цены в криптовалюте, о применении конструкции невозможности исполнения и т.д. Определение криптовалют как «разновидности имущества» не решает никаких задач.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Виртуальные валюты. Ключевые определения и потенциальные риски в сфере ПОД/ФТ. Июнь 2014 / Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) ; пер. Международного учебно-методического центра финансового мониторинга // URL: <https://mumcfm.ru/d/7r4hzjuxg3m0az0znm-mazzqqqwzbnrjnjomws9ba> (дата обращения: 19.02.2025).
2. Криптовалюты: тренды, риски, меры : доклад для общественных консультаций. — М., 2022.

3. Лунц Л. А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. — М., 2004
4. Новоселова Л. А. Стейблкоины в системе действующего российского законодательства // Цифровое право. — 2024. — № 5 (1). — С. 8—22.
5. Новоселова Л. А. «Цифровые деньги» в системе объектов гражданского права // Проблемы современного гражданского права : сб. статей памяти В. С. Ема (к 70-летию со дня рождения) / отв. ред. Е. А. Суханов. — М. : Статут, 2021. — С. 215—229.
6. Савельев А. И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. — 2017. — № 8.
7. Свон М. Блокчейн. Схема новой экономики. — Олим-Бизнес, 2017. — URL: <https://cdn1.tenchat.ru/static/vbc-gostinder/2024-02-08/2d33e6c3-ff74-45c7-97cb-f3b405533b7e.pdf>.
8. Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. — 2021. — № 6.
9. Цифровое банковское право / отв. ред. Л. Г. Ефимова — М. : Проспект, 2025.
10. Цифровые активы в системе объектов гражданских прав / А. Гузнов, Л. Михеева, Л. Новоселова [и др.] // Закон. — 2018. — № 5.

Цифровизация банковского сектора в России

**Людмила Георгиевна
ЕФИМОВА,**

заведующий кафедрой
банковского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
профессор
elg007@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Цифровая личность как способ присутствия субъекта права в киберпространстве

Аннотация. Цифровая личность является составным понятием и включает информационный и программно-функциональный элементы. Информационный элемент цифровой личности включает цифровой профиль, цифровой образ и цифровой след субъекта права в киберпространстве. Это совокупность данных о конкретном лице, которая позволяет его либо идентифицировать (цифровой паспорт), либо представить определенному сообществу лиц, взаимодействующих в киберпространстве (цифровая визитка). Программно-функциональный элемент цифровой личности предполагает, что цифровой профиль можно тогда назвать цифровой личностью, когда он используется пользователем для взаимодействия с другими пользователями соответствующего контента, т.е. выполняет функцию инструмента общения. Однако для этого цифровой профиль и цифровой образ пользователя необходимо снабдить соответствующим программным обеспечением. Соответственно, понятие «цифровая личность» включает, во-первых, совокупность информации о субъекте права (цифровой профиль, цифровой образ и цифровой след), во-вторых, программное обеспечение, позволяющее действовать в киберпространстве, используя загруженную информацию. Таким образом, цифровая личность — это способ присутствия субъекта права в киберпространстве и способ дистанционного взаимодействия с другими субъектами права в мире Интернета.

Ключевые слова: цифровая личность, электронное лицо, цифровой человек, цифровое юридическое лицо, цифровой портрет, цифровой образ, цифровой профиль, цифровая копия, пользовательский аккаунт, цифровой аватар

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.128.4.032-041

Liudmila G. EFIMOVA,

Head of the Banking Law Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Dr. Sci. (Law), Full Professor
elg007@mail.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Digital Identity as a Way of Presence of a Subject of Law in Cyberspace

Abstract. *Digital identity is a composite concept and includes several components: information and software and functional elements. The information element of digital identity includes a digital profile, digital image and digital footprint of the legal entity in cyberspace. This is a set of data on a specific person, which either allows him/her to be identified ("digital passport") or presented to a certain community of persons interacting in cyberspace ("digital business card"). The software and functional element of digital identity suggests that a digital profile can be called a digital identity when it is used by the user to interact with other users of the relevant content, that is, it performs the function of a communication tool. However, for this, the digital profile and digital image of the user must be equipped with the appropriate software. Accordingly, the concept of "digital identity" includes, firstly, a set of information on the legal entity (digital profile, digital image and digital footprint), and secondly, software that allows acting in cyberspace using the downloaded information. Thus, digital identity is a way of presence of the legal entity in cyberspace and a way of remote interaction with other legal entities in the Internet World.*

Keywords: *digital identity, electronic face, digital person, digital legal entity, digital portrait, digital image, digital profile, digital copy, user account, digital avatar*

Виртуализация человеческой жизни предоставила людям дополнительные возможности для самоидентификации, которые привели к появлению в киберпространстве различных «цифровых двойников». Цифровых двойников в виртуальном мире завели также юридические лица.

Отчасти это связано с особенностями киберпространства, поскольку люди не могут напрямую войти в него, требуется особый проводник, который позволит не только сообщить иным лицам необходимый набор информации, но также получить возможность взаимодействовать с другими субъектами через таких же проводников.

Указанный проводник получил в литературе различные названия: цифровая личность, электронное лицо, цифровой человек, цифровое юридическое лицо, цифровой портрет, цифровой образ, цифровой профиль, цифровая копия, пользовательский аккаунт, цифровой аватар и т.п.

Обычно под термином «цифровая личность» понимается совокупность различных данных о субъекте права, который совершает юридически значимые акты

в киберпространстве. Полагаем, что такое представление о цифровой личности как совокупности сведений о субъекте права является правильным, но понятие цифровой личности этим не может исчерпаться полностью.

Информационная составляющая. В литературе указано, что в состав цифровой личности входит ее *цифровой профиль, цифровой образ и цифровой след*¹.

Цифровой профиль. Под цифровым профилем конкретного субъекта обычно понимают совокупность информации о лице, которая была собрана с определенной целью по соответствующему алгоритму.

Однако у одного субъекта права может быть несколько цифровых профилей с разным содержанием и даже с намеренно искаженными данными, которые пользователь профиля неоднократно редактировал, снабжал различными аватарками, слоганами, отражающими жизненное кредо его хозяина, и т.п. Например, в цифровом профиле, зарегистрированном на форуме байкеров, женщина может указать, что является мужчиной, и разместить картинку с брутальным стритрейсером, либо с гепардом, чтобы отразить ее страсть к быстрой езде. Пользователю невозможно запретить предоставлять о себе ту информацию, которую он желает. Это результат самовыражения личности в киберпространстве. Кроме того, цифровые профили, созданные на различных тематических площадках, практически никогда не включают подлинные фамилию, имя и отчество пользователя. В большинстве случаев настоящее имя пользователя скрыто за *nick-name*.

С целью систематизации указанных выше терминов и различных способов присутствия субъекта права в киберпространстве необходимо следующим образом классифицировать информацию о пользователе, обычно размещаемую в виртуальном мире. Следует различать, во-первых, официальные цифровые профили пользователей, открытые на государственных цифровых платформах, во-вторых, частные цифровые профили пользователей, открытые в социальных сетях и на различных тематических площадках, и т.п. Кроме того, цифровые профили иногда открываются не конкретными пользователями для взаимодействия в киберпространстве, а обезличенными сотрудниками какого-либо юридического лица для продвижения своего товара (работы, услуги).

Официальные цифровые профили, открытые на государственных цифровых платформах, включают совокупность цифровых записей о физических и юридических лицах, содержащихся в информационных системах государственных органов и организаций. В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» персональные данные — любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных). Эта информация позволяет идентифицировать определенное физическое лицо. В список персональных данных, запрашиваемых в ЕСИА и цифровом профиле, могут войти: 1) фамилия, имя и отчество, дата и место рождения, пол; 2) СНИЛС, ИНН, данные свидетельства о рождении, удостоверяющего личность документа, загранпаспорта; 3) данные водительского удостоверения, свидетельства о регистрации транспортного

¹ Бороненко Т. А., Кайсина А. В., Федотова В. С. Цифровая грамотность цифровой личности: к вопросу об уточнении понятий // Инновационные проекты и программы в образовании. 2020. № 4. С. 52.

средства; 4) адрес электронной почты, номер мобильного телефона; 5) адреса регистрации и фактического проживания; 6) выписка из Пенсионного фонда России, свидетельство об установлении отцовства, перемене имени, браке или разводе; 7) справка 2-НДФЛ, сведения об инвалидности и полисе ОМС и др.²

В литературе указано, что цифровые профили физических и юридических лиц, создаваемые органами государственной власти и органами местного самоуправления, являются персонализированными, напрямую отождествляемыми с тем или иным лицом³, поскольку перед внесением указанной информации в государственную информационную систему она должна быть тщательно проверена компетентными органами.

Именно поэтому в отношении указанных сведений должна действовать презумпция их достоверности. Следовательно, совокупность этих сведений может использоваться для идентификации гражданина как некий **цифровой паспорт**.

Частные цифровые профили граждан и юридических лиц, открытые в сети Интернет, иначе называют пользовательскими аккаунтами или цифровыми аватарами в широком смысле слова⁴. Частные цифровые профили могут содержать две группы сведений: *nick-name* (логин) и личные данные о субъекте права.

Nick-name, логин представляют собой вымышленное самим пользователем имя, которое он использует для общения в социальных сетях или на определенной цифровой платформе. Пользователь использует логин вместо своего настоящего имени с целью сохранения анонимности или с целью придания значимости своей личности, если настоящая фамилия и имя пользователя, с его точки зрения, являются неблагозвучными и невыразительными. Логин используется в киберпространстве с той же целью, что и псевдоним (вымышленное имя) в авторском праве (ст. 1265 ГК РФ). Однако в абз. 2 п. 1 ст. 19 ГК РФ предусмотрено, что псевдоним может использоваться гражданином для замены своего реального имени в случаях и в порядке, предусмотренных законом. На сегодняшний день законом предусмотрена возможность использования псевдонима только в авторском праве. Поэтому *nick-name, логин* не являются псевдонимом в смысле ГК РФ. Вместе с тем представляется, что в случае издания соответствующего закона, где будет подробно урегулирован порядок использования *nick-name* в иных гражданских отношениях, *de lege ferende* допускается признание *nick-name* в качестве разновидности псевдонима физического лица, который будет применяться не только в авторском праве, но и в киберпространстве в частных цифровых профилях.

Личные сведения о пользователе. В отличие от сведений, внесенных в государственную информационную систему, сведения о субъекте права (пол, возраст, род деятельности и т.п.), внесенные в частные цифровые профили, не являются

² URL: <https://identityblitz.ru/products/esia-bridge/digital-profile/>.

³ Минбалева А. В. Рекомендации по развитию законодательства Российской Федерации о цифровом аватаре. С. 13 // URL: https://consortium.msal.ru/wp-content/uploads/2024/07/k_7-rekomendacii-po-razvitiyu-zakonodatelstva-rossijskoj-federacii-o-cifrovom-avatare.pdf (дата обращения: 06.10.2024).

⁴ Четвергов Д. С. Правовой режим аватара: регулирование оборота цифрового образа личности в метавселенной // URL: <https://pravovoy-rezhim-avatara-regulirovanie-oborota-tsifrovogo-obraza-lichnosti-v-metavselennoy.pdf> (дата обращения: 07.10.2024).

достоверными и вносятся самими пользователями. Подбор таких сведений и их содержание пользователь осуществляет самостоятельно в зависимости от его интересов, представления о самом себе и целей предоставления сведений третьим лицам. Это выражение цифрового самоопределения личности.

Пользователь может редактировать свой цифровой профиль, в его состав могут входить так называемые личные данные, в отношении которых пользователь ограничил круг лиц, имеющих к ним доступ посредством различных цифровых фильтров. Кроме того, в состав данных цифрового профиля гражданина следует включать любые данные, которые в состав цифровой личности вносит сам пользователь. Например, пользователь может изменить свою имя или фамилию. Субъект может модифицировать свой имидж посредством цифровых фильтров. Он формирует свой профиль в социальных сетях в соответствии с целевой аудиторией и в итоге может создать свою цифровую личность с нуля, используя аватар.

Поскольку предоставление личной информации третьим лицам осуществляется пользователем с целью представить себя определенным образом, можно обоснованно предположить, что совокупность этих сведений представляется с целью идентификации гражданина или физического лица как субъекта определенной деятельности, т.е. как некая **цифровая визитка**.

Цифровой образ, или изображение пользователя в частных цифровых профилях, может существовать в двух видах: 1) реалистичное — цифровая фотография или видеозапись, а также произведение изобразительного искусства, которое содержит реалистичный портрет конкретного физического лица — пользователя; 2) нереалистичное — цифровой аватар пользователя.

Первая группа способов изображения пользователя в киберпространстве должна охраняться правом традиционно, т.е. статьями 152.1 и 152.2 ГК РФ. Отсюда следует, что реалистичное изображение пользователя, которое охраняется правом, в виде фотографии, видеозаписи или портрета может иметь только физическое лицо.

Цифровой аватар следует считать нереалистичным изображением пользователя даже тогда, когда он состоит из обычной фотографии, например, города, животного или другого физического лица, отличного от пользователя, поскольку такой аватар не позволяет непосредственно идентифицировать то конкретное физическое лицо, которое управляет цифровым профилем от своего имени (т.е. пользователя).

Отсюда следует, что физическое лицо может иметь в киберпространстве как реалистичное изображение, так и цифровой аватар, а юридическое лицо — только цифровой аватар.

Содержание понятия «аватар» раскрывается в литературе следующим образом. «Термин «аватар» происходит от санскритского слова *avatāra*, означающего «нисхождение». Это понятие можно расшифровать как «воплощение, олицетворение или проявление человека или идеи». Мы, как правило, сталкиваемся с аватарами в цифровом пространстве и обычно они выглядят как картинки или

мультяшные человечки, с помощью которых мы присутствуем в видеоиграх, социальных сетях или виртуальном пространстве»⁵.

В киберпространстве могут существовать аватары разных видов. Руководствуясь различными критериями, можно представить следующую *классификацию цифровых аватаров*.

1. В зависимости от способа создания следует различать аватара в виде традиционной статичной картинки либо в виде двигающегося и разговаривающего персонажа (аватар как персонаж мультфильма). Например, в литературе указано, что «цифровой аватар — это графическое (голографическое в будущем) представление пользователя глобальной сети Интернет, его персонаж, действующий на основе юнитов искусственного интеллекта»⁶.

2. В зависимости от наличия или отсутствия какой-либо связи аватара с конкретным физическим или юридическим лицом следует различать персонализированные и неперсонализированные аватары. Так, в литературе указано, что понятие «цифровой аватар» сегодня уже не связывается с конкретным лицом или лицами, это может быть аватар города или иного географического объекта; животного, которого хотят спасти экологи⁷.

3. В зависимости от того, кто конкретно управляет аватаром, следует различать аватары, управляемые людьми, и аватары, управляемые нейросетями. Так, в литературе указано, что «сейчас есть два вида аватаров: реалистичные цифровые персонажи, которыми управляют люди, и полностью автоматизированные, взаимодействующие с человеком благодаря нейросетям»⁸.

4. В зависимости от того, насколько точно персонализированные аватары копируют реальное лицо, аватаром которого они являются, следует различать реалистичные персонализированные аватары и неперсонализированные (анонимные) аватары. В литературе указано, что важно разграничивать случаи, когда аватар полностью отождествляется с пользователем, для его создания используется реальное изображение, голос пользователя, а также случаи, когда аватар является вымышленным, функционирует на конфиденциальной основе⁹. В последнем случае «лицо может создавать деперсонализированный профиль, не позволяющий его прямо идентифицировать», который воплощает «определенные представления и желания человека о себе самом только в новом образе применительно к цифровой реальности»¹⁰.

Исходя из приведенных примеров использования цифровых аватаров, можно сделать вывод, что они могут применяться с различной целью, которая в

⁵ URL: https://habr.com/ru/companies/beeline_cloud/articles/744792/.

⁶ Новицкая Л. Ю. Правосубъектность «цифрового аватара» // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 3 (65). С. 133

⁷ Минбалеев А. В. Указ. соч. С. 4.

⁸ Цифровые аватары: как виртуальные помощники переселяются из фантастических фильмов в наши квартиры и офисы // URL: <https://vc.ru/future/218083-cifrovye-avatary-kak-virtualnye-pomoshniki-pereselyayutsya-iz-fantasticheskikh-filmov-v-nashi-kvartiry-i-ofisy> (дата обращения: 06.10.2024).

⁹ Минбалеев А. В. Указ. соч. С. 14.

¹⁰ Минбалеев А. В. Указ. соч. С. 12.

некоторых случаях может быть использована для избрания правового режима охраны таких аватаров.

Во-первых, цифровые аватары могут применяться в качестве средства индивидуализации юридического лица наряду с его фирменным наименованием. В этом качестве цифровые аватары нуждаются в специальном правовом регулировании, в том числе в соответствующем изменении главы 76 ГК РФ. В любом случае такие аватары могут в будущем получить защиту в качестве объектов авторского права.

Во-вторых, цифровые аватары могут применяться в качестве обозначения, служащего для индивидуализации товаров (товарный знак или знак обслуживания), что должно быть удостоверено свидетельством на товарный знак (ст. 1477, 1481 ГК РФ).

В-третьих, цифровой аватар может использоваться физическими лицами в своем персонализированном или деперсонализированном цифровом профиле как средство самореализации в цифровом мире. На сегодняшний день такие цифровые аватары могут быть отнесены к объектам авторских прав (ст. 1259 ГК РФ). Представляется, что *de lege ferende* такие цифровые аватары нуждаются в специальном правовом регулировании как новое средство индивидуализации физических лиц.

Цифровой след. Помимо данных цифрового профиля и цифрового образа, в состав данных под названием «цифровая личность» могут входить различные наборы информации, в совокупности называемые *цифровыми отпечатками*, которые на каждого пользователя могут собирать cookie-файлы с различных сайтов. Собранные этими файлами данные могут включать, на первый взгляд, вполне безобидную информацию: разрешение экрана, языковые предпочтения, регион, версии браузера и операционной системы, используемые шрифты. В некоторых случаях — даже модель устройства, с которого пользователь зашел на сайт. Обезличенные сведения из-за своего обилия становятся пригодны для (почти) безошибочной идентификации конкретного человека. Сайт могут посетить тысячи человек через одинаковый браузер или с одинакового смартфона. У какой-то их части эти параметры совпадут. Но не у всех. Еще у меньшего числа окажется одинаковый регион и версия операционной системы. Если добавить к этому пару-тройку (или десяток) атрибутов, совпадение окажется уже совсем маловероятным, т.е. каждый отдельно взятый набор данных превратится фактически в «персональный»¹¹.

Обобщение указанной выше информации позволило некоторым исследователям сделать вывод, что цифровая личность — это «совокупность личных и персональных данных о пользователе вместе с его цифровым отпечатком. Важно понимать, что у одного реального человека может быть несколько цифровых личностей, сформированных похожими наборами данных, которые о нем собирали разные сервисы»¹². Например, одна цифровая личность формируется для банков, другая — для общения в соцсетях, третья — для государственных органов и т.п.

¹¹ URL: <https://naked-science.ru/article/hi-tech/digital-personality>.

¹² URL: <https://naked-science.ru/article/hi-tech/digital-personality>.

Таким образом, наиболее распространенным мнением в литературе о понятии и правовой природе цифровой личности является вывод, что цифровая личность — это совокупность данных о конкретном лице, которая либо позволяет его идентифицировать, либо представить определенному сообществу лиц, взаимодействующих в киберпространстве. Это либо своеобразный цифровой паспорт, либо цифровая визитка субъекта права.

Программно-функциональная составляющая. Однако, если признать правильным вывод о том, что цифровая личность — это только совокупность какой-либо информации, непонятно, откуда возник спор о том, является ли цифровая личность субъектом или объектом права, как соотносятся реальный субъект права и его цифровая личность, обладает ли цифровая личность правоспособностью и дееспособностью.

Одни авторы высказали предположение, что речь может идти о появлении нового субъекта права — «электронного лица». Такой вывод они предложили сделать, «полагаясь... на использование юридической фикции в качестве аналогичного механизма»¹³.

Другая группа ученых предложила рассматривать цифровую личность как продолжение в киберпространстве реальной личности из реального мира, которая представлена в Интернете посредством специальных идентификаторов этой среды. Так, по мнению А. А. Карцхакии, «субъектами цифровых прав могут выступать юридические или физические лица посредством цифровых идентификаторов субъекта, включая компьютерные коды, IP-адреса, персональный идентификатор (ID номер), условные обозначения (nick-name и др.), а также в виде цифровых сущностей (искусственный интеллект в различных формах). Субъекты (обладатели) цифровых прав выступают в гражданских правоотношениях посредством цифровых идентификаторов при распоряжении цифровыми правами, признаваемыми за правообладателями»¹⁴. Сторонники похожего взгляда утверждают, что за цифровой личностью всегда скрывается лицо реальное¹⁵.

Поскольку цифровая личность используется в киберпространстве прежде всего для общения, для совершения каких-либо действий, то понятие «цифровая личность» не может рассматриваться только как совокупность информации, причем не только о субъекте права, но также о товаре или ином объекте, который не может иметь правосубъектность.

Представляется, что для решения поставленной проблемы необходимо уточнить понятие «цифровая личность» и разграничить его с другими пулами информации, которые не всегда обоснованно относят к цифровой личности.

¹³ Аксенова М. А. Концепция «электронного лица» в правовом пространстве // Юрист. 2020. № 7.

¹⁴ Карцхия А. А. Цифровые права и правоприменение // Мониторинг правоприменения. 2019. № 2 (31). С. 44.

¹⁵ Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» субъектов (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. М. : Проспект, 2021. Т. 3 / отв. ред. Л. Ю. Василевская. С. 70—72 ; Лутова Д. В., Сметанина Е. Е. Виртуальная личность: доктринальные и практические проблемы идентификации субъектов // URL: <https://ujlr.ru/php/article.php?id=174>.

Прежде всего необходимо договориться, что в состав понятия «цифровая личность» должны входить только те цифровые профили (официальные или частными) и цифровые образы, которые были открыты конкретными субъектами права для целей взаимодействия с другими лицами, включая цели совершения юридически значимых действий. Они должны быть в той или иной степени персонализированными. Если цифровой профиль был открыт для целей продвижения какого-либо товара (работы, услуги) или с иной целью и он напрямую не связан с конкретным субъектом права, то такой цифровой профиль не должен называться цифровой личностью (ее нет), должен иметь иное название и иной правовой режим. Это может быть, например, реклама товаров (работ, услуг) и т.п.

Термин «цифровая личность» также предполагает, что такая «личность» будет совершать какие-либо поступки, действия в киберпространстве, будет взаимодействовать с другими такими же личностями. В этом случае эта «личность» должна иметь правоспособность, чтобы ее действия приобрели юридически значимый характер. Однако такой вывод не означает, что мы разделяем точку зрения тех авторов, которые полагают, что цифровая личность — это новый субъект права. Представляется, что на сегодняшний день предложение сделать цифровую личность субъектом права — сюжет для фильма ужасов. Каких-либо серьезных аргументов в пользу такого подхода никто не привел даже тогда, когда речь шла об ИИ.

Представляется, что правосубъектностью должен прежде всего обладать тот конкретный пользователь, который открыл цифровой профиль (официальный или частный) специально для того, чтобы через него взаимодействовать с другими такими же пользователями. Если он обладает правоспособностью и дееспособностью, то открытый им цифровой профиль может приобрести признаки цифровой личности. Таким образом, мы концептуально присоединяемся к мнению тех авторов, которые полагают, что цифровая личность — это продолжение личности конкретного субъекта права в киберпространстве. Цифровая личность — наш проводник в мире Интернета.

Однако эта позиция нуждается в уточнении, поскольку информация о пользователе (цифровой профиль, цифровой образ и цифровой след) сама по себе не может считаться личностью, поскольку личность — всегда действует, а информация — это статика.

Чтобы цифровой профиль можно было назвать цифровой личностью, необходимо, чтобы он мог использоваться пользователем для взаимодействия с другими пользователями соответствующего контента, т.е. выполнял функцию инструмента общения. Однако для этого цифровой профиль и цифровой образ пользователя необходимо снабдить соответствующим программным обеспечением. Такая программа может принадлежать как самому пользователю, так и владельцу сайта, на котором открывается цифровой профиль и появляется цифровой образ. Таким образом, программное обеспечение, необходимое для создания цифровой личности, может быть частью цифровой платформы.

Отсюда следует, что под цифровой личностью следует понимать информационно-программный комплекс, который используется субъектом права (пользователем) для дистанционного взаимодействия с другими пользователями в

киберпространстве, в том числе для совершения сделок и выполнения других юридически значимых действий.

Соответственно, понятие «цифровая личность» включает, во-первых, совокупность информации о субъекте права (цифровой профиль, цифровой образ и цифровой след), во-вторых, программное обеспечение, позволяющее действовать в киберпространстве, используя загруженную информацию.

Таким образом, цифровая личность — это способ присутствия субъекта права в киберпространстве и способ дистанционного взаимодействия с другими субъектами права в мире Интернета.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аксенова М. А. Концепция «электронного лица» в правовом пространстве // Юрист. — 2020. — № 7.
2. Бороненко Т. А., Кайсина А. В., Федотова В. С. Цифровая грамотность цифровой личности: к вопросу об уточнении понятий // Инновационные проекты и программы в образовании. — 2020. — № 4. — С. 48—55.
3. Карцхия А. А. Цифровые права и правоприменение // Мониторинг правоприменения. — 2019. — № 2 (31). — С. 43—46.
4. Минбалеев А. В. Рекомендации по развитию законодательства Российской Федерации о цифровом аватаре // URL: https://consortium.msal.ru/wp-content/uploads/2024/07/k_7-rekomendacii-po-razvitiju-zakonodatelstva-rossijskoj-federacii-o-cifrovom-avatare.pdf (дата обращения: 06.10.2024).
5. Новицкая Л. Ю. Правосубъектность «цифрового аватара» // Ленинградский юридический журнал. — 2021. — № 3 (65). — С. 128—136.
6. Реан А. А. Человек как субъект познания // Стратегия воспитания в образовательной системе России: подходы и проблемы / под ред. И. А. Зимней. — М. : Издательский сервис, 2004.
7. Четвергов Д. С. Правовой режим аватара: регулирование оборота цифрового образа личности в метавселенной // Юридическая наука. — 2023. — № 7.

**Ирина Евгеньевна
МИХЕЕВА,**

доцент кафедры
банковского права,
заведующий Центром
правового
регулирующего в сфере
высоких технологий
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
ya.miheeva@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Присоединение иностранных банков к санкциям как форма недобросовестного поведения в свете судебной практики¹

Аннотация. В статье сделан вывод, что российское законодательство не раскрывает требования к поведению, которое признается добросовестным. Вопрос о критериях добросовестного поведения, как правило, решает суд. В частности, такая позиция была высказана судами в отношении действий по присоединению к санкциям, которые признаются недобросовестными.

Рассмотрена практика, формируемая российскими судами, привлечения к внедоговорной ответственности иностранных банков, отказавшихся от исполнения своих обязательств перед российскими банками по причине введенных санкций, совместно с аффилированными с ними банками, которые осуществляют банковскую деятельность в России. Автор отмечен ряд правовых недостатков такой судебной практики, когда истцы выбирают способ защиты в виде привлечения к внедоговорной ответственности при наличии договорных отношений между сторонами. Также судами используются положения гражданского законодательства о доказывании отсутствия вины при привлечении к ответственности за недобросовестное поведение, при котором должна применяться презумпция добросовестности.

Ключевые слова: санкции, недобросовестное поведение, правонарушение, расчеты, внедоговорная ответственность, банки, договор банковского счета

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.128.4.042-051

¹ Статья подготовлена в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» «Право устойчивого развития».

Irina E. MIKHEEVA,

Associate Professor of the Banking Law Department,
Head of the Center for Legal Regulation
in the Field of High Technologies
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law)

ya.miheeva@yandex.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Joining of Foreign Banks to Sanctions as Unfair Behavior in the Light of Judicial Practice

Abstract. *The article concludes that Russian legislation does not disclose the requirements for behavior that is recognized as conscientious. The issue of the criteria of good faith, as a rule, is decided by the court, in particular, such a position was expressed by the courts in relation to actions to join the sanctions, which are recognized as unfair. The article considers the practice formed by Russian courts on bringing to non-contractual liability foreign banks that refused to fulfill their transfer obligations to Russian banks due to the imposed sanctions, together with their affiliated banks that carry out banking activities in Russia. The author notes a number of legal disadvantages of such judicial practice, namely, plaintiffs choose a way to protect the plaintiff by bringing to non-contractual liability in the presence of contractual relations between the parties. The courts also use the provisions of civil legislation on proving the absence of guilt when holding accountable for unfair behavior, in which the presumption of good faith should be applied.*

Keywords: *sanctions, unfair behavior, offense, settlements, non-contractual liability, banks, bank account agreement*

Введение

Действующее российское законодательство не раскрывает в достаточной мере, какое поведение является недобросовестным. Вопрос о критериях добросовестного поведения продолжает оставаться одним из наиболее дискуссионных в теории права.

По мнению Е. Е. Богдановой, для решения вопроса о том, является ли поведение добросовестным (или недобросовестным), необходимо исследовать критерии добросовестности, т.е. требования, которым должно отвечать поведение участника гражданского оборота, чтобы признаваться безупречным². Как пишет А. А. Вишнеvский, рассчитывать на какую-либо единую характеристику добросовестности

² Богданова Е. Е. Принцип добросовестности и эволюция защиты гражданских прав в договорных отношениях. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 31.

не приходится, этот феномен не поддается универсальному определению, вывод о добросовестном или недобросовестном поведении может быть сделан только применительно к анализу конкретных обстоятельств конкретного дела³.

Общий вывод по данному вопросу можно сформулировать следующим образом: оценка модели добросовестного поведения происходит с помощью требований (критериев), установленных законом и формируемых судами при рассмотрении каждого конкретного спора.

Отдельные критерии добросовестного поведения установлены законом. Согласно п. 1 ст. 10 ГК РФ не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

В пункте 3 ст. 307 ГК РФ предусмотрены отдельные критерии добросовестного поведения: при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать **добросовестно**, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию.

Учитывая слишком общий и ограниченный характер критериев добросовестного поведения, которые закреплены нормативно, большую часть таких критериев определяет суд. При этом для каждого судебного дела требования к добросовестному поведению могут быть различными с учетом конкретных обстоятельств дела, и в этой связи требуется определенная типизация критериев. Типичные случаи применения добросовестности уточняются практикой⁴.

В ситуации внешних ограничений судебная практика вырабатывает новые подходы к оценке поведения лиц с точки зрения их добросовестности. В частности, такая позиция была высказана судами в отношении действий по присоединению к санкциям. Так, согласно постановлениям Конституционного Суда РФ от 09.07.2021 № 34-П⁵ и от 13.02.2018 № 8⁶ следование стороной спора санкционному режиму, установленному иностранным государством в одностороннем порядке, следует квалифицировать как недобросовестное поведение.

Указанную позицию в настоящее время широко применяют арбитражные суды.

В решении Арбитражного суда г. Москвы от 17.10.2023 по делу № А40-167352/23-3-1320⁷ (далее — решение суда № А40-167352/23-3-1320) указано, что действия (бездействия) Citibank N. A. по блокированию денежных средств в связи с присоединением к санкциям признаны недобросовестными, а также повлекли причинение ущерба как ПАО «Совкомбанк», так и лицам, перед которыми банк несет ответственность за исполнение обязательств. Злоупотребление правом выразилось в том, что денежные средства вместо перечисления ПАО

³ Вишневский А. А. Принцип добросовестности в зарубежном банковском праве: подходы к проблеме // Закон. 2017. № 12. С. 183.

⁴ Жулев А. А. Добросовестность при исполнении обязательства. М. : Инфотропик Медиа, 2011. С. 17.

⁵ СЗ РФ. 2021. № 29. Ст. 5752.

⁶ СЗ РФ. 2018. № 9. Ст. 1435.

⁷ СПС «КонсультантПлюс».

«Совкомбанк» были направлены на заблокированный счет. Это нарушило права банка и причинило ему убытки.

Недобросовестными, как указал суд, являются не только действия Citibank N. A. по блокировке денежных средств истца, но также бездействие АО КБ «Ситибанк», поскольку с точки зрения российского публичного порядка и принципов добросовестности Citibank N. A. и АО КБ «Ситибанк» должны были предпринять совместные действия, направленные на адаптацию отношений с ПАО «Совкомбанк» под изменившееся регулирование в иностранных правовых порядках и своевременное исполнение обязательств перед ПАО «Совкомбанк». Признание поведения недобросовестным позволило суду вынести решение о привлечении ответчиков к внедоговорной ответственности с применением ст. 1080 ГК РФ за совместное причинение вреда.

Позиция о недобросовестном характере действий иностранных лиц, которые, несмотря на продолжение своего бизнеса в России, отказались от исполнения обязательств перед российскими лицами по мотиву применения к Российской Федерации экономических санкций, находит свое подтверждение в другой судебной практике. Речь идет о спорах по привлечению к ответственности иностранного юридического лица перед российскими компаниями путем обращения взыскания на российскую часть бизнеса международного холдинга, присоединившегося к санкциям⁸.

Чаще всего споры с банками по присоединению к санкциям связаны с замораживанием денежных средств российских банков, которые включены в список лиц, попавших под ограничения.

В основу позиции судов о привлечении к внедоговорной ответственности по ст. 1064, 1080 ГК РФ солидарно иностранных и российских банков, аффилированных с иностранными банками, которые присоединились к санкциям, положены следующие основные выводы:

- 1) действия банков являются недобросовестными, а именно:
 - со стороны иностранных банков в связи с присоединением к санкциям, в том числе путем замораживания (блокирования) на корреспондентском счете российского банка, открытого в иностранном банке, денежных средств российского банка;
 - со стороны российского банка, поскольку он имел возможность исполнить обязательство за иностранный банк в России, но не сделал этого;
- 2) совместный характер действий российских банков с иностранным банком объясняется, как правило, их взаимной аффилированностью (пользуются одним брендом, занимаются делением прибыли, имеют одного бенефициара и т.п.). Однако формирующаяся практика вызывает ряд вопросов.

1. **Применение правил о внедоговорной ответственности при наличии между сторонами договорных отношений.** Гражданский закон исходит из необходимости строгого различия оснований ответственности и по общему правилу не допускает предъявления к одному и тому же ответчику различных судебных требований (исков) по выбору потерпевшего — истца, т.е. так называемой

⁸ Решения Арбитражного суда г. Москвы от 29.11.2023 по делу № А40-170819/2023 ; от 29.06.2023 по делу № А40-191489/2022.

конкуренции исков⁹. Считается, что корни этого правила те же, что и у правила *lex specialis derogat generali*¹⁰.

Внедоговорная ответственность при наличии договора между истцом и ответчиком может использоваться в том случае, если нарушение контрагента не связано с исполнением обязанностей по договору.

Как показывает анализ судебных дел, в решениях по которым были применены нормы о внедоговорной ответственности в отношении российских банков, которые аффилированы с иностранными банками, заморозившими деньги, спорные расчетные операции с иностранными банками проводились в рамках договоров банковского (корреспондентского) счета.

Согласно п. 1 ст. 845 ГК РФ по договору банковского счета банк обязуется принимать и зачислять поступающие на счет, открытый клиенту (владельцу счета), денежные средства, выполнять распоряжения клиента о перечислении и выдаче соответствующих сумм со счета и проведении других операций по счету.

При расчетах платежными поручениями банк плательщика обязуется по распоряжению плательщика перевести находящиеся на его банковском счете денежные средства на банковский счет получателя средств в этом или ином банке в сроки, предусмотренные законом, если более короткий срок не предусмотрен договором банковского счета. Банк плательщика вправе привлекать другие банки (банки-посредники) для исполнения платежного поручения плательщика (п. 1, 3 ст. 863 ГК РФ).

В случае неисполнения или ненадлежащего исполнения платежного поручения банк несет ответственность перед плательщиком в соответствии с гл. 25 ГК РФ с учетом положений, предусмотренных ст. 866 ГК РФ.

Учитывая, что поведение иностранных банков, присоединившихся к санкциям, связано с невыполнением расчетного документа, данные действия при отсутствии обоснования отказа в совершении расчетной операции должны рассматриваться как нарушения договорных обязательств. Поэтому требования по указанным нарушениям могут быть заявлены только в рамках соответствующего договора.

Российское гражданское законодательство предусматривает право плательщика на предъявление требований к банку, обслуживающему клиента, к банку посреднику и к банку получателя средств, а также устанавливает меру ответственности — проценты, предусмотренные ст. 395 ГК РФ.

Следует понимать, что применение российского законодательства об ответственности по договору банковского счета возможно только для случаев предъявления требования российского клиента к банку, который его обслуживает, за неисполнение платежа, в том числе по причине действий иностранных банков, привлеченных к исполнению (банки-посредники, банк получателя средств), которые заморозили денежные средства банка-плательщика. Регулирование споров

⁹ Сафин Р. Р. Соотношение договорной и внедоговорной ответственности // Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация. 2016. № 1 (68). С 75.

¹⁰ Специальный закон отменяет общий закон (лат.) (URL: <https://advokat-poluektov.ru/publish/kak-vozместit-vred-prichinennyj-lichnosti-ili-imushchestvu-spornye-voprosy-deliktnoj-otvetstvennosti/?ysclid=m3rmxuxvgv199924705> (дата обращения: 01.12.2024)).

за нарушения по договору банковского счета между российским банком, денежные средства которого заблокированы, и иностранным банком, который заблокировал денежные средства, должны осуществляться по праву страны, в которой открыт корреспондентский счет российского банка, с учетом условий договоров между банками.

Судебная практика также исходит из приоритетности договорной ответственности. Так, еще в 2001 г. Верховный Суд РФ в определении от 18.12.2001 № 46-В01-6 пояснил, что, поскольку между сторонами по делу имелись договорные отношения, ответственность за неисполнение которых регулируется нормами обязательственного права, «при разрешении спора суд ошибочно сослался на единственную норму материального права — ст. 1064 ГК РФ, которая устанавливает общие основания ответственности за вред, причиненный вне договорных обязательств неправомерными действиями виновных лиц».

Суды неоднократно делали вывод: если вред возник в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения договорного обязательства, нормы об ответственности за деликт не применяются, а вред возмещается в соответствии с правилами об ответственности за неисполнение договорного обязательства или согласно условиям договора, заключенного между сторонами¹¹.

Судебные акты нижестоящих инстанций отменяются, если неверно определен характер спорных правоотношений, в результате чего неправильно применены нормы о деликтной ответственности¹².

Однако имеется следующая позиция Верховного Суда РФ. В пункте 40 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2018)¹³ указано, что право на возмещение убытков может возникать у кредитора как из нарушения договорного обязательства (ст. 393 ГК РФ), так и из деликтного обязательства (ст. 1064 ГК РФ). Объективная невозможность реализации предусмотренных законодательством о договорах механизмов восстановления нарушенного права не исключает, при наличии к тому достаточных оснований, обращение за взысканием компенсации имущественных потерь в порядке, предусмотренном для возмещения внедоговорного вреда (ст. 1064 ГК РФ), с лица, действия (бездействие) которого с очевидностью способствовали нарушению абсолютного права другого лица и возникновению у него убытков.

В этой связи представляется, что надлежащим способом защиты прав лица, денежные средства которого заморожены (заблокированы) иностранным банком, является прежде всего предъявление требований о неисполнении обязательства

¹¹ Постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18.06.2013 № 1399/13 по делу № А40-112862/11-69-982 ; от 03.06.2014 № 2410/14 ; определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18.05.2015 № 305-ЭС14-6511 по делу № А40-134251/2012.

¹² Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 03.06.2014 № 2410/14 по делу № А41-2321/13 ; определения Верховного Суда РФ от 02.03.2021 № 53-КГ20-26-К8 ; от 03.12.2013 № 78-КГ13-37.

¹³ Утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018 (в ред. от 26.12.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

по договору банковского счета, а не о привлечении ответчиков к внедоговорной ответственности.

В качестве примера приведем дело, рассмотренное Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20.11.2023 № А40-179021/202. В этом деле было рассмотрено требование клиента к российскому банку о привлечении к договорной ответственности за неисполнение платежного поручения в связи с блокировкой денежных средств российского банка иностранным банком¹⁴.

Необходимо учитывать, что привлечение к ответственности за недобросовестное поведение возможно и в рамках договора, что является еще одним аргументом в пользу того, что при наличии договорных отношений необходимо обращаться в суд прежде всего с требованием о неисполнении договорных обязательств.

2. Недобросовестное поведение как основание для привлечения к внедоговорной ответственности. Поскольку вопрос об ответственности за недобросовестное поведение напрямую зависит от того, были ли действия (бездействия) связаны с исполнением введенных США санкций в отношении российских банков, необходимо во всех случаях оценивать поведение иностранных банков с точки зрения наличия/отсутствия признаков правонарушения.

Согласно теории гражданского права, в состав гражданского правонарушения входят четыре элемента (условия ответственности): противоправность поведения нарушителя; возникновение вреда (убытков) на стороне потерпевшего; причинно-следственная связь между поведением нарушителя и вредом, возникшим у потерпевшего; вина правонарушителя¹⁵.

Все четыре условия ответственности требуется доказать только при реализации таких форм гражданско-правовой ответственности, как взыскание убытков, возмещение вреда и компенсация морального вреда¹⁶.

В зависимости от основания возникновения ответственности различают договорную и внедоговорную ответственность¹⁷.

2.1. Противоправность поведения, связанного с присоединением к санкциям. Главным условием привлечения лица к гражданско-правовой ответственности является противоправность¹⁸. Противоправность относится к числу необходимых условий гражданско-правовой ответственности¹⁹.

¹⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20.11.2023 № 305-ЭС23-11869 по делу № А40-179021/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2019. Т. 1 : Общая часть. С. 523 (автор главы — А. А. Ягельницкий).

¹⁶ Кархалев Д. Н. Причинная связь в гражданском праве // Аграрное и земельное право. 2017. № 12 (156). С. 20.

¹⁷ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: Общие положения. М. : Статут, 1997. С. 503 (автор — В. В. Витрянский).

¹⁸ Гражданское право современной России : очерки теории / под ред. Н. М. Коршунова. М. : Юнити-Дана, 2006. С. 503.

¹⁹ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Указ. соч. С. 570 (автор — В. В. Витрянский).

Противоправность проявляется либо в форме активного поведения — действия, либо в форме пассивного поведения — бездействия²⁰. Противоправность является самостоятельным элементом состава гражданского правонарушения, без которого, по общему правилу, деликтная ответственность наступить не может. Противоправность в гражданском праве характеризует поведение лица²¹.

При проверке действий иностранных банков с точки зрения их противоправности необходимо оценивать, не были ли они связаны с возложенными на них публичными функциями, в том числе с мерами по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем.

В соответствии с п. 1 ст. 858 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или договором, ограничение распоряжения денежными средствами, находящимися на счете, не допускается, за исключением наложения ареста на денежные средства, находящиеся на счете, или приостановления операций по счету, в том числе блокирования (замораживания) денежных средств в случаях, предусмотренных законом.

Аналогичные правила о публичных функциях банков применяются и для иностранных банков с учетом права страны, в которой осуществляется банковская деятельность. Если банки не выполняют указанные обязанности, то к ним могут быть применены меры ответственности, включая отзыв банковской лицензии.

В этой связи можно сделать вывод, что иностранные банки так же, как и российские, обязаны не только проверять платежные документы, но и в ряде случаев блокировать (замораживать) денежные средства клиентов, это не всегда может быть связано с санкциями, и такие действия являются правомерными, так как банки обязаны выполнять банковские правила.

Таким образом, для оценки противоправности действий по замораживанию денежных средств необходимо оценивать основания таких действия, и только если безусловно будет доказано, что банк присоединился к санкциям, рассматривать такие действия в свете позиции Конституционного Суда РФ как недобросовестное поведение.

При этом в литературе существует позиция, что недобросовестное поведение не является противоправным. Так, Е. Е. Богданова считает, что «категория “противоправность” не применима к недобросовестному поведению»²². По мнению К. И. Скловского, «исходным для понимания поведения как недобросовестного является положение о том, что недобросовестность имеет место лишь применительно к действиям правомерным»²³.

2.2. Недобросовестность или виновность банков. В решении по делу № А40-167352/23-3-1320 суд, рассматривая поведение иностранных банков и российских банков, которые с ними аффилированы, ссылается на положения ГК РФ о том, что вина должника в нарушении обязательства предполагается, пока не доказано

²⁰ Реформа обязательственного права России: проблема и перспективы : монография / отв. ред. Е. Е. Богданова. М. : Проспект, 2020. С. 287.

²¹ Гражданское право : учебник. Т. 1. С. 524 (автор главы — А. А. Ягельницкий).

²² Богданова Е. Е. Указ. соч. С. 37.

²³ Скловский К. И. Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ. Принцип добросовестности. 4-е изд., доп. М. : Статут, 2019. С. 235.

обратное. Отсутствие вины в неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства доказывается должником (п. 2 ст. 401 ГК РФ).

При этом в судебном решении суд ранее указывает, что действия банков являются недобросовестными, что позволило ему сделать вывод о причиненном вреде и применить правила о внедоговорной ответственности.

В литературе отмечается нецелесообразность применения при анализе добросовестности категорий, относящихся к институту гражданско-правовой ответственности, таких как виновность, невиновность²⁴.

При этом в ГК РФ (ст. 10) закреплена презумпция добросовестности, которую должен опровергнуть истец. Данное правило, в отличие от положений о виновности, меняет сторону, которая должна доказывать причины (мотивы) своих действий. В данном случае это должен делать истец, поскольку именно он утверждает о недобросовестности действий банков.

Таким образом, можно отметить противоречие в позиции суда.

2.3. Признак совместного причинения вреда истцу. В решении суда по делу № А40-167352/23-3-1320 недобросовестное поведение иностранного банка и аффилированного с ним российского банка признается недобросовестным с применением правила п. 1 ст. 1080 ГК РФ о лицах, совместно причинивших вред.

Законодатель не раскрывает критериев совместно причиненного вреда, в этой связи такие критерии определяются судами. В судебной практике сформированы основные ключевые позиции относительно совместно причиненного вреда.

В пункте 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде»²⁵ указано, что лица, совместно причинившие вред окружающей среде, отвечают солидарно (абз. 1 ст. 1080 ГК РФ). О совместном характере таких действий могут свидетельствовать их согласованность, скоординированность и направленность на реализацию общего для всех действующих лиц намерения. Следовательно, ответственное за возмещение вреда лицо не может определяться истцом произвольно²⁶.

Совместное причинение вреда российский правопорядок понимает в узком смысле — как действия делинквентов, которые должны быть согласованными и иметь общую цель.

В пункте 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» указано, что «в целях квалификации действий контролирующих должника лиц как совместных могут быть учтены согласованность, скоординированность и направленность этих действий на реализацию общего для всех намерения, т.е. может быть принято во внимание участие в любой форме, в том числе соисполнительство, пособничество и т.д.

²⁴ Богданова Е. Е. Указ. соч. С. 37.

²⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

²⁶ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.07.2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 11.

Пока не доказано иное, предполагается, что являются совместными действия нескольких контролирующих лиц, аффилированных между собой».

Для обоснования совместного причинения вреда в споре по делу № А40-167352/23-3-1320 суд ограничился указанием на аффилированность лиц (один бенефициар, бренд, распределение прибыли). Однако суд не оценил, мог ли российский банк фактически выполнить платеж, который не был совершен иностранным банком из-за заморозки денежных средств российского банка.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что формируемая судебная практика относительно привлечения к внедоговорной ответственности российских банков, аффилированных с иностранными банками, которые присоединились к санкциям, требует от судов выработки новых подходов. Однако позиции судебных органов должны быть последовательными и основываться на базовых принципах гражданского права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Батора П. В. Иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав как универсальная форма злоупотребления правом // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2019. — № 2 (105). — С. 48—52.
2. Богданова Е. Е. Принцип добросовестности и эволюция защиты гражданских прав в договорных отношениях. — М. : Юрлитинформ, 2014. — 344 с.
3. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. — М. : Статут, 1997. — 682 с.
4. Вишневецкий А. А. Принцип добросовестности в зарубежном банковском праве: подходы к проблеме // Закон. — 2017. — № 12. — С. 177—186.
5. Гражданское право современной России : очерки теории / под ред. Н. М. Коршунова. — М. : Юнити-Дана, 2006.
6. Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2019. — Т. 1 : Общая часть. — 576 с.
7. Жулев А. А. Добросовестность при исполнении обязательства. — М. : Инфотропик Медиа, 2011. — 112 с.
8. Кархалев Д. Н. Причинная связь в гражданском праве // Аграрное и земельное право. — 2017. — № 12 (156).
9. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая : учеб.-практ. комментарий (постатейный) / под ред. А. П. Сергеева. — М., 2010.
10. Реформа обязательственного права России: проблема и перспективы : монография / отв. ред. Е. Е. Богданова. — М. : Проспект, 2020. — 416 с.
11. Сафин Р. Р. Соотношение договорной и внедоговорной ответственности // Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация. — 2016. — № 1 (68). — С. 73—80.

**Михаил Анатольевич
ИОНЦЕВ,**

руководитель направления
Центра правового
сопровождения
цифровизации на
финансовом рынке
(на правах Управления)
Юридического
департамента Банка
России;
доцент кафедры правового
сопровождения рыночной
экономики
Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ,
кандидат физико-
математических наук
mikhail.iontsev@gmail.com
107016, Россия, г. Москва,
ул. Неглинная, д. 12

Операторы в поисках связи, или Новый расцвет договора фактического посредничества

Аннотация. В статье рассматривается правовая архитектура цифрового сегмента финансового рынка. Исследуются квалифицирующие признаки договора фактического посредничества, заключаемого путем присоединения. Автор рассматривает отношения между оператором информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и пользователями такой системы, операторами обмена цифровых финансовых активов и его пользователями. Описывается проблема изолированности различных информационных систем и предлагается один из возможных путей разрешения проблемы низкой ликвидности рынка цифровых финансовых активов. Особое внимание уделено новым видам цифровых финансовых активов, в частности рассматриваются цифровые финансовые активы, которые могут быть выпущены в одной информационной системе, а учитываться и обращаться в другой. Автор уделяет внимание так называемым стейблкоинам, которые в российском праве квалифицируются через понятие иностранных цифровых прав. При этом автор отмечает, что иностранные цифровые права могут быть любым имуществом, которое выпускается в информационных системах, организованных не в соответствии с правом России.

Ключевые слова: фактическое посредничество, договор присоединения, посреднические отношения между оператором и пользователями, кроссчейн-мосты, «переименованные» цифровые права, интероперабельность

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.128.4.052-061

Mikhail A. IONTSEV,

Head of Department of the Legal Centre support of digitalisation
in the Financial Market (as Division), Legal Department, Bank of Russia,
Associate Professor, Department of Legal Support of Market
Academy of National Economy and Public Administration under
the President of the Russian Federation,
Cand. Sci. (Physical and Mathematical)
mikhail.iontsev@gmail.com
12, ul. Neglinnaya, Moscow, Russia, 107016

Operators in Search of Communication, or a New Heyday of the Contract of Actual Mediation

Abstract. The article examines the legal architecture of the digital segment of the financial market. The qualifying features of the actual mediation agreement concluded by accession are considered. The author examines the

relationship between the operator of the information system in which digital financial assets are issued and the users of such a system, operators of digital financial asset exchange and its users. The article also describes the problem of isolation of various information systems and suggests one of the possible ways to resolve the problem of low liquidity of the digital financial asset market. Particular attention is paid to new types of digital financial assets, in particular, digital financial assets that can be issued in one information system and accounted for and circulated in another are considered. The author pays attention to the so-called “stablecoins”, which in Russian law are qualified through the concept of foreign digital rights. At the same time, the author notes that foreign digital rights can be any property that is issued in information systems organized in accordance with Russian law.

Keywords: actual mediation, interconnection agreement, intermediary relations between operator and users, crosschain bridges, “wrapped” tokens, interoperability

В цифровом сегменте финансового рынка ярко проявляются модели фактического посредничества, с учетом развития платформенных сервисов фактический посредник часто участвует в однородных по своему содержанию отношениях. Так, Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ (далее — Закон о краудфандинге) многократно (19 раз) характеризует отношения между оператором инвестиционной платформы (далее — ОИП) и участниками инвестиционной платформы, используя слово «содействие».

ОИП не совершает никаких юридически значимых действий в интересах участников инвестиционной платформы, он лишь совершает фактические действия, направленные на создание наиболее удобного механизма по размещению денежных средств и ценных бумаг². Так, согласно ст. 3 Закона о краудфандинге оператор инвестиционной платформы содействует заключению сделок между

¹ Содействие упоминается в Законе о краудфандинге каждый раз, когда необходимо квалифицировать деятельность оператора инвестиционной платформы.

² Обращаясь к компаративному анализу, следует отдельно обратить внимание на удивительное единство правопорядков в понимании вида и роли посредничества на европейском пространстве, так как, несмотря на многообразие правовых традиций в сфере договорного права, Европейский союз все же принял регламент и директиву о краудфандинге. Так, часть 2 ст. 3 Регламента (ЕС) № 2020/1503 Европейского Парламента и Совета «О европейских поставщиках услуг краудфандинга для бизнеса и о внесении изменений в Регламент (ЕС) № 2017/1129 и Директиву (ЕС) № 2019/1937» явно и недвусмысленно говорит о фактическом характере посредничества, а именно: поставщики услуг краудфандинга должны действовать добросовестно и профессионально в интересах своих клиентов. Кроме того, разъяснения к Директиве также указывают на то, что отношения между поставщиком услуг краудфандинга и его клиентами строятся по модели фактического посредничества, ведь поставщик, хотя и действует в интересах клиентов, не соверша-

лицом, привлекающим инвестиции (заемщиком) и инвестором (займодавцем). Более того, пояснительная записка к проекту указанного закона гласит, что «такие услуги состоят в соединении спроса на инвестиции со стороны участников инвестиционной платформы, привлекающих инвестиции, и предложения инвестиций со стороны участников инвестиционной платформы, являющихся инвесторами»³.

Фактическое посредничество наиболее характерно для любых операторов информационных систем, в которых осуществляются выпуск, учет и обращение цифровых прав. При буквальном и изолированном от иных положений ГК РФ толковании п. 1 ст. 141.1 ГК РФ вполне может сложиться впечатление, что вводится запрет на использование любых посреднических отношений при распоряжении цифровыми правами, в том числе цифровыми финансовыми активами (ЦФА). Однако, безусловно, данное положение необходимо толковать системно в совокупности с п. 3 ст. 149 ГК РФ. Так, указанный пункт гласит, что распоряжение, в том числе передача, залог, обременение другими способами бездокументарных ценных бумаг, а также ограничения распоряжения ими могут осуществляться только посредством обращения к лицу, осуществляющему учет прав на бездокументарные ценные бумаги, для внесения соответствующих записей.

Данная формулировка дословно воспроизводит второе предложение п. 1 ст. 141.1 ГК РФ. Сравнивая указанные положения, можно сделать вывод о том, что законодатель, во-первых, подчеркнул особенность децентрализованного учета цифровых прав (так как нет необходимости обращаться к лицу, ведущему централизованный учет), а во-вторых, в очередной раз указал, на юридическое родство бездокументарных ценных бумаг и цифровых прав.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что ГК РФ не запрещает любые виды посредничества, а только предостерегает, что распорядительные сделки с цифровыми правами, в частности с ЦФА, не подлежат централизованному учету и распоряжение цифровыми правами **возможно** непосредственно и самостоятельно обладателями цифровых прав. Именно этот признак принципиально и отличает цифровые права от бездокументарных ценных бумаг⁴.

Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁵ (далее — Закон о ЦФА) и ГК РФ указывают на то,

ет в рамках соглашения о присоединении никаких юридических действий в интересах клиентов.

³ Пояснительная записка к проекту федерального закона «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге)».

⁴ При этом указанный признак роднит цифровые права с цифровыми валютами, что делает оправданным использование слова «цифровой» в отношении указанных объектов гражданского права. Таким образом, слово «цифровой» означает возможность непосредственного распоряжения имуществом, выпуск, учет и обращение которого осуществляется в информационной системе, сближая обращение таких объектов с движимыми вещами. При этом в отношении цифрового рубля указанный вывод неприменим, так как распоряжение цифровым рублем осуществляется всегда посредством поручения, направляемого в отношении банка России.

⁵ СПС «КонсультантПлюс».

что оператор информационных систем (ОИС) ЦФА не совершает юридически значимых действий между лицами, которые совершают сделки с ЦФА, вместе с тем сложно отрицать роль ОИС ЦФА как фактического посредника.

Фактический посредник проявляется как фигура только на преддоговорном этапе сторон, в интересах которых он действует. Иными словами, фактический посредник является своего рода сводней или «свахой»⁶, которая сводит стороны вместе и содействует заключению сделки между ними. Другим ярким примером фактических посредников является организатор ярмарки или торговой площадки⁷.

Возмездность отношений по договору фактического посредничества является его факультативным признаком. Так, Закон о краудфандинге (ч. 4 ст. 3) прямо предусматривает право ОИП указать в правилах своей платформы, что плата за услуги фактического посредничества не взимается.

Иными словами, операторов обмена ЦФА, ОИС ЦФА и ОИП можно тоже называть организаторами ярмарки займов, на которой пользователи просто обмениваются долговыми расписками, удостоверенными в информационной системе на основе распределенного реестра. Оператор берет на себя обязательства создать все необходимые для этого условия и способствовать заключению наибольшего количества сделок.

Квалификация договора между ОИС ЦФА и пользователем как договора присоединения. В настоящее время существует несколько «платформенных» решений в цифровом сегменте финансового рынка, и большинство из них явно квалифицируют договоры между оператором платформы и пользователями или участниками платформы как договор присоединения⁸. При этом платформенные сервисы тяготеют к договору присоединения при конструировании отношений между оператором платформы и ее участниками или пользователями.

Закон о ЦФА прямо не определяет правовую природу договора между ОИС ЦФА и пользователями. Однако Правила ОИС ЦФА и правила операторов обмена ЦФА часто содержат указание на квалификацию отношений между оператором и его пользователями как договора присоединения⁹. В Законе о ЦФА не определен

⁶ Услуги свих в Германии регулируются договором фактического посредничества. См. например: *Affentranger S. Gesucht-Gefunden: Vergemeinschaftungs- und Reproduktionsleistungen jüdischer Heiratsvermittler* innen // Sozialpolitik. ch. 2020. № 1/2020. С. 1.1-1.1.*

⁷ *Dionisius R. Die Zukunft der Messewirtschaft in Deutschland. Regionalökonomische Bedeutung und Implikationen für die Wirtschaftsförderung durch überregionale Messen. Universität zu Köln, 2005.*

⁸ Так, согласно п. 1.4 договора счета цифрового рубля между оператором платформы цифрового рубля и пользователем платформы цифрового рубля данный договор является договором присоединения. Аналогично ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 20.07.2020 № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» указывает, что отношения между оператором и участником финансовой платформы возникают на основании договора присоединения, такая же квалификация договорных отношений между ОИП и участниками инвестиционной платформы содержится и ч. 5 ст. 3 Закона о краудфандинге.

⁹ Например, в правилах ИС ЦФА ООО «Системы распределенного реестра», ОИС ЦФА АО АКБ «Еврофинанс Моснарбанк» указывает на то, что пользователь должен присо-

порядок заключения указанного договора. Представляется, что оферта договора между ОИС ЦФА, адресованная пользователю, содержится в правилах ОИС ЦФА и, судя по практике, установившейся на рынке, составляет их значительную часть¹⁰, ввиду чего такой договор заключается путем присоединения к правилам.

Договор присоединения является сравнительно новым видом договора и требует досконального доктринального исследования¹¹. В настоящее время доктрина и законодатель еще не ответили, в частности, на вопрос о возмещении убытков присоединившейся стороне договора, причиненных ввиду одностороннего изменения договора (в том числе вызванного изменениями законодательства). Видимо, отдельного императивного регулирования требует предварительное уведомление об изменении договора, чтобы предоставить возможность пользователям спланировать свою экономическую деятельность.

Во-первых, указанные договоры, безусловно, не являются публичными, однако сомнения относительно возможной публичности могут появиться в отношении договора, заключаемого между оператором обмена ЦФА и пользователями. Как представляется, оператор обмена ЦФА не вправе отказать пользователям информационной системы, в которой осуществляется выпуск ЦФА, в заключении договора на обмен ЦФА. Таким образом, можно сделать вывод, что указанный договор содержит элемент публичного договора.

Во-вторых, учитывая, что пользователями или участниками платформ становятся тысячи лиц, возникает проблема определения адекватной процедуры оспаривания условий и отдельных положений такого договора разными лицами. В противном случае судебные органы будут в ближайшее время завалены групповыми исками. В случае изменения правил ввиду успешного оспаривания отдельных положений правил ОИС ЦФА возникнет вопрос, каким образом возмещать убытки, которые возникли у других пользователей информационной системы. Неясно, должен ли Банк России в таком случае согласовывать изменения, и если да, то в каком порядке.

В-третьих, возникает вопрос о том, как соотносить между собой разные редакции правил.

Наконец, необходимо определить, допустима ли дискриминация пользователей в правилах ОИС ЦФА, т.е. предоставление различным пользователям одного аутентификационного статуса с различным объемом прав и обязанностей.

единиться к правилам. Из пункта 2.1 правил ИС ЦФА ООО «Блокчейн хаб», п. 8.2.5 ИС ЦФА ООО «Токены», п. 1.5 ИС ЦФА ПАО «Сбербанк», п. 2.6 ИС ЦФА ПАО «СПб Биржа» явно следует, что правила являются договором присоединения. Оператор обмена ПАО «Московская биржа» также в п. 1.2 правил указывает, что правила являются офертой договора присоединения.

¹⁰ Так, в правилах ИС ЦФА ПАО «Альфа-Банк» содержится не только квалификация договора как договора присоединения, но и порядок заключения указанного договора (п. 2.5), в частности, указывается, что правила являются офертой данного договора.

¹¹ Настоящая статья не ставит перед собой указанной цели, вместе с тем автор считает важным перечислить актуальные проблемы, которые уже возникли на практике и требуют юридической дискуссии.

Квалификация отношений между оператором обмена ЦФА и его пользователями. Согласно ч. 1 ст. 10 Закона о ЦФА оператор обмена ЦФА¹² может строить свои отношения с пользователями по трем договорным моделям:

- а) когда оператор является коммерческим представителем сторон и действует на основании доверенности (модель поручения), на что указывают слова «сделка совершается через оператора обмена ЦФА»;
- б) когда он действует от своего имени, но в интересах пользователей, на что указывают слова «будучи стороной по сделке»;
- в) когда оператор обмена ЦФА является фактическим посредником¹³, т.е. не совершает никаких юридических действий, а только содействует заключению сделок посредством сбора и сопоставления заявок.

Как указано выше, целью настоящей статьи является исследование именно фактического посредничества, поэтому далее рассматривается эта модель¹⁴.

На практике оператор обмена ЦФА или ОИС ЦФА, как правило, указывают на фактическое посредничество через исключение модели поручения и модели комиссии при заключении сделок с ЦФА¹⁵.

Операторы обмена ЦФА или ОИС ЦФА, действующие в качестве фактического посредника, только способствуют заключению сделок купли-продажи и мены ЦФА между пользователями системы посредством сбора и сопоставления заявок. Их фактическое посредничество проявляется, в частности, в том, что они проверяют решение о выпуске на соответствие закону, проводят идентификацию пользователей, рекламируют платформу, чтобы она привлекала наибольшее количество пользователей, осуществляют оптимальное функционирование платформы и защиту данных и т.п. Безусловно, все эти отношения могут самостоятельно рассматриваться как предмет договора оказания возмездных услуг, однако важно помнить, что вознаграждение фактический посредник получает только, если сделка была заключена. Более того, оператор обмена ЦФА не должен получать вознаграждение, если сделка не состоялась.

¹² Правила касаются оператора ИС ЦФА, который совершает обмен ЦФА и в силу ч. 16 ст. 5 Закона о ЦФА должен определиться с договорной моделью, в рамках которой происходит обмен ЦФА, если он допускает возможность обмена ЦФА в рамках ИС ЦФА.

¹³ Например, ОИС ЦФА ООО «Системы распределенного реестра» в п. 5.2 своих правил указывает, что оператор не является стороной по сделкам с ЦФА.

¹⁴ Следует отметить, что многие правила предусматривают возможность совершения сделок с ЦФА через представителя, допускают аутентификацию оператора обмена ЦФА в качестве пользователя системы. Таким образом, модель поручения и модель комиссии теоретически заложены в правила практически всех ОИС ЦФА и операторов обмена ЦФА (п. 6.7 правил ООО «Токены», ООО «Системы распределенного реестра», п. 6.6 правил ПАО «Сбербанк», п. 6.7 правил АО АКБ «Еврофинанс Моснарбанк», п. 5.6 правил АО «Альфа-Банк»).

¹⁵ Например, из правил ОИС ЦФА АО АКБ «Еврофинанс Моснарбанк» следует, что совершение сделок с ЦФА при посредничестве оператора по выпуску ЦФА осуществляется в рамках модели фактического посредничества, когда оператор только содействует заключению сделки, однако не является ни стороной по сделке, ни представителем.

О возможном разрешении проблемы изолированности ОИС ЦФА с помощью операторов обмена ЦФА. Законодательство не содержит запретов на обращение ЦФА в информационных системах, отличных от тех, в которых они выпущены, хотя и не предписывает специального порядка или особенностей такого обращения. Однако до принятия Закона об иностранных цифровых правах¹⁶ (далее — Закон об ИЦП), который изменил в том числе ч. 1 ст. 4 Закона о ЦФА, ОИС ЦФА существовали в режиме «отдельных колодцев» и совершение сделок с ЦФА (т.е. обращение ЦФА), выпущенных в различных информационных системах, через операторов обмена ЦФА не осуществлялось.

Вероятно, изолированность ОИС ЦФА связана с тем, что операторы обмена ЦФА зарегистрированы сравнительно недавно и только формируют методологию и бизнес-подходы, включая ее технические составляющие, которые позволяют настраивать возможность совершения сделок с ЦФА, выпущенными в разных информационных системах. Другим потенциальным фактором изоляции ОИС ЦФА друг от друга является наличие экономического антистимула к объединению, так как обращение ЦФА между системами сопряжено с рисками перетоков клиентских баз¹⁷.

Представляется, однако, что более реалистичной причиной изоляции ОИС ЦФА является ограничительное толкование части 1 ст. 4 Закона о ЦФА, согласно которой ЦФА *учитываются* в информационной системе, в которой осуществляется их выпуск, в виде записей способами, установленными правилами указанной информационной системы. Буквально обращение ЦФА не запрещено, при этом совершение сделок с ними непосредственно связано с внесением записей в информационную систему, что понималось многими участниками цифрового сегмента финансового рынка как учет¹⁸.

Вводя часть 1 ст. 4 Закона о ЦФА в старой редакции, законодатель преследовал весьма простую цель — избежать двойного учета цифрового финансового актива, который обращается в информационной системе, отличной от той, в которой был выпущен. Более того, законодатель заложил возможность обращения ЦФА в различных информационных системах изначально, указав, что оператор обмена ЦФА может совершать сделки с ЦФА, которые выпущены в любых информационных системах, включая иностранные, на что прямо указывала старая редакция ч. 1 ст. 10 Закона о ЦФА, а ОИС ЦФА — только с теми ЦФА, которые выпущены в его информационной системе (ч. 16 ст. 5 Закона о ЦФА).

Таким образом, оператор обмена ЦФА является лицом, которое технически обеспечивает функционирование так называемых кроссчейн-мостов с целью

¹⁶ Федеральный закон от 08.08.2024 № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». При рассмотрении в Государственной Думе между вторым и третьим чтениями законопроект, изначально регулировавший отношения, связанные с майнингом, был существенно дополнен в части, связанной с совершенствованием регулирования обращения цифровых прав, включая иностранные цифровые права и «переименованные» ЦФА.

¹⁷ Цифровые финансы как новая экономическая реальность : интервью с И. А. Чебесковым // Финансы. 2023. № 8. С. 3—6.

¹⁸ Павлова Д. А. Юридические факты в реализации цифровых прав // Цивилист. 2024. № 3. С. 61—67.

обеспечения peer-to-peer (атомарных) сделок с ЦФА, которые выпущены в различных информационных системах¹⁹.

Рассмотрим теперь сделки peer-to-peer, которые осуществляются лицами, обладающими ЦФА, выпущенными в разных информационных системах, т.е. проводятся с использованием смарт-контрактов, функционирующих в качестве кроссчейн-мостов.

Указанные расчеты возможны с помощью так называемых «переименованных» цифровых прав (wrapped token)²⁰. Часто в экономической литературе их называют «обернутыми», однако автор считает, что буквальный перевод слова отдаляет от понимания технического процесса.

Смарт-контракт (кроссчейн-мост) технически работает как эскроу-агент, на адреса-идентификаторы которого зачисляются необходимые ЦФА в соответствующих информационных системах. Такие ЦФА находятся в заблокированном состоянии до выполнения всех условий обмена ЦФА, о соблюдении которых смарт-контракту направляет сигнал специальный оракул²¹. После соблюдения условий обмена ЦФА (А), которые были заблокированы на адресе-идентификаторе смарт-контракта, в информационной системе (А) переименовываются в ЦФА (В) и зачисляются на адрес-идентификатор пользователя в этой системе. Аналогичные операции производятся в информационной системе (В).

Так как разблокировка ЦФА может зависеть²² от воли стороны сделки по обмену ЦФА, возникает особенность работы такого смарт-контракта по обмену ЦФА, которая обеспечивает выполнение условий сделки обеими сторонами в определенные временные рамки.

Таким образом, фактического «перенесения» ЦФА из разных систем не производится, ЦФА (А) продолжает обращаться в информационной системе (А), однако под новым именем. Аналогичное происходит и с ЦФА (В). Следует отметить, что операторы обмена ЦФА и ОИС ЦФА должны установить смарт-контракты, выполняющие функции кроссчейн-мостов, что требует технической совместимости таких информационных систем.

Описанная выше модель обращения ЦФА позволяет продолжать учитывать ЦФА (А) в информационной системе (А), однако под новым именем. Следует отметить, что Закон о ЦФА не дает понятия учета ЦФА в информационной системе,

¹⁹ В экономической научной номенклатуре часто используется термин «атомарный своп», или «атомарная сделка» (Atomic Swaps). Данное решение не является единственным из всех возможных, которые строятся с помощью смарт-контрактов, однако является самым простым и для целей настоящей статьи представляется достаточным.

²⁰ Информация для разблокировки тоже, как правило, направляется автоматизировано, т.е. с помощью оракулов — технических средств и алгоритма, которые иницируют работу смарт-контракта при соответствии показателей, которые они отслеживают, условиям срабатывания смарт-контракта.

²¹ Волос А. А. Свобода договора и ее пределы в цифровой среде // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. № 2. С. 254—273.

²² Танага А. Н. Момент заключения договора в российском гражданском праве : монография. М. : Проспект, 2023.

однако, увы, на практике сложилось мнение, что учет понимается именно как внесение записей, связанных с наименованием ЦФА.

Представляется, что учет ЦФА можно понимать широко — как наличие информации в информационной системе, которая позволяет определить правовой режим ЦФА: заблокировано или переименовано оно для каких-либо целей (в том числе обращения в иных информационных системах) или свободно обращается в «родной» информационной системе.

Закон об ИЦП предлагает новую редакцию части 1 ст. 4 Закона о ЦФА, подтверждая ограничительное толкование учета, при этом устанавливая закрытый перечень исключений из указанной статьи, которые должны быть предусмотрены отдельными положениями Закона о ЦФА. Представляется, что снятие общего запрета позволит сформировать новую практику и свежий взгляд на роль операторов обмена ЦФА, так как ч. 1 ст. 10 и п. 2 и 1 ч. 2 ст. 11 Закона о ЦФА теперь можно толковать как исключения из запрета, установленного частью 1 ст. 4 Закона о ЦФА.

В заключение необходимо назвать две ключевые задачи, которые были поставлены перед отечественной цивилистикой в результате развития цифровых сервисов и технологий: во-первых, отечественной доктрине предстоит досконально изучить вопрос договора присоединения, который приобрел невероятную популярность в связи с развитием платформенных сервисов и технологий; во-вторых, необходимо вернуться к изучению договора фактического посредничества и, возможно, кодифицировать положения о нем в ГК РФ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бернзеефт Ф., Колер И.* Гражданское право Германии. — СПб., 1910.
2. *Борлакова К. Д.* Понятие и правовая природа инвестиционной платформы // Юрист. — 2022. — № 12.
3. *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право. — М. : Статут, 2002. — Кн. 3 : Договоры о выполнении работ и оказании услуг.
4. *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право. Договоры о банковском вкладе, банковском счете; банковские расчеты. Конкурс, договоры об играх и пари : в 5 т. — М. : Статут, 2006. — Т. 2. — 623 с.
5. *Бурова А. Ю.* Случайное посредничество: понятие и некоторые вопросы соотношения с маклерством // Российский юридический журнал. — 2020. — № 4.
6. *Василевская Л. Ю.* Договоры номинального счета и счета эскроу: общее и особенное в правовой регламентации // Гражданское право. — 2017. — № 3.
7. *Дождев Д. В.* Институт владения в римском праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1997.
8. *Егоров А. В.* К вопросу о понятии посредника при сделках с заинтересованностью // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. — 2002. — № 5.
9. *Егоров А. В.* Предмет договора комиссии // Актуальные проблемы гражданского права : сборник статей. — Выпуск пятый / под ред. В. В. Витрянского. — М. : Статут, 2002.

10. Заем, кредит, факторинг, вклад и счет : Постатейный комментарий к статьям 807—860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации / В. В. Байбак, О. М. Иванов, А. Г. Карапетов [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. — М. : М-Логос, 2019.
11. *Лысова Ю. В.* Договор банковского вклада в условиях применения правил каунтеракционного законодательства // Хозяйство и право. — 2022. — № 1.
12. *Муромцев С. А.* Гражданское право Древнего Рима. — М., 2003.
13. *Сырбо В. А.* Отечественный и зарубежный опыт гражданско-правового регулирования фидуциарных отношений (история и современность) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008.
14. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования : науч.-практ. пособие / под ред. И. И. Кучерова, С. А. Сеницына. — М. : ИЗИСП ; Норма, 2022.

**Алексей Владимирович
ЧИРКОВ,**

доцент кафедры
банковского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
ac.16495@gmail.com
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Некоторые вопросы влияния санкционных ограничений на права потребителей финансовых услуг

Аннотация. Статья посвящена исследованию воздействия санкций на состояние защиты прав потребителей финансовых услуг в России. Автор доказывает, что санкции вызывают необходимость адаптации законодательства и банковской системы для сохранения ее финансовой устойчивости и защиты прав и интересов потребителей финансовых услуг. Рассматриваются меры государственной поддержки, а также принятые в этих целях законодательные решения, влияющие на закрежденность граждан и право распоряжения вкладами в иностранной валюте. Выявлено влияние санкционных ограничений на оказание цифровых финансовых услуг. Автором доказано, что принятые меры законодателя и Банка России могут быть оценены положительно, поскольку позволили, во-первых, сохранить финансовую и ценовую стабильность, во-вторых, обеспечить устойчивость финансовых организаций и их возможность оказывать базовые финансовые услуги гражданам, несмотря на введенные санкционные ограничения. Предлагается ряд мер по дальнейшему совершенствованию системы защиты прав граждан на финансовом рынке в условиях действующих ограничительных мер.

Ключевые слова: санкции, санкционные ограничения, потребитель, цифровые финансовые услуги, Банк России, предписание Банка России, кредит, вклад, платежи, кредитные каникулы, иностранная валюта

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.128.4.062-072

Alexey V. CHIRKOV,

Associate Professor of the Banking Law Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law)

ac.16495@gmail.com

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Issues of the Impact of Sanctions on the Rights of Consumers of Financial Services

Abstract. The article is devoted to the study of the impact of sanctions on the state of protection of the rights of consumers of financial services in Russia. The author proves that sanctions necessitate the adaptation of legislation and the banking system to maintain its financial stability and protect the rights and interests of consumers of financial services. The article considers

measures of state support, as well as legislative decisions adopted for these purposes, affecting the indebtedness of citizens and the right to dispose of deposits in foreign currency. The impact of sanctions restrictions on the provision of digital financial services is revealed. The author proves that the measures taken by the legislator and the Bank of Russia can be assessed positively, since, firstly, they allowed maintaining financial and price stability, and secondly, ensuring the stability of financial institutions and their ability to provide basic financial services to citizens, despite the imposed sanctions. The author proposes a number of measures to further improve the system of protecting the rights of citizens in the financial market under the current restrictive measures.

Keywords: *sanctions, sanctions restrictions, consumer, digital financial services, Bank of Russia, Bank of Russia order, credit, deposit, payments, credit holidays (grace period on credit), foreign currency*

Введение

В 2022—2024 гг. против Российской Федерации и российских финансовых организаций были введены санкционные ограничения¹. Ряд таких ограничений влияют на права российских потребителей финансовых услуг. В их числе можно выделить запреты, связанные с возможностью вести расчеты в долларах, евро, фунтах и иенах для отдельных российских банков, ограничения на поставку банкнот и монет отдельных юрисдикций², запрет финансовой оценки России и российских компаний европейскими рейтинговыми агентствами³.

К таким же ограничениям может быть отнесено включение в SDN⁴ ряда российских банков, в том числе крупнейших, что означает блокировку их активов в США и запрет на долларовые транзакции, ограничения на корреспондентские счета в США и др.⁵ При этом законодатель и Банк России принимали ряд мер,

¹ Понятия «санкционные ограничения», «ограничительные меры», «санкции» в настоящей статье используются как синонимы.

² ЕС ввел запрет продавать, поставлять, передавать и экспортировать на территорию Российской Федерации банкноты евро. См.: Council Regulation (EU) 2022/345 of 1 March 2022 amending Regulation (EU) No. 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine.

³ Описание указанных санкций, а также подробный анализ санкционных и контрсанкционных мер в системе регулирования современных общественных отношений см.: Право в условиях санкций / под общ. ред. Б. А. Шахназарова. М. : Проспект, 2023.

⁴ Подробнее см., например: What is a Specially Designated National (SDN)? // URL: www.sanctions.io/blog/what-is-a-specially-designated-national-sdn/ (дата обращения: 04.12.2024).

⁵ United States, G7 and EU Impose Severe and Immediate Costs on Russia // URL: www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/04/06/fact-sheet-united-states-g7-and-eu-impose-severe-and-immediate-costs-on-russia/ (дата обращения: 01.08.2024).

направленных на повышение устойчивости банковской системы в условиях введенных санкционных ограничений и защиту прав граждан⁶.

Несмотря на это, санкции оказали влияние на особенности реализации прав граждан на финансовом рынке. Причем реализовались ранее подробно не изучавшиеся в банковском праве санкционные риски⁷. Управление такого рода рисками также, как правило, не выделялось в системе управления рисками финансовых организаций в Российской Федерации. По этой причине финансовая система России, как представляется, не была полностью готова к реализации всех санкционных рисков, а последствия их реализации отразились и на клиентах финансовых организаций.

Так, полное или частичное неисполнение обязательств финансовыми организациями традиционно рассматривалось либо в контексте виновных действий должника, либо в связи с признаками несостоятельности (банкротства)⁸. На противодействие таким «традиционным» рискам было ориентировано пруденциальное регулирование⁹ банковской деятельности. При этом на финансовом рынке, с учетом значительного количества таких требований и правил, надзора со стороны Банка России, случаи неисполнения обязательств финансовыми организациями перед гражданами были исключительными.

Однако в текущей ситуации введенные ограничительные меры против различных российских финансовых организаций сделали невозможным для ряда из них выполнение части принятых на себя обязательств. При этом невозможность исполнения не связана с финансовой устойчивостью (наличием денежных средств (активов) для оплаты долга). Она стала следствием введенных ограничительных мер либо против таких финансовых организаций (конкретных юридических лиц)¹⁰,

⁶ Перечень мер см.: Меры защиты финансового рынка // URL: www.cbr.ru/support_measures, (дата обращения: 12.06.2024).

⁷ Санкционные риски упоминались в отдельных работах как фактор, который необходимо принимать во внимание при изучении тех или иных правовых вопросов (см., например: *Рудерман И. Ф.* Международные расчеты в цифровую эпоху: основные правовые проблемы и пути их решения // *Банковское право.* 2021. № 6. С. 24—32 ; *Гландин С. В., Панов Ф. Ю.* Ограничительные меры и санкции в праве Соединенного Королевства: до и после Brexit // *Закон.* 2020. № 6. С. 142—158). Однако нам не удалось найти ни одного исследования до 2022 г., в котором бы такие риски оценивались с точки зрения влияния на финансовый рынок России в целом и (или) в котором бы предлагались меры по управлению санкционным риском, в том числе на уровне позитивно-правового регулирования. Обычно рассматриваемые риски см.: *Борисенко Е. А.* Риски в деятельности кредитных организаций // *Финансовое право.* 2020. № 7. С. 42—47.

⁸ См. подробнее, например: *Фролов И. В.* Институт несостоятельности (банкротства) в системе российского права: модель и внутренняя структура // *Предпринимательское право.* 2020. № 1. С. 30—38.

⁹ См., подробнее, например: *Алексеева Д. Г., Пыхтин С. В., Хоменко Е. Г.* *Банковское право : учебное пособие.* 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 157.

¹⁰ , О санкциях в отношении ряда российских кредитных организаций см., например: *The UK's Overseas Territories and sanctions against Russia* // URL: researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-9485/CBP-9485.pdf (дата обращения: 15.06.2024).

либо против Российской Федерации в целом¹¹. На практике это уже приводит к спорам, например, в связи с замороженными из-за санкций денежными средствами при платежах¹².

С учетом изложенного рассмотрим влияние санкционных ограничений на реализацию прав потребителей финансовых услуг, а также на содержание указанных услуг (условия договоров об оказании финансовых услуг и практику их исполнения) на примере вкладов и кредитов. Такой анализ позволит сформулировать предложения по совершенствованию механизмов защиты прав граждан на финансовом рынке.

Влияние санкционных ограничений на вклады граждан

Для вкладчиков, заключивших договор банковского вклада в рублях, изменений, влияющих на объем их прав и обязанностей по договору, по сути, не произошло.

Иная ситуация сложилась с вкладчиками, заключившими договор в иностранной валюте. В условиях, когда ряд иностранных государств ограничил ввоз в Российскую Федерацию наличной иностранной валюты, возник вопрос ее физической доступности. С учетом ограниченного поступления долларов США и евро в Россию в наличной форме Банк России с 09.03.2022 до 09.03.2025 (на дату написания статьи) ввел ограничения на выдачу иностранной валюты с вкладов и (или) счетов граждан в размере не более 10 тыс. долларов США (ее эквивалента в других валютах)¹³. В результате такого решения граждане, имевшие на счетах и во вкладах по состоянию на 08.03.2022 сумму, превышавшую 10 тыс. долларов США (или ее эквивалент в рублях), могут снять сумму свыше такого лимита только в рублях. При этом вплоть до сентября 2022 г. не было определено, по какому курсу должна определяться выдаваемая в рублях сумма валютного вклада (курсу, установленному Банком России, внутреннему курсу кредитной организации или иному). Указанный пробел способствовал ущемлению прав вкладчиков, имевших вклад в иностранной валюте.

По состоянию на 04.12.2024 по вопросу выдачи вкладов в иностранной валюте действует следующее «регулирование»:

«Банк России сохраняет ограничения по наличной валюте... Для граждан, чей валютный счет или вклад был открыт до 9 марта 2022 года, сохраняется лимит на снятие валюты в сумме остатка денежных средств на 00:00 по московскому времени указанной даты, но не более 10 тыс. долларов США или эквивалентной суммы в евро, независимо от валюты вклада или счета, при условии что они ранее не реализовали такую возможность.

¹¹ Например, США запретили экспорт, реэкспорт, продажу и поставку в Россию долларовых банкнот (URL: www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2022/03/11/executive-order-on-prohibiting-certain-imports-exports-and-new-investment-with-respect-to-continued-russian-federation-aggression (дата обращения: 25.05.2024)).

¹² См., например: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20.11.2023 № 305-ЭС23-11869 по делу № А40-179021/2022.

¹³ См. подробнее: Банк России вводит временный порядок операций с наличной валютой // URL: www.cbr.ru/press/event/?id=12738 (дата обращения: 28.05.2024).

Остальные средства можно получить в рублях. Выплачиваемая сумма не может быть меньше рассчитанной на день выплаты *по официальному курсу Банка России* для средств, размещенных на счете до 9 сентября 2022 года. Средства, размещенные после 9 сентября 2022 года, выдаются *по курсу банка* (курсив наш. — А. Ч.) на дату выдачи»¹⁴.

Указанное решение значительно отразилось на гражданах, имевших вклады в иностранной валюте. Не сомневаясь в экономической целесообразности введенных мер, отметим необходимость их соотношения с конституционными гарантиями права собственности. Неочевидно, что фактически принудительная конвертация валютных вкладов, превышающих 10 тыс. долларов США (или их эквивалент), в рубли для одного из способов распоряжения банковским вкладом не нарушает право собственности гражданина.

Крайне неоднозначной является и правовая реализация принятого решения. По сути, до сведения граждан был доведен только не являющийся правовым актом пресс-релиз Банка России. Вероятно, возможность установления описанного ограничения на снятие наличной иностранной валюты могла бы рассматриваться в форме федерального закона. С учетом положений ст. 55 Конституции РФ крайне спорным, но теоретически возможным является установление соответствующего регулирования на уровне нормативного акта Банка России.

Однако ни соответствующий федеральный закон, ни иной нормативный правовой акт, установивший ограничение на распоряжение иностранной валютой, находившейся на счетах и вкладах в кредитных организациях, опубликован не был. С учетом ч. 3 ст. 15 Конституции РФ, предусматривающей, что любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения, исполнение кредитными организациями неопубликованных норм выглядит крайне неоднозначным. Пожалуй, с точки зрения реализации — это одно из самых спорных правовых решений в части противодействия санкциям, влияющих на права граждан на финансовом рынке.

Указанные соображения, вероятно, разделялись и рядом вкладчиков, которые пытались добиться выдачи вклада в иностранной валюте сверх лимита в 10 тыс. долларов США в судебном порядке: в судебной практике имеются десятки таких дел. Однако в проанализированных решениях вкладчикам в удовлетворении их требований было отказано¹⁵, иногда даже с отменой решения финансового уполномоченного, которым требование вкладчика изначально было удовлетворено¹⁶.

¹⁴ Решение Совета директоров Банка России о комиссии при выдаче физическим лицам наличной иностранной валюты от 06.09.2023 // URL: www.cbr.ru/about_br/dir/rsd_2023-09-06_31_01/ (дата обращения: 01.02.2024)) ; Информация Банка России // URL: www.cbr.ru/press/event/?id=17055 (дата обращения: 01.02.2024)).

¹⁵ См., например: определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10.08.2023 № 88-14250/2023 по делу № 2-3297/2022 ; определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 05.04.2023 по делу № 88-8790/2023 ; определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 01.08.2023 № 88-17240/2023.

¹⁶ Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10.08.2023 № 88-14250/2023 по делу № 2-3297/2022.

Удивительно, но именно анализ судебной практики является для граждан возможностью узнать, каким именно актом были установлены ограничения на распоряжение вкладом (в формате снятия наличных денежных средств в валюте вклада) и что именно в нем написано. Исходя из текста определения Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10.08.2023 № 88-14250/2023 по делу № 2-3297/2022¹⁷, это предписание Банка России от 08.03.2022 № 03-36/1479ДСП.

Согласно тексту рассматриваемого предписания, приведенного в судебных актах, оно было направлено в адрес не одной, а неограниченного круга кредитных организаций. При этом в нем было не требование об устранении нарушений в деятельности конкретного банка (как понимается классическое содержание предписания Банка России), а фактически правило поведения, рассчитанное на неоднократное применение в течение всего срока действия предписания. Если согласиться с такой оценкой содержания акта, то, вероятно, он должен носить нормативный, а не распорядительный характер.

Надо сказать, что часть этих аргументов выносилась и на рассмотрение суда. Так, в кассационной жалобе указано, что «предписание не является нормативным правовым актом, обязательным для исполнения, и противоречит нормам гражданского законодательства, устанавливающим запрет на ограничение распоряжения клиентом денежными средствами, находящимися на счете». Однако, по мнению суда, это не влечет отмену апелляционного определения по следующим причинам: «Пунктом 5 статьи 20 Федерального закона от 08.03.2022 № 46-ФЗ... предусмотрено, что в целях обеспечения финансовой стабильности Банк России на срок не более шести месяцев вправе решением Комитета банковского надзора или Комитета финансового надзора приостанавливать (ограничивать) проведение кредитными и некредитными финансовыми организациями операций и сделок, устанавливать нормативы, ограничивающие риски, на индивидуальной основе, вводить иные показатели деятельности кредитных и некредитных финансовых организаций, в том числе на индивидуальной основе. Из содержания статьи 74 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном Банке Российской Федерации (Банке России)» следует, что *предписания Банка России обязательны для исполнения кредитными организациями, соответственно, обязательны для АО «БКС Банк»* (курсив наш. — А. Ч.) <...> в период действия предписания Банка России от 09.03.2022, взыскание... денежных сумм, размещенных на счетах в иностранной валюте... противоречит закону...»¹⁸.

Такие выводы в определении в отсутствие развернутого анализа каждого аргумента истца судом комментировать затруднительно.

Несколько выходит за пределы рассматриваемой темы, но является необходимым в контексте ее обсуждения вопрос: чем по своей природе является предписание Банка России, это нормативный акт?

Исходя из ст. 7 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (далее — Закон о ЦБ), есть закрытый перечень видов

¹⁷ Официально не опубликовано.

¹⁸ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25.01.2023 № 88-1060/2023.

нормативных актов Банка России (указание, положение, инструкция), и предписание им не является.

В первой редакции (от 10.07.2002) Закона о ЦБ слово «предписание» встречалось трижды в одинаковом значении: обязательного для исполнения требования (предписания) об устранении выявленных в деятельности кредитной организации нарушений. Такая формулировка позволяла отнести предписание к индивидуальному распорядительному правовому акту, направляемому в адрес *конкретной* кредитной организации. Данный подход и сейчас отражен в рекомендуемой форме предписания¹⁹.

В редакции Закона о ЦБ, действующей по состоянию на 04.12.2024, слово «предписание» встречается уже 100 раз. Появились предписания в виде требования об уплате штрафа (ст. 82.6), замене должностного лица (ст. 60). Для отдельных видов предписаний установлен специальный порядок их направления²⁰, о некоторых из них Банк России обязан размещать информацию на сайте Банка России (см., например, ст. 61).

В целом регулирование такого акта, как предписание Банка России, можно признать фрагментарным, бессистемным для разных видов предписаний и внутренне противоречивым для предписаний в адрес разных видов организаций. Возможно, именно этим и объясняется возникшая проблема с предписанием Банка России 08.03.2022 года № 03-36/1479ДСП²¹. Вероятно, «ДСП» здесь означает «для служебного пользования». То есть документ не только не подлежит официальному опубликованию, но в принципе является информацией с ограниченным режимом доступа. Может ли документ, затрагивающий права вкладчиков, быть для служебного пользования? Как представляется, недопустимость грифа «ДСП» на нормах, затрагивающих права граждан, вытекает из процитированного выше положения Конституции РФ.

Таким образом, рассмотренные недостатки Закона о ЦБ в конкретном случае фактически способствовали подмене нормативного акта распорядительным с указанными выше последствиями для граждан.

Само установление ограничения в условиях введенных санкций, с нашей точки зрения, является обоснованным (невозможно выдавать без ограничения наличную иностранную валюту, поступление которой в банк и в страну в целом ограничено). Однако в целях обеспечения надлежащей правовой защиты вкладчиков рассмотренные в настоящем разделе меры должны быть реализованы в виде федерального закона.

¹⁹ Инструкция Банка России от 21.06.2018 № 188-И // Вестник Банка России. 31.08.2018. № 65.

²⁰ Положение Банка России от 09.12.2020 № 745-П // Вестник Банка России. 03.02.2021. № 5.

²¹ О проблемах обжалования предписаний Банка России см., например: *Иваненко Н. А.* Обжалование кредитной организацией ненормативных правовых актов Банка России: отдельные процессуально-правовые аспекты // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 6. С. 89—92.

Влияние санкционных ограничений на кредиты (займы) граждан

Как и в случае с вкладами, непосредственно введенные санкционные ограничения не оказали прямого влияния на кредитование в рублях российских граждан российскими кредитными организациями. Вместе с тем на данный процесс повлиял ряд связанных с санкциями факторов.

Во-первых, выросла общая неопределенность развития экономической ситуации в стране, что увеличило кредитные риски банков. Это, в свою очередь, привело к повышению процентных ставок по потребительским кредитам для граждан и снижению лимитов кредитования по кредитным картам.

Во-вторых, была повышена ключевая ставка Банка России до 20 % годовых 28.02.2022 для обеспечения ценовой и финансовой стабильности, что также повлияло как на фиксированные, так и на переменные процентные ставки по кредитам гражданам. Таким образом, все это оказало негативное влияние на способность граждан исполнять кредитные обязательства, а также на состояние финансовой доступности.

В таких условиях законодателем и Банком России был принят ряд шагов для снижения влияния указанных выше негативных факторов на кредитование в Российской Федерации.

В качестве оперативной меры Банк России рекомендовал кредитным организациям и другим профессиональным кредиторам (МФО, КПК, СКПК, ломбардам) рассматривать заявления заемщиков об отсрочке исполнения обязательств по кредитному договору, не выселять из квартир, являющихся объектом залога, граждан даже при наличии просроченной задолженности по договору кредита (займа), исполнение обязательств по которому обеспечено ипотекой.

Кроме того, в условиях высоких процентных ставок «классическим» инструментом, направленным на сохранение доступности кредитования, являются программы субсидирования процентной ставки для конечного заемщика. В рамках таких программ государство компенсирует часть расходов банков, которые предоставляют кредиты гражданам по льготной ставке (ниже рыночного значения). После сложившейся весной 2022 г. экономической ситуации такие льготные кредиты были доступным молодым семьям, IT-специалистам и др. Ряд из них сохраняются и в 2024 г.²²

С точки зрения правовых, а не экономических решений представляют интерес два закона, направленные на защиту прав граждан в потребительском кредитовании.

Во-первых, был принят «антисанкционный» Федеральный закон от 08.03.2022 № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»²³, ст. 13 которого предусматривала продление до 31.12.2023

²² См., например: Ипотека для IT: условия льготной программы в Сбере // URL: <https://blog.domclick.ru/ipoteka/post/ipoteka-dlya-it-usloviya-igotnoj-programmy-v-sbere-instrukciya-i-sписок-компани>, (дата обращения: 20.01.2024).

²³ Российская газета. 10.03.2022. № 51.

так называемых кредитных каникул²⁴. Указанный акт²⁵ предусматривает право заемщика-гражданина временно приостанавливать исполнение обязательств по кредитному договору на условиях, определенных в законе. Данная мера показала свою эффективность: по данным Банка России, в график платежей возвращаются более 85 % ипотечных заемщиков и более 70 % должников по потребкредитам²⁶. Учитывая это, в 2023 г. законодателем данный механизм был закреплен²⁷ уже не как антикризисный, а в качестве постоянного правового института²⁸.

Во-вторых, было введено специальное регулирование в отношении кредитов и займов, получаемых гражданами по переменным ставкам. Актуальность вопроса связана с тем, что Закон «О потребительском кредите (займе)»²⁹ до 01.09.2024 предусматривал неограниченную возможность заключения договора, в котором будет использоваться переменная процентная ставка (т.е. привязанная к некой изменяющейся величине, не зависящей от воли сторон кредитного договора). По таким кредитным договорам (договорам займа) в случае резкого повышения ставок на денежном рынке (как например, ключевой ставки, которая была повышена с 9.5 до 20 % годовых) обязательства заемщика могут увеличиваться крайне существенно. Для снижения рисков заемщиков, имеющих кредиты (займы) с переменной процентной ставкой, были приняты поправки³⁰, которые, во-первых, запретили использование переменных ставок для необеспеченных кредитов (займов), во-вторых, ввели дополнительные гарантии для большинства ипотечных заемщиков в случае применения переменных ставок в обеспеченном кредите или займе³¹. Как представляется, такие поправки могут быть оценены положительно, поскольку они ограничили практику перекалывания банком процентного риска (а в более широком смысле — и предпринимательского риска) на заемщика-гражданина, являющегося слабой стороной договора.

Указанный комплекс мер, принятых законодателем и Банком России в 2022—2024 гг., оказался достаточно эффективным и обеспечил возможность исполнения заемщиками обязательств по договору потребительского кредита (займа) в условиях санкционных ограничений со стороны иностранных государств. Учитывая, что данные законодательные решения носят постоянный характер, их

²⁴ Федеральный закон от 03.04.2020 № 106-ФЗ // Российская газета. 06.04.2020. № 73.

²⁵ Изложенное далее касается потребительских кредитов и займов, не обеспеченных ипотекой. По кредитам и займам с таким обеспечением кредитные каникулы введены с 31.07.2019 (Федеральный закон от 01.05.2019 № 76-ФЗ).

²⁶ В Центробанке отметили эффективность кредитных каникул // URL: [1//prime.ru/banks/20230921/841793910.html](https://prime.ru/banks/20230921/841793910.html).

²⁷ Федеральный закон от 24.07.2023 № 348-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 31.07.2023. № 167.

²⁸ См подробнее, например: *Романов Г. П.* Кредитные каникулы: правовой аспект // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 9. С. 168—175.

²⁹ Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» // Российская газета. 23.12.2013. № 289.

³⁰ Федеральный закон от 22.06.2024 № 151-ФЗ // Парламентская газета. 27.06.2024. № 23.

³¹ Подробнее см., например: *Смирнов Е. Е.* Новые правовые меры в интересах ограничения рисков для заемщиков // Аудитор. 2024. № 6. С. 3—9.

реализация способствует общему повышению защиты прав заемщиков в потребительском кредитовании.

Выводы

Санкционные ограничения оказали влияние на реализацию прав граждан на финансовом рынке. При этом такое влияние было неодинаковым в разных секторах финансового рынка. Принятые законодателем и Банком России меры несколько искажали привычное функционирование рынков и в некоторых случаях ограничивали права граждан (например, в ситуации со вкладами в иностранной валюте). В других случаях санкции стали катализатором введения дополнительных защитных механизмов в интересах граждан (например, постоянно действующего механизма кредитных каникул).

В целом рассмотренные меры законодателя и Банка России могут быть оценены положительно, поскольку позволили, во-первых, сохранить финансовую и ценовую стабильность, а во-вторых, обеспечить устойчивость финансовых организаций и их возможность оказывать базовые финансовые услуги гражданам, несмотря на введенные санкционные ограничения.

Проведенный анализ позволяет отметить дополнительные эффекты от введенных санкционных ограничений:

- 1) переход ряда клиентов и (или) операций из системно значимых в менее крупные, в том числе региональные, кредитные организации;
- 2) повышение спроса граждан на отсутствующие в России финансовые услуги у иностранных финансовых организаций. Например, уже сейчас существенно возросло число банковских карт visa/master card, получаемых российскими гражданами в странах СНГ для осуществления платежей в иностранных интернет-магазинах и оплаты покупок за пределами территории России. В таких условиях видится важным со стороны Банка России информировать граждан, во-первых, о рисках, возникающих при взаимодействии с иностранными банками (в том числе невозможность или ограниченная возможность защиты нарушенных прав на территории Российской Федерации), а во-вторых, о связанных с этим обязанностях (например, уведомить ФНС России об открытых банковских счетах за пределами России);
- 3) развитие российской платежной, рейтинговой и иной инфраструктуры финансового рынка, ранее носившей преимущественно иностранный характер. В таком процессе важно не воспринимать права потребителей финансовых услуг как издержки, мешающие развитию финансового рынка, а наоборот, при проектировании новых финансовых услуг и инфраструктурных решений учитывать возникающие потребительские риски и изначально предлагать решения по их минимизации.

Представляется, что сформулированные в статье выводы и предложения могут быть полезны для обеспечения защиты прав потребителей финансовых услуг в условиях санкционных ограничений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Борисенко Е. А.* Риски в деятельности кредитных организаций // Финансовое право. — 2020. — № 7. — С. 42—47.
2. *Гландин С. В., Панов Ф. Ю.* Ограничительные меры и санкции в праве Соединенного Королевства: до и после Brexit // Закон. — 2020. — № 6. — С. 142—158.
3. Право в условиях санкций / под общ. ред. Б. А. Шахназарова. — М. : Проспект, 2023.
4. *Романов Г. П.* Кредитные каникулы: правовой аспект // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2024. — № 9. — С. 168—175.
5. *Рудерман И. Ф.* Международные расчеты в цифровую эпоху: основные правовые проблемы и пути их решения // Банковское право. — 2021. — № 6. — С. 24—32.
6. *Смирнов Е. Е.* Новые правовые меры в интересах ограничения рисков для заемщиков // Аудитор. — 2024. — № 6. — С. 3—9.
7. *Фролов И. В.* Институт несостоятельности (банкротства) в системе российского права: модель и внутренняя структура // Предпринимательское право. — 2020. — № 1. — С. 30—38.

Проблема применимости института добросовестного приобретателя к обороту цифровых активов¹

Аннотация. В условиях стремительной цифровизации и появления новых форм имущественных прав особую актуальность приобретает вопрос о применимости традиционных правовых институтов к цифровым активам. Настоящее исследование посвящено анализу возможности распространения института добросовестного приобретателя на оборот цифровых активов. В работе проводится сравнение правовой природы традиционных объектов гражданских прав и цифровых активов, исследуются технологические особенности blockchain-систем, анализируются экономические и правовые последствия потенциального применения данного института к цифровым активам. На основе исследования формулируется вывод о нецелесообразности распространения режима добросовестного приобретения на цифровые активы и предлагаются альтернативные механизмы защиты участников цифрового имущественного оборота.

Ключевые слова: цифровые активы, токен, добросовестный приобретатель, правопреемство, сделка

Олег Александрович ПОЛЕЖАЕВ,

доцент кафедры
финансовых сделок
и новых технологий в праве
Исследовательского
центра частного права
имени С. С. Алексеева
при Президенте РФ;
доцент кафедры
интеллектуальных прав
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
polezhaevoa@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.128.4.073-081

Oleg A. POLEZHAEV,

Associate Professor, Department of Financial deals and New Technologies in Law
of the Private Law Research Centre under the President
of the Russian Federation named after S.S. Alekseev;
Associate Professor of the Department of Intellectual Rights of the Kutafin Moscow
State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law)
polezhaevoa@mail.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

The Problem of the Applicability of the Institution of a Bona Fide Acquirer to the Turnover of Digital Assets

Abstract. In the context of the rapid digitalization of economic relations and the emergence of new forms of property rights, the question of the applicability of traditional legal institutions to digital assets is of particular relevance. This study is devoted to a comprehensive analysis of the possibility of spreading

¹ Исследование подготовлено в рамках выполнения государственного задания, утвержденного Исследовательскому центру частного права (номер научно-исследовательской работы в ЕГИСУ НИОКТР 124022800097-1 на тему «Юридическая квалификация отношений по созданию и обращению цифровых активов»).

the institution of a bona fide acquirer of digital assets on the contrary. The paper provides a detailed comparison of the legal nature of traditional objects of civil rights and digital assets, examines the technological features of blockchain systems, analyzes the economic and legal consequences of the potential application of this institution to digital assets. Based on the conducted research, a reasonable conclusion is formulated about the inexpediency of extending the regime of fair purchase to digital assets and alternative mechanisms for protecting participants in digital property turnover are proposed.

Keywords: digital assets, token, bona fide acquirer, succession, transaction

Цифровая трансформация общественных отношений привела к появлению новых объектов гражданских прав — цифровых активов, которые по своей природе существенно отличаются от традиционных объектов гражданского оборота. Эта трансформация ставит перед правовой наукой вопрос о применимости классических правовых конструкций к новым цифровым объектам.

Институт добросовестного приобретателя традиционно обеспечивал баланс интересов участников имущественного оборота и его стабильность. Однако технологические особенности цифровых активов и специфика их оборота требуют тщательного анализа возможности и целесообразности применения к ним данного механизма.

Актуальность данного исследования обусловлена несколькими факторами: во-первых, ростом рынка цифровых активов, который требует формирования адекватного правового регулирования; во-вторых, необходимостью защиты прав и законных интересов участников цифрового имущественного оборота; в-третьих, важностью обеспечения правовой определенности в отношении статуса приобретателей цифровых активов.

История развития института добросовестного приобретателя уходит корнями в римское право, где он возник как ответ на практическую потребность обеспечения стабильности имущественного оборота². Римские юристы столкнулись с необходимостью разрешения фундаментального конфликта между интересами собственника, утратившего владение вещью помимо своей воли, и лица, добросовестно приобретшего эту вещь у неуправомоченного отчуждателя³.

Развитие института обуславливалось необходимостью поиска баланса между двумя фундаментальными принципами права: неприкосновенностью права собственности и защитой добросовестных участников оборота. В результате сформировалась концепция, согласно которой в определенных случаях интересы добросовестного приобретателя могут получить приоритет над интересами собственника.

Существование института добросовестного приобретателя в современном праве базируется на трех ключевых предпосылках⁴:

² Новицкий И. Б. Римское право : учебник. М. : Проспект, 2019. С. 124—126.

³ Дождев Д. В. Римское частное право : учебник. М. : Норма, 2018. С. 387—389.

⁴ Суханов Е. А. Вещное право : научно-познавательный очерк. М. : Статут, 2017. С. 223—225.

- возможность выбытия вещи из владения собственника помимо его воли. Отсутствие волеизъявления собственника на передачу права собственности создает основу для потенциального конфликта интересов между собственником и последующим приобретателем вещи;
- экономическая необходимость возвращения вещи в гражданский оборот. Длительное исключение имущества из оборота противоречит интересам общества в целом. Имущество должно использоваться эффективно, приносить пользу и участвовать в экономическом обороте;
- объективная сложность установления истинного собственника в условиях массового производства и обращения однородных вещей. В современном обществе отследить историю владения конкретной вещью становится практически невозможным. Отсутствие единой системы учета прав на движимые вещи, их массовый характер и сложность отслеживания цепочки передачи прав создают ситуацию, когда добросовестный приобретатель объективно не может установить легитимность прав отчуждателя.

В отличие от большинства случаев перехода права собственности, которые относятся к производным способам приобретения права, приобретение права собственности добросовестным приобретателем представляет собой первоначальный способ приобретения права. Право собственности возникает не в результате передачи права от предыдущего собственника (что было бы невозможно в силу принципа «никто не может передать прав больше, чем имеет сам»), а в силу прямого указания закона. Общество, таким образом, признает за добросовестным приобретателем право собственности независимо от дефектов в цепочке предшествующих переходов права.

Специфика цифровых активов как объекта гражданских прав

В отличие от традиционных объектов гражданских прав владение цифровыми активами основано на принципиально иных технологических механизмах. Ключевой особенностью является криптографическая природа доступа к цифровому активу⁵. Владение в данном случае реализуется через обладание криптографическим ключом⁶, без которого использование актива становится невозможным⁷.

⁵ Генкин А. С., Михеев А. А. Блокчейн: как это работает и что ждет нас завтра. М. : Альпина Пабlishер, 2018. С. 78—82.

⁶ Генкин А. С., Михеев А. А. Указ. соч. С. 78—82.

⁷ Справедливости ради отметим, что не все цифровые системы обеспечивают верховенство господства пользователя над цифровым активом, в результате чего положения, содержащиеся в настоящей статье, не могут быть полностью применимы в отношении цифровых активов, созданных в централизованных блокчейнах, так как в них роль администратора крайне высока. С другой стороны, даже столь совершенные системы информационной безопасности, как децентрализованные цифровые системы, являются техническими средствами, работа которых может сопровождаться недостатками, ошибками или сбоями, в результате чего всегда остается риск даже случайного повторения уникального кода доступа к цифровому активу. Также стоит отметить, что вероятность

Этот механизм принципиально отличается от физического владения традиционными вещами.

Если традиционная вещь может быть похищена или утеряна, то цифровой актив остается доступным только лицу, обладающему соответствующим криптографическим ключом.

Процесс передачи цифровых активов также имеет существенные технологические особенности. Любая операция с цифровым активом требует активного действия со стороны владельца — использования приватного ключа для подписания транзакции. Криптографическая защита доступа к активу через приватный ключ представляет собой наиболее важный уровень обеспечения сохранности цифрового актива. Приватный ключ, представляющий собой уникальную последовательность символов, математически связан с публичным ключом и является единственным средством, позволяющим распоряжаться активом. Не существует технической возможности получить контроль над активом без обладания соответствующим приватным ключом.

Это принципиально отличается от ситуации с традиционными вещами, где физическое завладение возможно помимо воли собственника. Это означает, что несанкционированная передача цифрового актива технически и фактически невозможна без участия владельца или компрометации его ключа.

Любая операция с цифровым активом требует сознательного действия владельца по подписанию транзакции с использованием приватного ключа. Не существует технической возможности инициировать передачу актива без такого активного действия со стороны владельца. Это создает ситуацию, при которой любая передача актива всегда является результатом волеизъявления владельца, выраженного в форме электронной подписи транзакции.

Многоуровневая система проверки и подтверждения транзакций обеспечивает дополнительную защиту от несанкционированных операций. Каждая транзакция проходит многоступенчатую проверку, включающую валидацию криптографической подписи, проверку соответствия протоколу, достижение консенсуса в сети. Эта система делает технически невозможным проведение операций без авторизации законного владельца.

Особого внимания заслуживает вопрос о компрометации приватного ключа, который часто приводится как аналог кражи в традиционном имущественном обороте. Однако такое сравнение является некорректным по нескольким причинам. Во-первых, компрометация приватного ключа всегда является следствием нарушения владельцем установленных правил хранения и защиты ключевой информации. В отличие от традиционной кражи, где собственник может лишиться имущества, несмотря на принятые меры защиты, утрата контроля над цифровым активом возможна только при нарушении протоколов безопасности самим владельцем.

Анализ технологической архитектуры цифровых систем позволяет сделать фундаментальный вывод о принципиальной невозможности выбытия цифрового актива помимо воли его владельца.

подобного случайного действия настолько мала, что считается ничтожной и не учитывается специалистами при определении общей технической характеристики института цифровых активов. См. подробнее: Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System // URL: https://bitcoin.org/files/bitcoin-paper/bitcoin_ru.pdf (дата обращения: 09.12.2024).

В отличие от традиционных систем учета прав на имущество, где информация может быть фрагментарной, недоступной или подверженной искажениям, блокчейн⁸ обеспечивает беспрецедентный уровень прозрачности и надежности данных о каждой транзакции⁹.

Распределенный реестр, в котором фиксируются все операции с цифровыми активами, обладает несколькими фундаментальными характеристиками, отличающими его от традиционных систем учета. Прежде всего, это публичность и общедоступность информации. Любой участник системы имеет возможность в любой момент получить доступ к полной истории транзакций. В традиционных реестрах доступ к информации часто ограничен и требует специальных разрешений или запросов.

Блокчейн хранит информацию обо всех операциях с момента создания актива, формируя непрерывную цепочку передач прав. Каждая транзакция неразрывно связана с предыдущими, создавая полную и достоверную картину движения актива. Это исключает возможность появления «пробелов» в истории владения, что случается с традиционными объектами гражданских прав.

Криптографические методы, используемые в блокчейне, создают беспрецедентный уровень надежности информации, недостижимый в традиционных системах учета прав. Любой участник может не только увидеть историю передач актива, но и убедиться в действительности каждой операции, проверить полномочия участников и соблюдение установленных правил при совершении транзакций.

Таким образом, блокчейн-технологии создают принципиально новую парадигму в отношении доступности и достоверности информации об истории владения активом. Любое лицо, планирующее приобретение цифрового актива, может проследить всю цепочку его передач от момента создания до текущего состояния, в отличие от ситуации с традиционными объектами гражданских прав, где история владения часто остается неизвестной или труднодоступной.

Специализированные сервисы для анализа цифровых транзакций существенно упрощают процесс проверки происхождения, позволяют автоматически выявлять подозрительные операции, отслеживать связи между адресами и транзакциями, определять источники происхождения средств, и делать это технически просто.

Положение, при котором приобретатель не знал и не мог знать о том, что приобретает благо у неуправомоченного отчуждателя, в цифровой среде становится невозможным как физически, так и юридически, ведь надлежащий отчуждать всегда отражен в системе и обладает уникальным знанием о коде доступа к цифровому активу.

Консенсуальный механизм подтверждения транзакций¹⁰ представляет собой фундаментальную основу функционирования блокчейн-систем. В отличие от

⁸ См.: Новоселова Л. А. О правовой природе биткоина // *Хозяйство и право*. 2017. № 9. С. 3—16.

⁹ См.: Рожкова М. А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым // *Закон.ру*. 2019.

¹⁰ Федоров Д. В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // *Вестник гражданского права*. 2018. № 2. С. 30—74.

традиционных систем учета прав, где достоверность операций обеспечивается централизованным авторитетом¹¹ (например, государственным регистратором), в блокчейне легитимность каждой транзакции подтверждается распределенным консенсусом участников сети.

Необходимость уяснения особенностей технической работы систем проверки в распределенных реестрах обусловлена тем, что ее значение выходит далеко за пределы физической картины мира и имеет существенное влияние на правильное формирование правовой системы.

Первым этапом является проверка криптографической подписи владельца. Эта процедура математически доказывает, что операция инициирована именно владельцем актива, использующим соответствующий приватный ключ. Криптографическая подпись не может быть подделана или использована повторно, что обеспечивает высочайший уровень защиты от несанкционированных операций.

После проверки криптографической подписи следует этап валидации транзакции узлами сети. В ходе этого процесса каждый узел самостоятельно проверяет соответствие транзакции установленным правилам протокола. Проверяется не только формальная корректность операции, но и наличие у отправителя достаточного количества активов для совершения транзакции, отсутствие попыток двойного расходования средств, соответствие транзакции установленным ограничениям и правилам.

Достижение консенсуса происходит путем согласованной работы всех узлов сети. При этом могут использоваться различные алгоритмы консенсуса (Proof of Work, Proof of Stake и др.), но их общей чертой является необходимость достижения согласия большинства участников относительно легитимности каждой операции. Этот механизм принципиально отличается от традиционных систем, где достаточно решения одного «центрального» субъекта.

Завершающим этапом является включение транзакции в блок и его добавление в цепочку. После включения транзакции в блок и добавления нескольких последующих блоков операция становится неизменяемой, что создает высочайший уровень надежности и необратимости совершенных действий.

Решение о внесении изменений в систему, а именно активация ключа доступа и передача доступа третьему лицу, осуществляется с уведомления и активного содействия всех остальных участников системы. Иными словами, для передачи цифрового актива от одного лица другому недостаточно их воли и волеизъявления, выраженного в действиях по передаче цифровой сущности, необходимо активное содействие со стороны всех других участников системы.

Технологическая определенность владения цифровыми активами представляет собой еще одну фундаментальную характеристику, существенно влияющую на вопрос применимости института добросовестного приобретателя. В традиционном гражданском обороте часто возникают ситуации, когда фактическое владение вещью не совпадает с юридическим титулом, что создает предпосылки для возникновения института добросовестного приобретения. Однако в случае с цифровыми активами такая ситуация технически невозможна.

¹¹ Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Цифровые активы как объекты предпринимательского оборота // Право и экономика. 2018. № 4. С. 27—34.

Криптографическая идентификация обеспечивает однозначную и неразрывную связь между активом и его владельцем через механизм публичного и приватного ключей¹². Эта связь имеет математическую природу и не может быть нарушена или подделана¹³. Технологическая архитектура блокчейна исключает возможность одновременного владения одним активом разными субъектами¹⁴. В любой момент времени система однозначно определяет владельца актива, основываясь на криптографической связи между активом и ключом.

Процесс передачи цифрового актива представляет собой сделку принципиально нового вида: общество выступает не в качестве безмолвного свидетеля, наблюдающего за действиями сторон по передаче блага в ожидании заинтересованного лица, которое может ее оспорить, а становится основным действующим лицом, от усмотрения и действий которого зависит совершение сделки не только по праву, но и по факту. Если в физическом мире передача вещи по факту может не совпадать с передачей вещи по праву, то в цифровой среде подобное разделение становится невозможным.

Процесс передачи цифровых активов, требующий активного содействия со стороны всех третьих лиц, может и не обладать свойством легальности (в части соответствия конкретным нормам действующего права), но однозначно и бесспорно обладает свойством легитимности¹⁵, юридическое значение которого явно превосходит значение свойства законности¹⁶.

Анализируя экономические последствия потенциального применения института добросовестного приобретателя к цифровым активам, необходимо учитывать фундаментальные особенности современного цифрового рынка.

Скорость совершения транзакций в цифровой среде создает новые экономические возможности и одновременно новые риски¹⁷. Мгновенное совершение операций означает, что между моментом инициации транзакции и ее завершением проходят считанные секунды. Это радикально отличается от традиционного оборота, где процесс передачи прав может занимать дни или недели¹⁸. Такая скорость позволяет проводить множество последовательных транзакций в короткий период времени, что создает сложные цепочки передач прав.

Глобальный характер цифрового оборота, не ограниченный временными зонами и государственными границами, также существенно влияет на экономическую природу транзакций.

¹² Савельев А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32—60.

¹³ Тапскотт Д., Тапскотт А. Технология блокчейн: то, что движет финансовой революцией сегодня. М. : Эксмо, 2017. С. 156—158.

¹⁴ Башкатов М. Л. Современные проблемы права собственности на бездокументарные ценные бумаги и криптоактивы // Гражданское право. 2019. № 2. С. 41—45.

¹⁵ Habermas J. Legitimation Crisis. Boston : Beacon Press, 1975. P. 95—102.

¹⁶ Габов А. В. Цифровые права как объекты гражданских прав // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 128—140.

¹⁷ Вайпан В. А. Правовое регулирование цифровой экономики // Предпринимательское право. 2018. № 1. С. 12—17.

¹⁸ Wright A., De Filippi P. Decentralized Blockchain Technology and the Rise of Lex Cryptographia // SSRN Electronic Journal. 2015. P. 48—52.

Взаимосвязанность операций в цифровой среде достигает беспрецедентного уровня¹⁹. Использование смарт-контрактов для автоматизации операций создает ситуацию, когда одна транзакция может автоматически инициировать целую серию взаимосвязанных операций²⁰. Изменение статуса одной транзакции может иметь каскадный эффект для множества связанных операций.

Возможность каскадного эффекта при признании транзакций недействительными создает потенциальную угрозу стабильности всей системы. Влияние на связанные правоотношения может быть гораздо более существенным, чем в традиционном обороте, из-за высокой степени автоматизации и взаимосвязанности операций. Потенциальный ущерб третьим лицам в такой ситуации может быть непропорциональным.

В рамках развития системы правового регулирования необходимо создание комплексной системы норм, учитывающих технологическую природу цифровых активов, разработка которых должна основываться на понимании их уникальных характеристик.

Особого внимания заслуживает вопрос выработки специальных критериев для оценки действительности транзакций в цифровой среде. В отличие от традиционных сделок, где оценка действительности основывается преимущественно на анализе волеизъявления сторон и соблюдения формальных требований, при работе с цифровыми активами необходимо учитывать технологические аспекты совершения операций. Должны быть выработаны подходы к корректности криптографической подписи, соблюдению протокола консенсуса, технической валидности транзакции.

Технологическая несовместимость института добросовестного приобретателя с природой цифровых активов проявляется в нескольких ключевых аспектах.

Принципиальная невозможность выбытия цифрового актива помимо воли владельца исключает одну из базовых предпосылок существования данного института. Криптографические механизмы защиты и необходимость активного действия владельца для совершения транзакции создают ситуацию, в которой традиционное понимание добросовестного приобретения становится неприменимым.

В условиях, когда любой участник оборота имеет техническую возможность проверить всю историю владения активом, сама концепция добросовестного неведения утрачивает свое значение.

Современные технологические решения, такие как смарт-контракты, многоподписные транзакции и системы условного депонирования, в сочетании с рыночными механизмами защиты создают комплексную систему обеспечения безопасности операций, которая эффективно заменяет традиционные правовые институты.

¹⁹ Карцхия А. А. Цифровые технологические (онлайн) платформы: российский и зарубежный опыт регулирования // Гражданское право. 2019. № 3. С. 25—30.

²⁰ Савельев А. И. Указ. соч.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Вайпан В. А.* Правовое регулирование цифровой экономики // *Предпринимательское право*. — 2018. — № 1. — С. 12—17.
2. *Генкин А. С., Михеев А. А.* Блокчейн: Как это работает и что ждет нас завтра. — М. : Альпина Паблишер, 2018.
3. *Дождев Д. В.* Римское частное право : учебник. — М. : Норма, 2018.
4. *Карцхия А. А.* Цифровые технологические (онлайн) платформы: российский и зарубежный опыт регулирования // *Гражданское право*. — 2019. — № 3. — С. 25—30.
5. *Новицкий И. Б.* Римское право : учебник. — М. : Проспект, 2019.
6. *Рожкова М. А.* Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым // *Закон.ру*. — 2019.
7. *Савельев А. И.* Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // *Вестник гражданского права*. — 2016. — № 3. — С. 32—60.
8. *Санникова Л. В., Харитонова Ю. С.* Цифровые активы как объекты предпринимательского оборота // *Право и экономика*. — 2018. — № 4. — С. 27—34.
9. *Суханов Е. А.* Вещное право: научно-познавательный очерк. — М. : Статут, 2017.
10. *Тапскотт Д., Тапскотт А.* Технология блокчейн: то, что движет финансовой революцией сегодня. — М. : Эксмо, 2017.
11. *Федоров Д. В.* Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // *Вестник гражданского права*. — 2018. — № 2. — С. 30—74.
12. *Habermas J.* Legitimation Crisis. — Boston : Beacon Press, 1975.
13. *Szabo N.* Smart Contracts: Building Blocks for Digital Markets // *EXTROPY: The Journal of Transhumanist Thought*, 1996.
14. *Wright A., De Filippi P.* Decentralized Blockchain Technology and the Rise of Lex Cryptographia // *SSRN Electronic Journal*. — 2015. — P. 48—52.

Трансформация авторского права в цифровую эпоху

**Дмитрий Витальевич
МУРЗИН,**

профессор кафедры
гражданского права,
профессор кафедры
обязательственного права
Уральского филиала
Исследовательского
центра частного права
имени С. С. Алексеева при
Президенте РФ,
доктор юридических наук,
доцент
d.v.murzin@usla.ru
620066, Россия,
г. Екатеринбург,
ул. Комсомольская, д. 21

Кризис авторского права: последствия для товарных знаков

Аннотация. В статье рассматривается проблема снижения требований к творческому уровню произведения и его оригинальности как следствие общих кризисных явлений современной цивилизации. Предлагается признать реалии современного авторского права и рассматривать в качестве основы правовой охраны произведения его востребованность третьими лицами. Рассматривается вопрос подмены в предпринимательской практике товарного знака производством с пониженным уровнем творчества как злоупотребление правом в форме обхода закона. Выражается несогласие с практикой защиты прав на произведение средствами, предназначенными для защиты товарного знака. Высказывается мнение, что компенсацией кризисных явлений в авторском праве (понижение требований к уровню творчества) должно стать повышение требований к различительной способности товарного знака. В развитие концепции востребованности произведения как основания его правовой охраны предлагается допустить признание двух сходных произведений, опирающихся на одну исходную информацию, при условии независимости их создания, самостоятельными объектами авторского права без установления приоритета одного из авторов.

Ключевые слова: авторское право, произведение, уровень творчества, охраноспособность, товарный знак, различительная способность

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.128.4.082-090

Dmitriy V. MURZIN,

*Professor of the Department of Civil Law,
Professor of the Department of Law of Obligations
at the Ural Branch of the S. S. Alekseev Private Law Research Center
under the President of the Russian Federation,
Dr. Sci. (Law), Associate Professor
d.v.murzin@usla.ru
21, ul. Komsomolskaya, Ekaterinburg, Russia, 620066*

Copyright Crisis: Implications for Trademarks

Abstract. *The article considers the problem of decreasing requirements to the creative level of a work and its originality as a consequence of the general crisis phenomena of modern civilization. It is proposed to recognize the realities of modern copyright and to consider as the basis of legal protection of a work its demand by third parties. The question of substitution in business practice of a trademark by a work with a reduced level of creativity as an abuse of right in the form of circumvention of the law is considered. Disagreement is expressed with the practice of protecting the rights to a work by means intended for the protection of a trademark. The opinion is expressed that the compensation for the crisis phenomena in copyright law (lowering the requirements for the level of creativity) should be an increase in the requirements for the distinctiveness of the trademark. In the development of the concept of demand for a work as a basis for its legal protection, it is proposed to allow, subject to the independence of their creation, the recognition of two similar works based on the same source information as independent objects of copyright without establishing the priority of one of the authors.*

Keywords: *copyright, work, creativity level, protectability, trademark, distinctiveness*

Востребованность произведения как критерий его охраны авторским правом. Долгое время отечественному праву был свойствен романтический подход к интеллектуальной собственности. В советский период популярной была идея о существовании творческих общественных отношений, которые должны регулироваться целой «творческой подотраслью» (пусть и с оговорками, что этот термин, как и любой иной, имеет условное значение). В науке гражданского права в категориях марксизма разрабатывалось понятие творческого труда как труда производящего, а субъективными предпосылками творческого труда выступали такие редкие особенности человека, как дарование, талант¹.

В наше время все еще широко распространенной является концепция, согласно которой авторским правом охраняется только оригинальное (уникальное,

¹ См.: Красавчиков О. А. Творчество и гражданское право (понятие, предмет и состав подотрасли) // Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права. Избранные труды : в 2 т. М. : Статут, 2005. Т. 2. С. 466, 473—475.

неповторимое) произведение, не могущее возникнуть при параллельном творчестве². Высокие требования к творческому уровню произведений заставляли подозревать, что авторское право — это право гениев. Однако современная российская практика в сфере авторских прав не предъявляет строгих требований к объектам этих прав — охраняются весьма заурядные проявления умственных усилий. «Романтический период» закончился, и тому есть объективные причины.

Прежде всего, это связано с тем, что при столкновении с реальными рыночными отношениями в сфере творчества восторженные романтические представления не устояли перед утилитарным (прагматичным) подходом к определению круга охраняемых объектов авторского права. Хотя отказа от использования категории «творчество» не происходит, исследователи отмечают устойчивую тенденцию к расширению границ самого понятия творчества. А. Л. Маковский считал, что «комбинационное творчество» (отчасти организационное, компилятивное и т. п.) движет сегодня развитие права на результаты интеллектуальной деятельности³. В. О. Калятин одной из текущих тенденций развития регулирования в сфере интеллектуальной собственности называет изменение характера создания результатов интеллектуальной деятельности, что выражается в сокращении творческого участия человека в создании объекта⁴ (не говоря уже о том, что использование AI ставит перед американскими судами «сложные вопросы относительно того, насколько необходим человеческий вклад» для авторского права⁵).

В западном авторском праве до сих пор сохраняется связка «творчества» с «оригинальностью», но уже в новом значении: творческий характер результата деятельности имеется при доказанности, что «результат создан в результате самостоятельных действий автора (не был заимствован, скопирован)»⁶, а признаки индивидуальности, своеобразия присутствуют, когда произведение выражает личность самого автора, его духовный мир⁷.

Ныне Верховный Суд РФ полностью воспринимает этот подход, объявляя его общепринятым(!): «В силу общепринятого подхода объект, который удовлетворяет

² Ярким представителем этой концепции является Э. П. Гаврилов, пропагандирующий ее с 1990-х гг. Из относительно свежих публикаций на эту тему см.: *Гаврилов Э. П.* Об объекте авторского права // Патенты и лицензии. 2022. № 2. С. 33—36.

³ *Маковский А. Л.* «Интеллектуальная собственность» в Конституции России // Служение праву. Памяти профессора В. А. Туманова посвящается : сб. ст. / под ред. Д. А. Туманова, М. В. Захаровой. М. : Проспект, 2017. С. 284.

⁴ См.: *Калятин В. О.* Законодательство об интеллектуальной собственности: от прошлого к будущему // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. Сентябрь. № 3 (45). С. 11—17.

⁵ AI-generated art cannot be copyrighted, rules a US federal judge // URL: <https://www.theverge.com/2023/8/19/23838458/ai-generated-art-no-copyright-district-court> (дата обращения: 15.12.2024).

⁶ См.: *Кашанин А. В.* Уровень требований к творческому характеру произведения в отечественном юридическом дискурсе // Законы России : опыт, анализ, практика. 2012. № 9 ; 10.

⁷ См.: *Кашанин А. В.* Развитие учения о форме и содержании произведения в доктрине авторского права. Проблема охраноспособности содержания научных произведений // Вестник гражданского права. 2010. № 2.

условию оригинальности (т.е. не заимствованный, созданный самим автором), может получить авторско-правовую охрану, даже если его реализация была обусловлена техническими соображениями, при условии, что это не мешает автору отражать свою личность в этом объекте, осуществляя свою свободную волю, выбор»⁸.

В. О. Калятин полагает, что при сохранении критерия творчества как базового условия охраноспособности результата интеллектуальной деятельности перед наукой в ближайшие годы встанет задача по определению содержания понятия творчества в новых условиях⁹. Думается, однако, что при сохранении отмеченных тенденций науке не останется иного пути, кроме как все более расширительно толковать свои базисные категории. Примером служит обоснование в западном праве охраноспособности научных произведений. Предлагается считать, что в научных произведениях оригинальность проявляется в отборе элементов, подробностях и форме выражения. А проявления особенностей личности автора научного произведения «сводятся к двум областям: во-первых, к учету частностей, а во-вторых, к редактированию»¹⁰.

Существует вероятность — при сохранении термина в законодательстве — фактического уничтожения полностью выхолощенного понятия «творчество» в сфере авторского права. В то же время такой подход должен будет привести доктрину в соответствие с уже существующими реалиями: расширением круга охраноспособных объектов авторского права.

Авторское право всегда охраняло произведения независимо от их достоинств, но это был, скорее, запрет приносить субъективные вкусовые оценки в критерии правовой охраны. Поэтому речь могла бы идти о разграничении охраняемых объектов на те, к которым предъявляются высокие требования к охраноспособности, и те, к которым предъявляются пониженные требования. Подобное разграничение известно праву интеллектуальной собственности даже в рамках одного института. В патентном праве разграничиваются изобретения с высокими требованиями к изобретательскому уровню и полезные модели без указанных требований (ст. 1349 ГК РФ). В средствах индивидуализации разграничиваются наименования места происхождения товара и географическое указание (ст. 1516 ГК РФ).

В законодательстве об авторском праве подобная градация не принята, но есть опыт германского права, подразделяющего фотографии на объекты авторского права (имеющие признаки творчества) и объекты смежных прав (не признаваемые творческими результатами)¹¹. Впрочем, данное регулирование появилось совсем недавно под давлением унифицированного права ЕС.

⁸ Обзор судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. П. 5 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024).

⁹ См.: Калятин В. О. Указ. соч. С. 11—17.

¹⁰ См.: Липчик Д. Авторское право и смежные права / пер. с фр. М. Федотова. М.: Ладомир; Изд-во ЮНЕСКО, 2002. С. 77.

¹¹ См.: Закон ФРГ об авторском праве и смежных правах (UrhG). § 2 и 72 // Германские законы в области права интеллектуальной собственности. М.; Берлин: Инфотропик Медиа, 2017. С. 12, 61. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/>.

Интерес представляет отвергнутая самобытная концепция: прежние французское (до 1985 г.) и германское (до 1995 г.) законодательства охраняли «обычные» фотографии, если они имели черты документа («документа современной истории»). По этому поводу Д. Липчик писала: можно высказать критические замечания в отношении того, что применение авторского права к фотографиям «ставится в зависимость от понятия, не связанного с признанием охраны, а именно от ценности или художественной значимости фотографии, однако они *позволяют избежать бессмысленных и бесполезных обсуждений в тех случаях, когда к их использованию проявляют очевидный интерес третьи лица* (курсив мой. — Д. М.)»¹².

Представляется, что именно успех произведения, его востребованность (проявление интереса третьими лицами) и должны выступать самостоятельным основанием для квалификации такого произведения в качестве объекта авторского права. Это был бы честный подход, признающий реалии резкого обвала уровня творчества как критерия охраноспособности объектов авторского права. Непосредственное использование чужого произведения (на практике чаще использование предпринимателями чужой фотографии для украшения своего бизнес-сайта) независимо от творческого уровня и оригинальности произведения должно быть безусловно наказуемо авторским правом.

Что касается фотографий, то законодательство и правоприменительная практика проделали стремительный путь от полного отрицания этого механического способа воспроизведения до признания творческого характера всякой фотографии¹³. Исключения составляют рентгеновские снимки и снимки, сделанные автоматической камерой наблюдения¹⁴. Впрочем, последнее исключение уже не выглядит абсолютным. Так, Д. В. Новак указывает, что «не во всех случаях должно отвергаться наличие творческого характера, если речь идет об автоматических камерах, даже если результат создан с использованием искусственного интеллекта»¹⁵. А вот с позиций «востребованности» как основания правовой охраны произведения авторским правом нет препятствий для признания исключительного права на такие сделанные автоматически фотографии — необходимость в поисках творческого начала отпадает.

¹² Липчик Д. Указ. соч. С. 75.

¹³ См.: Цаур М. А. Тернистый путь признания объектов авторского права // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. Сентябрь. № 3 (45). С. 24—34.

¹⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». П. 80 ; Рекомендации Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам по вопросам, связанным с определением критериев творческой деятельности на примере фотографий, утв. постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам от 25.06.2024 № СП-22/13 ; Вопросы, связанные с определением критериев творческой деятельности на примере фотографических произведений», вынесен. на обсуждение на заседании Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. Июнь. № 2 (44). С. 21—34.

¹⁵ Протокол № 31 заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. Июнь. № 2 (44). С. 39.

Объект авторского права как средство индивидуализации в предпринимательской деятельности. Особую актуальность вопрос о неоригинальных произведениях приобретает в предпринимательской практике, когда объекты авторского права используются для идентификации товаров, работ, услуг. Снижение требований к уровню творчества произведения искажает в этом случае и представление о способах индивидуализации объектов торгового оборота.

Показательным в этом плане является рассмотренное арбитражными судами дело № А40-212063/2023, в котором обжаловалось решение Федеральной антимонопольной службы России по спору двух субъектов предпринимательской деятельности, производящих консервы с тушеным мясом. Один из производителей обратился в антимонопольное ведомство с жалобой на то, что другой производитель использует дизайн его консервных банок. По результатам рассмотрения дела административный орган признал факт нарушения п. 2 ст. 14.6 Закона «О защите конкуренции» в связи с заимствованием дизайна, суды это решение подтвердили.

По мнению Комиссии ФАС России, сходство дизайна противопоставленных товаров заключалось в совокупности следующих элементов:

- одинаковое композиционное построение этикеток;
- использование белого фона и красных графических элементов, обрамляющих белый фон;
- размещение в центре этикеток черно-белого изображения пестрой коровы;
- размещение надписи «ГОВЯДИНА», выполненной простым шрифтом черного цвета заглавными буквами русского алфавита.

Спорный дизайн рассматривался всеми инстанциями с точки зрения объекта авторского права, поскольку в качестве товарных знаков он зарегистрирован не был. Оценка оригинальности произведения — это вопрос факта. Однако невозможно не заметить даже из описания, что у обеих этикеток имеется единый первоисточник — дизайн эпохи СССР, который до сих пор привычен потребителю.

Консервы выпускались разными мясокомбинатами СССР (в том числе в разных союзных республиках, ныне — независимых государствах), имели общий и узнаваемый дизайн. Разнообразные варианты этикеток советского периода образуют единую первооснову, поскольку все они объединены набором смысловых элементов, характеризующих товар «Говядина тушеная»: красный цвет, вероятно, должен был вызывать ассоциации с цветом мяса, желтый или белый цвет — ассоциации с цветом жира, а голова коровы, бесспорно, служила указанием на вид мяса. Этот дизайн советских времен изначально не был оригинальным ни по рисунку, ни по композиции, ни по сочетанию цветов. Вряд ли можно поддержать позицию, согласно которой одним производителем может быть монополизирован неохраняемый дизайн, представляющий собой естественный признак продукта.

Противопоставление обеих современных этикеток представляет собой пример дизайна, созданного в процессе независимого параллельного творчества, с использованием общей первоосновы и с опорой на единую концепцию, что обуславливает и незначительный уровень творчества. При строгом подходе авторского права к оригинальности произведения (высокому творческому уровню) ни одна из спорных этикеток не была бы признана охраняемым произведением. Соответственно, и о нарушении исключительного права речь бы не шла. При незначительном же уровне творчества оригинальным произведением признается

то, у которого был установлен приоритет использования. Поэтому удивляться решению антимонопольных органов не приходится.

Коллизия между объектом авторского права и средством индивидуализации. В рассмотренной ситуации с производителями мясных консервов дизайн этикетки не был зарегистрирован ни одним из них в качестве товарного знака. А ведь это было бы естественно, учитывая ожесточенность противостояния. Похоже, шансов на регистрацию широко используемого дизайна в качестве товарного знака не было. Тем не менее вся методология административного органа строится как перенесение приемов установления тождества товарных знаков на ситуацию с обозначениями, которые товарными знаками не являются.

В сфере товарных знаков проблемы оригинальности не существует, но есть проблема различительной способности. Еще не так давно считалось общепризнанным, что неоригинальное обозначение, не охраняемое авторским правом, вполне может приобрести правовую охрану, если пройдет сложную и хлопотную процедуру государственной регистрации в качестве товарного знака. А теперь зачем затевать эту процедуру, если неоригинальные произведения и без того охраняются как товарные знаки без всякой государственной регистрации?

Но тогда, вероятно, следует трактовать использование объектов авторского права как индивидуализацию товара и рассматривать обозначение с точки зрения соблюдения правил охраноспособности товарного знака (т.е. при условии государственной регистрации в соответствии со ст. 1480 ГК РФ). Использование произведения вместо средства индивидуализации без его регистрации в качестве товарного знака — вполне допустимая практика, но попытка защиты прав на произведение средствами, предназначенными для защиты товарного знака — это использование объекта авторского права в противоречии с его предназначением, что мыслимо представить как злоупотребление правом в форме обхода закона (ст. 10 ГК РФ).

Существует опасность, что желание наделить как можно больше предпринимателей охраняемыми средствами индивидуализации приведет к тому, что и к различительной способности товарных знаков будут применяться пониженные требования. Важно этого не допустить: расслабленность одного института интеллектуальной собственности (авторского права) должна компенсироваться твердостью другого института (средств индивидуализации). Тем самым понижение требований к уровню творчества в авторском праве должно иметь своим последствием повышение требований к различительной способности товарного знака.

Правовая охрана сходных произведений. Концепция востребованности произведения как основание его правовой охраны, конечно же, не может служить оправданием для несамостоятельных произведений, созданных в результате заимствования чужого произведения. Критерий оригинальности сохраняет свое значение для произведений с высоким уровнем творчества — это будет применение оригинальности в соответствии с ее значением. Если суд сочтет убедительными аргументы в пользу абсолютной оригинальности (неповторимости) одного произведения, слабые подражания такому произведению должны признаваться лишенными правовой охраны.

Иное дело — произведения с низким уровнем творчества. Здесь, напротив, должны пресекаться попытки установления абсолютной монополии за одним из

авторов. Если противопоставляются два (и более) неоригинальных произведения, то при условии независимости их создания, они все должны признаваться охраняемыми объектами авторского права без установления приоритета одного из авторов. В этом случае на сходные неоригинальные произведения будут существовать автономные исключительные права разных правообладателей.

В новейшей отечественной литературе существует тенденция к признанию в авторском праве параллельного независимого творчества (но творчества незначительного уровня), результатом которого является создание разными авторами практически идентичных объектов авторского права, которые будут самостоятельно охраняемыми произведениями¹⁶.

Пленум Верховного Суда РФ дает основания к подобным выводам, рассматривая вопрос с произведением, созданным в результате переработки оригинального произведения. При столкновении двух зависимых произведений рекомендуется исходить из того, что «создание похожего (например, в силу того, что двумя авторами использовалась одна и та же исходная информация), но творчески самостоятельного произведения не является нарушением исключительного права автора более раннего произведения. В таком случае оба произведения являются самостоятельными объектами авторского права»¹⁷.

Формально это разъяснение привязано к переработке произведения, но, как представляется, сфера разъяснения гораздо шире (поскольку касается переработки не только произведения, но и всякой исходной информации). И. В. Чувствинов справедливо указывает, что «под общим источником вдохновения может пониматься не какое-то третье произведение, а некое событие, которое имело место в истории, либо один из объектов материального мира»¹⁸.

Вопрос о заимствованиях таких произведений будет лишен смысла. Такой подход в делах об использовании предпринимателями произведений с пониженным уровнем творчества в качестве суррогата товарных знаков закроет путь для действий в обход закона.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гаврилов Э. П. Об объекте авторского права // Патенты и лицензии. — 2022. — № 2.
2. Калятин В. О. Законодательство об интеллектуальной собственности: от прошлого к будущему // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2024. — Сентябрь. — № 3 (45).

¹⁶ См.: Щербак Н. В. Параллельное творчество или плагиат: сходство, различие, критерии разграничения // ИС. Авторское право и смежные права. 2023. № 2. С. 26—40 ; Чувствинов И. В. Установление переработки объектов авторского права в контексте реализации права на параллельное творчество // ИС. Авторское право и смежные права. 2024. № 2. С. 41—50.

¹⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10. П. 95.

¹⁸ См.: Чувствинов И. В. Указ. соч. С. 41—50.

3. *Кашанин А. В.* Развитие учения о форме и содержании произведения в доктрине авторского права. Проблема охраноспособности содержания научных произведений // Вестник гражданского права. — 2010. — № 2.
4. *Кашанин А. В.* Уровень требований к творческому характеру произведения в отечественном юридическом дискурсе // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2012. — № 9 ; 10.
5. *Красавчиков О. А.* Творчество и гражданское право (понятие, предмет и состав подотрасли) // О. А. Красавчиков. Категории науки гражданского права. Избранные труды : в 2 т. — М. : Статут, 2005. — Т. 2.
6. *Липцик Д.* Авторское право и смежные права / пер. с фр. М. Федотова. — М. : Ладомир ; Изд-во ЮНЕСКО, 2002.
7. *Маковский А. Л.* «Интеллектуальная собственность» в Конституции России // Служение праву. Памяти профессора В. А. Туманова посвящается : сб. ст. / под ред. Д. А. Туманова, М. В. Захаровой. — М. : Проспект, 2017.
8. *Цаур М. А.* Тернистый путь признания объектов авторского права // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2024. — Сентябрь. — № 3 (45).
9. *Чувствинов И. В.* Установление переработки объектов авторского права в контексте реализации права на параллельное творчество // ИС. Авторское право и смежные права. — 2024. — № 2.
10. *Щербак Н. В.* Параллельное творчество или плагиат: сходство, различие, критерии разграничения // ИС. Авторское право и смежные права. — 2023. — № 2.

О недопустимости противоречия товарных знаков общественным интересам, принципам гуманности и морали

Аннотация. В статье анализируется такое абсолютное основание для отказа в предоставлении правовой охраны товарным знакам, как противоречие общественным интересам, принципам гуманности и морали. Оно закреплено в Парижской конвенции по охране промышленной собственности и, как следствие, встречается в различных правовых порядках. В статье приводятся подходы российского, европейского, английского, американского правовых порядков, предлагаются общие подходы к оценке товарных знаков. Автор выделяет три разных группы случаев, в которых применяется данное основание, и показывает, по каким правилам должны рассматриваться товарные знаки для каждой из них. Противоречие общественным интересам, принципам гуманности и морали рассматривается с учетом конкретных примеров, в том числе в сфере криптовалют. Примеры приводятся из практики судов и патентных ведомств разных стран, показывается, что в целом в мире есть примерно одинаковое представление о том, какие знаки допустимы, а какие — не должны существовать.
Ключевые слова: товарный знак, общественные интересы, принципы гуманности и морали

**Владимир
Александрович
КОРНЕЕВ,**

профессор кафедры
интеллектуальных прав
Исследовательского
центра частного права
имени С. С. Алексеева
при Президенте РФ,
кандидат юридических
наук, доцент
vakorneev@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.128.4.091-099

Vladimir A. KORNEEV,

Professor of the Department of Intellectual Property Rights
of the S. S. Alekseev Private Law Research Center under the President of the
Russian Federation,
Cand. Sci. (Law), Associate Professor
vakorneev@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

On the Inadmissibility of Contradiction of Trademarks with the Public Interest, the Principles of Humanity and Morality

Abstract. The article analyzes such an absolute ground for refusal of a trade mark as a contradiction to public interests, principles of humanity and morality. It is enshrined in the Paris Convention for the Protection of Industrial Property and, as a result, is found in various legal systems. The article provides approaches from the Russian, European, English, and American legal systems, and offers general approaches to assessing trademarks. The author identifies three different groups of cases in which this basis is applied and shows the rules by which trademarks should be considered for each of them.

© Корнеев В. А., 2025

Contradiction to public interests, principles of humanity and morality is considered taking into account specific examples, including in the field of cryptocurrencies. Examples are given from the practice of courts and patent offices of different countries and it is shown that, in general, the world has approximately the same idea of which signs are acceptable and which should not exist.

Keywords: trademark, public interests, principles of humanity and morality

Парижская конвенция по охране промышленной собственности от 20.03.1883 (далее — Парижская конвенция), определяющая международно признанные требования к товарным знакам, в п. 3 ч. «В» ст. 6. quinquies в числе прочего предусматривает, что товарные знаки могут быть отклонены при регистрации или признаны недействительными, если они противоречат морали или публичному порядку.

Данная норма нашла отражение в Гражданском кодексе РФ, в силу пп. 2 п. 3 ст. 1483 которого не допускается государственная регистрация в качестве товарных знаков обозначений, представляющих собой или содержащих элементы, противоречащие общественным интересам, принципам гуманности и морали. Хотя в норме данного подпункта на недопущение государственной регистрации в качестве товарных знаков обозначений, представляющих собой или содержащих элементы, противоречащие общественным интересам, принципам гуманности и морали, указывается с использованием соединительного союза «и», но приведенные три варианта того, чему не должна противоречить правовая охрана товарного знака, являются самостоятельными¹.

Ключевым ограничителем в широком понимании общественных интересов (принципы гуманности и морали гораздо меньше допускают «резиновое» применение) является то, что для применения положений пп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ не только должен быть назван конкретный общественный интерес (конкретный принцип гуманности или морали), но и обосновано, какой вред этому общественному интересу (гуманности или морали) наносится предоставлением правовой охраны товарному знаку.

Из этого исходит Суд по интеллектуальным правам², аналогичный подход (possible harmful effects) приведен в п. 2.341 Руководства Всемирной организации интеллектуальной собственности³.

В методических материалах, подготовленных объединением национальных и региональных органов по интеллектуальной собственности Европейского союза⁴,

¹ См., например: Обзор судебной практики по вопросам применения подпункта 2 пункта 3 статьи 1483 Гражданского кодекса Российской Федерации (утв. постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам 20.09.2024 № СП-22/17). П. 2 // URL: <https://iprsmagazine.ru/court/1789080/> (далее — Справка Президиума СИП).

² Справка Президиума СИП. Преамбула. П. 6.

³ WIPO Intellectual Property Handbook. Publication 489(E). WIPO 2004.

⁴ Common Communication on the Common Practice on trade marks contrary to public policy or to accepted principles of morality. Art. 1.2, 2.2.1.1 // URL: <https://www.tmdn.org/publicwebsite/#/practices/2547782> (далее — Common Communication).

дополнительно обращается внимание на то, что для признания обозначения противоречащим общественным интересам, принципам гуманности и морали недостаточно признать, что у его разработчика плохой вкус. Безвкусные обозначения (грубые, невежливые, бестактные), но не носящие оскорбительного характера, не должны охватываться обсуждаемым основанием.

При этом отмечается, что по общему правилу знак будет противоречить публичному порядку, если он противоречит и (или) подстрекает, прославляет, унижает или оправдывает нарушение нормы, принципа и (или) ценности, относящихся к основополагающим в Европейском союзе в конкретный момент времени. Следовательно, знак должен затрагивать интерес, который государство-член считает основополагающим в соответствии со своими собственными системами ценностей. Общепринятым принципам морали противоречит знак, в отношении которого основополагающие моральные ценности и стандарты воспринимаются как оскорбленные, униженные, дискриминированные или приниженные таким образом, что это вызывает оскорбление⁵.

Случаи надлежащего применения положений пп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ можно условно разделить на три группы, когда общественным интересам, принципам гуманности, морали противоречит:

- 1) само по себе (безотносительно к товарам и услугам) обозначение в товарном знаке;
- 2) вызываемая обозначением ассоциация в отношении конкретных товаров (услуг);
- 3) сам факт регистрации товарного знака в отношении конкретных товаров (услуг)⁶.

В рамках первой группы ситуаций оценивается обозначение как таковое — когда оно само по себе негативно влияет на общественные интересы, принципы гуманности и (или) морали.

Профессор Г. Боденхаузен приводил примеры обозначений, которые, исходя из их характеристик и требований морали или общественного порядка страны, в которой испрашивается охрана, не должны быть допущены к регистрации в качестве товарного знака: знак, содержащий непристойную картинку (противоречит морали), знаки, содержащие религиозный символ, эмблему запрещенной политической партии, эмблему государственного органа (противоречит общественному порядку, т.е. основным правовым или социальным концепциям конкретной страны)⁷.

⁵ Common Communication. Art. 2.1.1, 2.1.2, 2.2.1.

⁶ В европейской практике традиционно выделяют только первые два (см., например, Common Communication ; Trade mark and Design guidelines 2024 // URL: <https://guidelines.euipo.europa.eu/2214311/1789498/trade-mark-guidelines/chapter-1-general-principles> (далее — Trade mark and Design guidelines)). Но, по мнению автора статьи, третья группа имеет самостоятельное значение и самостоятельный круг обстоятельств, требующих доказывания.

⁷ Боденхаузен Г. Парижская конвенция по охране промышленной собственности : комментарий / пер. с фр. Н. Л. Тумановой ; под ред. М. Богуславского ; вступ. ст. Е. П. Потованова. М. : Прогресс, 1977.

В пункте 37 Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков, утвержденных приказом Министерства экономического развития РФ от 20.07.2015 № 482, к обозначениям, противоречащим общественным интересам, принципам гуманности и морали, отнесены, в частности, незачитанная национальная и (или) государственная символика (гербы, флаги, эмблемы), антигосударственные лозунги, слова и изображения непристойного содержания, призывы антигуманного характера, оскорбляющие человеческое достоинство, религиозные чувства верующих, слова, написание которых нарушает правила орфографии.

В практике Ведомства по интеллектуальной собственности ЕС к таким недопустимым самим по себе обозначениям отнесены, например, обозначения Bin Ladin, Mechanical Apartheid, обозначения, содержащие обценную лексику⁸.

Ведомство США по патентам и товарным знакам обращает внимание на то, что для признания обозначения самого по себе недопустимым необходимо установить, что у него есть только одно — скандальное, вульгарное, аморальное, обценное значение. Так, было признано недопустимым обозначение Bullshit как таковое, поскольку разные словари содержали только одно вульгарное значение соответствующего слова⁹.

Аналогичного подхода придерживается и практика Великобритании, в отношении которой David Bainbridge¹⁰ в целом отмечает очень редкое применение обсуждаемого основания для отказа в предоставлении правовой охраны товарным знакам и приводит примеры обозначений в основном сексуального характера.

Применительно ко второй группе — к обозначениям, которые вызывают противоречащие общественным интересам, принципам гуманности, морали ассоциации в отношении конкретных товаров (услуг), прежде всего нужно обратить внимание, что не оценивается их восприятие потребителями (или патентным ведомством) самого товара (в отрыве от обозначения).

Так, по делу № СИП-891/2022 Президиум Суда по интеллектуальным правам¹¹ отметил, что «негативное (по той или иной причине) отношение к существованию тех или иных товаров (например, упомянутых Роспатентом гребней от вшей) не может быть учтено: если товар присутствует на рынке и может находиться в гражданском обороте на законных основаниях, то для него могут регистрироваться товарные знаки». Впоследствии эта позиция была сформулирована Президиумом Суда по интеллектуальным правам в общем виде¹².

Аналогичного подхода придерживается и Американское патентное ведомство, прямо указывающее в своих методических рекомендациях на то, что

⁸ Trade mark and Design guidelines. Art. 4.1.

⁹ Trademark Manual of Examining Procedure — 7th edition. USPTO, 2010. Art. 1203.01.

¹⁰ Bainbridge D. Intellectual property. 9th edition. Pearson Education Limited, 2012. P. 724—726.

¹¹ Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 13.07.2023 по делу № СИП-891/2022.

¹² Справка Президиума СИП. П. 5.

скандальность товара (например, журналы для взрослых) не учитывается при оценке охраноспособности товарных знаков¹³.

Второй, не менее важный момент заключается в том, что не учитывается скандальность субъекта, обращающегося за предоставлением правовой охраны товарному знаку¹⁴. Обсуждаемое основание как абсолютное основание для отказа в предоставлении правовой охраны товарного знака представляет собой характеристику обозначения по сравнению с конкретными товарами, и она (при ее скандальности) означает невозможность предоставить правовую охрану обозначению по заявкам всех и каждого.

Применение данного основания зависит от того, как релевантная публика воспринимает то или иное обозначение применительно к товарам: должно быть выявлено, какие в принципе возможные ассоциации у адресной группы потребителей обозначение вызывает. Так, по делу № СИП-225/2023¹⁵ суды не поддерживали вывод о противоречии положениям пп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ обозначения, содержащего словесный элемент *Нетру*, признав, что адресная группа российских потребителей вряд ли знает значение этого английского, не относящегося к общеупотребительным (по крайней мере для неносителей языка) слова.

Если же смысл элемента понятен, то, в отличие от обозначений первой группы, противоречащих общественным интересам, принципам гуманности и морали, для обозначений второй группы характерна многовариативность их восприятия.

Учитывая, что восприятие одного и того же обозначения может разниться в отношении тех или иных товаров (услуг), оценивается восприятие потребителями конкретного обозначения применительно к конкретным товарам (услугам).

Так, в европейской практике одно и то же обозначение *Kill Them All* было признано недопустимым в отношении услуг 41-го класса МКТУ «услуги развлечения детей» (поскольку воспринимается как побуждение к совершению преступления), но допустимым для товара 5-го класса МКТУ «инсектициды» (поскольку воспринимается как указывающее на уничтожение насекомых). Обозначение *Auschwitz Memories* признано недопустимым для услуг 41-го класса «парки развлечений» (поскольку, воспроизводя название концентрационного лагеря, оно применительно к паркам развлечений воспринимается как снижающее значение трагедии и ее жертв), но допустимым для услуг того же класса МКТУ «музеи» (поскольку воспринимается как представление для публики определенных исторических событий в образовательных целях, в целях повышения осведомленности публики).

Аналогичный последнему пример можно привести и из российской практики, где не было допущено предоставление правовой охраны обозначению «Прохоровское поле» (место крупного танкового сражения 12.07.1943) в отношении товаров 33-го класса (алкогольные напитки (за исключением пива)) МКТУ¹⁶.

¹³ Trademark Manual of Examining Procedure.

¹⁴ См., например: Справка Президиума СИП. П. 7.

¹⁵ Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 13.10.2023 по делу № СИП-225/2023.

¹⁶ Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 21.11.2014 по делу № СИП-509/2014.

Противоречащей общественным интересам признана государственная регистрация обозначения «Милиция» в отношении услуг 45-го класса МКТУ «агентства брачные; бальзамирование; бюро похоронные; выпуск голубей на особых событиях; кремация; организация религиозных собраний; планирование и организация свадебных церемоний; помощь в надевании кимоно; проведение религиозных церемоний; проведение ритуальных церемоний; советы астрологов; составление гороскопов; услуги карточных гадателей; услуги клубов по организации встреч или знакомств; услуги по выгулу собак; услуги погребальные» как формирующих негативное отношение к органам власти (в том числе ранее существовавшим), например, предполагающих оказание этими органами услуг карточных гадателей¹⁷.

Должен быть определен, конкретизирован тот общественный интерес (принципы гуманности и морали), которому будет причинен вред при регистрации спорного обозначения. При этом, учитывая последствия применения положений пп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ (отказ в предоставлении правовой охраны товарному знаку), вред, причиняемый общественному интересу, должен быть реально прогнозируемым, разумно предполагаемым. Сотрудники патентного ведомства не должны защищать «собственные представления о прекрасном» — о том, каким они хотели бы видеть мир. Так, Суд по интеллектуальным правам подчеркнул: негативные ассоциации сотрудников Роспатента в отношении тех или иных обозначений, если эти обозначения с разумной степенью вероятности не могут нанести вред конкретным общественным интересам, принципам гуманности или морали, сами по себе не свидетельствуют о возможности применения положений пп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ¹⁸.

В деле № СИП-1127/2023¹⁹ Суд по интеллектуальным правам оценивал законность решения Роспатента, применившего положения пп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ к обозначению Bitcoin, регистрируемому в отношении товаров и услуг, относящихся к компьютерным услугам, финансовым услугам, программам для компьютера, т.е. позиций, «которые напрямую связаны с созданием и обращением виртуальной валюты», в силу включения в него символа криптовалюты биткоин ₿.

Проанализировав интервью заместителя председателя Банка России изданию РБК, доклад для общественных консультаций «Криптовалюты: тренды, риски, меры» Банка России 2022 г. и публичный отчет Российской Федерации «Национальная оценка рисков легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем», подготовленный Федеральной службой по финансовому мониторингу, Роспатент признал, что имеются, в частности, риски распространения криптовалют в виде угроз для благосостояния граждан, финансовой стабильности, связанных с нелегальной деятельностью, и иные риски; Банк России предлагает ограничивать операции с криптовалютами в России.

¹⁷ Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 13.09.2021 по делу № СИП-864/2020.

¹⁸ Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 01.04.2024 по делу № СИП-891/2022.

¹⁹ Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 24.06.2024 по делу № СИП-1127/2023.

Отменяя решение административного органа, суд указал на то, что само по себе указание на риски операций с криптовалютой и на высказанные позиции Центрального банка РФ не свидетельствует неопровержимо о том, что регистрация спорного обозначения противоречит общественным интересам, принципам гуманности и морали. Например, ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» содержит легальное определение цифровой валюты, под которой понимается «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам».

Статья 14 названного Закона содержит нормы об обороте цифровой валюты. Согласно ч. 4 указанной статьи организация выпуска и (или) выпуск, организация обращения цифровой валюты в Российской Федерации регулируются в соответствии с федеральными законами.

Отсутствие требуемого законодательного регулирования оборота цифровой валюты не может свидетельствовать о нарушении общественных интересов использованием обозначений, связанных с символами цифровых валют.

Аналогичным образом в деле № СИП-387/2021 суд признал недостаточно обоснованным применение Роспатентом положений пп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ к

обозначению **wabi**, включающему элемент, представляющий собой название криптовалюты WaBi.

В целом очевидно: суд исходит из того, что Роспатент не является тем органом, который вправе разрешать или запрещать использование криптовалют.

Более того, и это принципиально не только для данного основания отказа в предоставлении правовой охраны товарного знака, но и для многих других, указанных в ст. 1483 ГК РФ и относящихся к абсолютным основаниям, решение Роспатента не имеет никакого отношения к тому, будет ли фактически использоваться то или иное обозначение на рынке. Отказ в предоставлении правовой охраны обозначению по абсолютным основаниям вовсе не означает запрет на использование такого обозначения без регистрации.

Третьим видом случаев, когда применяются правила пп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ, являются случаи, когда само по себе использование того или иного обозначения к тем или иным товарам является допустимым, но общественным интересам противоречит именно предоставление правовой охраны обозначению в качестве товарного знака.

Так, положения пп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ были применены к случаю использования в товарном знаке орнамента, характерного для народного художественного

промысла. В соответствии с Федеральным законом от 06.01.1999 № 7-ФЗ «О народных художественных промыслах» народные художественные промыслы представляют собой неотъемлемое достояние и одну из форм народного творчества народов Российской Федерации, которые охраняются и регистрируются в соответствии с положениями данного Закона. В силу ст. 3 этого Закона народный художественный промысел — одна из форм народного творчества, деятельность по созданию художественных изделий утилитарного и (или) декоративного назначения, осуществляемая на основе коллективного освоения и преемственного развития традиций народного искусства в определенной местности в процессе творческого ручного и (или) механизированного труда мастеров народных художественных промыслов.

Предоставление правовой охраны товарного знака конкретному лицу создает в отношении конкретного обозначения исключительное право правообладателя, препятствующее использованию этого обозначения третьими лицами. Народные же художественные промыслы по своей сути — виды творчества, которые должны быть доступны не для конкретных индивидуумов, а для народов. С учетом этого предоставление правовой охраны таким охраняемым по специальным правилам обозначениям может быть признано нарушающим общественные интересы, если оно препятствует деятельности тех лиц, на защиту которых эти специальные правила направлены²⁰.

Равным образом государственная регистрация товарного знака по «младшей» заявке, юридически тождественного «старшему» товарному знаку, на имя того же правообладателя в отношении тех же или пересекающихся товаров противоречит общественным интересам²¹. Предоставление правовой охраны товарным знакам иных лиц, сталкивающимся с уже существующими товарными знаками, регулируется положениями п. 6 ст. 1483 ГК РФ, однако в отношении столкновения знаков одного и того же лица прямое законодательное регулирование отсутствует.

Вместе с тем суды исходят из того, что согласно норме п. 1 ст. 1477 ГК РФ на товарный знак, т.е. обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, признается исключительное право, удостоверяемое свидетельством на товарный знак. При этом не может быть два или три исключительных права, одинаковых по содержанию, на одно и то же средство индивидуализации, поскольку в таком случае право перестает быть исключительным. Повторное предоставление исключительного права на тот же самый объект правовой охраны противоречит самому характеру признания прав, поскольку для наделения носителя какими-либо правами достаточно один раз зафиксировать соответствующий правовой факт.

²⁰ См.: постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 24.01.2022 по делу № СИП-637/2021 ; Справка Президиума СИП. П. 7.

²¹ См., например: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 07.04.2021). П. 31 ; определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.12.2020 № 300-ЭС20-12050 ; постановления Президиума Суда по интеллектуальным правам от 27.03.2017 по делу № СИП-464/2016 ; от 02.05.2017 по делу № СИП-711/2016 ; от 03.02.2020 по делу № СИП-427/2019.

Негативные последствия двойной регистрации одного и того же обозначения в качестве товарного знака одного и того же лица на первый взгляд не столь очевидны — казалось бы, этим не затрагиваются права иных лиц. Вместе с тем в действительности такие последствия есть, и они далеко не всегда прогнозируемы. Так, двойная регистрация позволяет заключить два договора на условиях исключительной лицензии, что в отношении одного знака прямо запрещено (ст. 1236 ГК РФ), позволяет сохранять за собой клоны товарных знаков, правовая охрана которых прекращена вследствие их неиспользования²².

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Боденхаузен Г.* Парижская конвенция по охране промышленной собственности : комментарий / пер. с фр. Н. Л. Тумановой ; под ред. М. Богуславского ; вступ. ст. Е. П. Питофанова. — М. : Прогресс, 1977.
2. Интеллектуальные права : учебник / под общ. ред. Е. А. Павловой. — М. : Статут, 2023.
3. *Bainbridge D.* Intellectual property. — 9th edition. — Pearson Education Limited, 2012.

²² Подобное поведение также может быть признано недобросовестным (см.: Обзор судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023). П. 7).

**Ольга Анатольевна
КУЗНЕЦОВА,**

профессор кафедры
предпринимательского
права, гражданского
и арбитражного процесса
Пермского государственного
национального
исследовательского
университета,
профессор кафедры
гражданско-правовых
дисциплин
Пермского института ФСИН
России,
доктор юридических наук,
профессор
kuznetsova_psu@mail.ru
614068, Россия, г. Пермь,
ул. Букирева, д. 15

**Елизавета Юрьевна
МАРТЬЯНОВА,**

доцент кафедры
предпринимательского
права, гражданского
и арбитражного процесса
Пермского государственного
национального
исследовательского
университета,
кандидат юридических наук,
доцент
martyanova.ey@psu.ru
614068, Россия, г. Пермь,
ул. Букирева, д. 15

© Кузнецова О. А.,
Мартыанова Е. Ю., 2025

Метавселенная как альтернативное правовое пространство

Аннотация. Цифровые трансформации привели к появлению новых миров. Конвергенция физического и виртуального пространства, имитирующего реальность, была поименована метавселенной. Возможность воспроизводства действительности, в том числе общественных отношений, в ином — бестелесном мире породила множество правовых головоломок: о (квази)субъектности цифровых аватаров и (квази)объектности виртуального имущества, о возможности применения к отношениям, складывающимся в метавселенной, действующих правовых норм и об определении юрисдикции. В работе обосновано, что указанные проблемы производны от отсутствия теоретико-методологической опоры относительно сущности самой метавселенной. К ключевым свойствам метавселенной как альтернативного правового пространства авторы относят: бестелесность, потенциальную инфинитивность, трансгуманизм, мультисенсорность и универсализм. Через призму обозначенных характеристик в статье исследуются подходы к конструированию нормативной платформы и установлению пределов государственного вмешательства. В качестве принципов регулирования отношений, связанных с участием в метавселенных, предложено выделить следующие: сочетание наднационального и национального правового механизма регламентации отношений с внутриплатформенным регулированием; исключительность государственного вмешательства и недопустимость нормативной избыточности; недопустимость разрешения внутриплатформенных споров в национальных судах.

Ключевые слова: метавселенная, киберпространство, правовое пространство, территориальный принцип, цифровой аватар, цифровой мир, экстерриториальность

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.128.4.100-108

Olga A. KUZNETSOVA,

*Professor of the Department of Business
Law, Civil and Arbitration Procedure
of the Perm State National Research University,
Professor of the Department of Civil Law Disciplines
of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Dr. Sci. (Law), Professor
kuznetsova_psu@mail.ru
15, ul. Bukireva, Perm, Russia, 614068*

Elizaveta Yu. MARTYANOVA,

*Associate Professor of the Department of Business Law,
Civil and Arbitration Procedure
of the Perm State National Research University,
Cand. Sci. (Law), Associate professor
martyanova.ey@psu.ru
15, ul. Bukireva, Perm, Russia, 614068*

The Metaverse as an Alternative Legal Space

Abstract. Digital transformations have led to the emergence of new worlds. The convergence of physical and virtual space that mimics reality has been dubbed the metaverse. The possibility of reproducing reality, including social relations, in another, disembodied world has given rise to many legal puzzles: about (quasi)subjectivity of digital avatars and (quasi)objectability of virtual property, the possibility of applying existing legal norms to relations developing in the metaverse, and the definition of jurisdiction. The paper substantiates that these problems are derived from the lack of theoretical and methodological support for the essence of the metaverse itself. The key properties of the metaverse as an alternative legal space include: incorporeality, potential infinitivity, transhumanism, multisensory and universalism. Through the prism of these characteristics, the article examines approaches to the construction of a regulatory platform and the establishment of limits of state intervention. As the principles of regulating relations related to participation in the metaverse, it is proposed to identify the following: the combination of a supranational and national legal mechanism for regulating relations with intra-platform regulation; the inadmissibility of regulatory redundancy; the exclusivity of state intervention; the inadmissibility of resolving intra-platform disputes in national courts.

Keywords: metaverse, cyberspace, legal space, territorial principle, digital avatar, digital world, extraterritoriality

Повороты калейдоскопа цифровых трансформаций сфокусировали взгляд правоведов на природе метавселенных — бестелесных пространств, имитирующих и (или) воспроизводящих реальность. Считается, что впервые термин «метавселенная» был употреблен в работе Нила Стивенсона «Снежная

катастрофа» 1992 г.¹, а воплощение обозначенного замысла в виде создания цифрового мира связывают с появлением очков виртуальной реальности.

Сегодня метавселенные именуют маяком возможностей², децентрализованной землей (decentraland)³ и суперэкосистемой⁴. Экспансивный характер внедрения такой инновации подтверждают аналитические показатели: количество пользователей метавселенных возросло до 600 млн в 2024 г.⁵, а объем рынка «виртуальных товаров» в метавселенной составил 74,4 млрд долларов, увеличивается и число самих метамиров (Horizon Worlds, Second Life, Roblox, Ceek city, Baidu Xi Rang, Метавселенная Facebook, Decentraland (Ethereum), Sandbox, Emirates Metaverse и др.)⁶.

Высокие стоимостные характеристики и широкий аудиторный охват побудили лидеров потребительского рынка акцентировать свое внимание на создании виртуальных «товаров», предназначенных для использования аватарами: известные бренды стали создавать цифровую одежду, которая позволяет аватару преобразить свой облик в метавселенной (например, Gucci Virtual Garden и Nike Land)⁷. Кроме того, в метавселенных стали проводить различные конференции, показы и даже судебные заседания⁸.

Обозначенные тенденции дают основания полагать, что внутри метавселенной отношения воссоздаются естественным путем посредством переноса реальных интересов акторов в цифровой мир: аватары выражают собственную волю, совершают сделки (сделкоподобные действия) в отношении виртуальных объектов, вступают друг с другом в различного рода взаимодействия, что говорит о некотором дублировании свойств, присущих элементам классической правовой реальности⁹.

¹ Cuellar P. D., Lasso V. A., Salazar B. A. The metaverse: an analysis from a human rights perspective // Revista Jurídica Mario Alario D'Filippo. 2024. No. 16 (33). P. 202—218. DOI: 10.32997/2256-2796- vol.16-num.33-2024-4889.

² Aidonjje P. A., Adebayo A. K., Obieshi E., Owoche A. G., Ogbemudia I. O., Mutawalli M. M. The Prospect, Legal, and Socio-economic Implication of Metaverse Operation in Nigeria // Jurnal Wacana Hukum dan Sains Universitas Merdeka Surabaya. 2024. Vol. 19. No. 4. P. 17—55.

³ Macedo C. R., Miro D. A., Hart T. The Metaverse: From Science Fiction to Commercial Reality — Protecting Intellectual Property in the Virtual Landscape // NYSBA Bright Ideas. 2022. Vol. 31. No. 1. P. 13—20.

⁴ Kostenko O., Furashev V., Zhuravlov D., Dniprov O. Genesis of Legal Regulation Web and the Model of the Electronic Jurisdiction of the Metaverse // Bratislava Law Review, 2022. No. 6 (2). P. 21—36.

⁵ Metaverse Statistics In 2024 (Users & Market Trends) // URL: <https://www.demandsage.com/metaverse-statistics/> (дата обращения: 15.11.2024).

⁶ Kostenko O., Furashev V., Zhuravlov D., Dniprov O. Op. cit.

⁷ Nasr M. M., Fakhry N. A. Metaverse and Brand Experience in Fashion Digital Marketing // International Design Journal. 2023. Vol. 13. No. 2. P. 331—344.

⁸ Мартынова Е. Ю. Проведение судебных заседаний в метавселенной: зарубежный опыт правоприменения // Актуальные проблемы предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса : сборник научных статей (ежегодник). Пермь, 2023. С. 108—110.

⁹ Предпринимательское право : учебник / под ред. В. Г. Голубцова. М. : Статут, 2023. С. 472.

Изложенное позволяет рассматривать метавселенную как альтернативное правовое пространство, существующее на стыке «физической реальности и цифровой среды»¹⁰. Однако текущее состояние правового регулирования не позволяет разрешить ряд вопросов, имеющих правоприменительное значение: о (квази) субъектности цифровых аватаров и (квази)объектности виртуального имущества, о возможности применения к отношениям, складывающимся в метавселенной, действующих правовых норм и об определении юрисдикции. Представляется, что обозначенные проблемы производны от отсутствия теоретико-методологической основы о сущности самой метавселенной.

Подразумевая под правовым пространством в узком смысле «сферу действия нормативных правовых актов, обозначенную границами нашего государства»¹¹, мы обнаруживаем, что такое определение неадаптивно к мета-пространству, образуя «юридическую черную дыру»¹². При этом широкое понимание термина «правовое пространство» как «феномена, возникающего в рамках системы правовых отношений и правовых практик, в которых участвуют субъекты общества»¹³, позволяет позиционировать метавселенные как альтернативные правовые пространства.

К ключевым свойствам метавселенной как альтернативного правового пространства необходимо отнести следующее:

1. Бестелесность и экстерриториальность. Для бестелесных пространств, не имеющих физических границ, становится неприменимой привычная нам формула действия закона в пространстве. Традиционно она сводится именно к территориальному принципу (*statuta suo clauduntur territorio, nec ultra territorium disponunt*)¹⁴ и к собственно государственным границам, что отражено не только в доктрине, но в нормативных актах, включая ст. 1 Закона РФ «О государственной границе Российской Федерации». Однако утверждение о том, что «всякое правоотношение тяготеет к определенному месту по своей природе», становится неактуальным применительно к метавселенным¹⁵. Подобно тому, как в квантовом мире не действуют законы ньютоновской механики, принципы территориальности и локализации не действуют в метавселенной, не имеющей соответствующего материального субстрата. Долгое время решением такой головоломки являлось конструирование юридической фикции в рамках тезиса об экстерриториальности: «Лицо считается как бы никогда не покинувшим территорию своего государства,

¹⁰ Chester Ch. B. Avatars in the metaverse: potential legal issues and remedies // International Cybersecurity Law Review. 2022. No. 3 (2). P. 467—494.

¹¹ Малько А. В. Правовое пространство в современной России: понятие и необходимость укрепления его единства // Правовая культура. 2023. № 1 (52). С. 97—99.

¹² Rácz-Antal I. Labour law and Metaverse — can they fit together? // Italian Labour Law e-Journal. 2023. No. 1. Vol. 16. P. 29—40.

¹³ Бичахчян М. К. Философский анализ правового пространства как понятия и феномена // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2019. № 5. С. 114—117.

¹⁴ См.: Красильников М. В. К вопросу о принципах действия советского социалистического уголовного закона в пространстве // Социалистическая законность. 1938. № 7. С. 61—64.

¹⁵ Лунц Л. А. Международное частное право : учебник. М., 1949. С. 68.

хотя оно пребывает в пределах чужой страны»¹⁶. При этом доктрине известен и иной подход, который позволяет связывать возможность применения норм не с физическими параметрами, а с условиями/характеристиками ситуации, имеющей правовое содержание. Так, Э. Э. Понтович указывал следующее: «То положение, что всякое правовое требование или определение рассчитано на применение его не вне пространства и времени, но в определенных условиях общественного существования человека, едва ли требует особых пояснений»¹⁷.

2. Потенциальная инфинитивность. Цифровая бесконечность метaprостранства с неизбежностью порождает проблему обеспечения действия и исполнимости правил, не относящихся к программному коду, а исходящих от государственного регулятора: «Громадность пространства — непреодолимые препятствия к завладению им»¹⁸.

3. Трансгуманизм¹⁹, мультисенсорность и «цифровое бессмертие». Право, служившее обеспечению и защите интересов человека, производных в первую очередь от его биологической природы, теряет обозначенную функциональность внутри метавселенной, поскольку бестелесные цифровые аватары не имеют набора естественных потребностей, без удовлетворения которых они не смогут существовать. При этом в литературе обращается внимание и на иной аспект — мультисенсорность²⁰. Считается, что метавселенная позволяет ощутить, «как кожа аватара сочается с кожей человека». Представляется, что если в результате использования метавселенной лицу будут причинены реальные физические страдания, то потребуются государственное вмешательство²¹.

4. Технологический универсализм. Общность программного кода позволяет создать условия для установления универсальных общеприменимых правил, что соответствует концепции единого правового поля. Очевидно, что одновременная применимость к отношениям, порождаемым метавселенной, актов разных правопорядков, способна привести лишь к правоприменительной деструкции. Интересен акт, в котором суд указал, что определение виртуальной юрисдикции — «очень сложный вопрос», который следует «отложить на другой день»²². В доктрине предлагаются следующие варианты создания универсального правового регулирования для метавселенных:

— разработка специального протокола Metalaw или CyberLaw, который будет содержать усредненные правила правопорядков и будет имплицитно растворен

¹⁶ Мартенс Ф. Ф. О консулах и консульской юрисдикции на Востоке. СПб. : Типография Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1873. VIII. С. 331.

¹⁷ Понтович Э. Э. Философия права. Кинешма, 1920. Ч. 1 : Общее учение о праве.

¹⁸ Даневский В. П. Пособие к изучению истории и системы международного права. Харьков : Тип. Адольфа Дарре, 1892. Вып. 2. С. 63.

¹⁹ Hennig-Thurau T, Aliman D.N., Herting A.M., Cziehso G.P., Linder M., Kübler R.V. Social interactions in the metaverse: Framework, initial evidence, and research roadmap // Journal of the Academy of Marketing Science. 2023. No. 51. P. 889—913.

²⁰ Cuellar P. D., Lasso V. A., Salazar B. A. Op. cit.

²¹ Cuellar P. D., Lasso V. A., Salazar B. A. Op. cit.

²² Цит. по: Gretchen Y. Internet Jurisdiction and the 21st Century: Zippo, Calder, and the Metaverse // Connecticut Law Review. 2023. № 6. 29 p.

в программном коде («невидимое законодательство»). Представляется, что создание такого протокола будет затруднено в связи с существенной разницей национальных законодательств, кроме того, действующие нормативные предписания не всегда могут быть механически перенесены на отношения, складывающихся внутри метавселенных. Например, в некоторых научных трудах предпринимается попытка сформулировать существенные условия договора купли-продажи виртуального земельного участка в метавселенной с учетом положений гражданского и земельного законодательства²³. Однако очевидно, что природа объектов метавселенной неизоморфна реальным объектам, ее пользователи зачастую анонимизированы, невозможно соблюдение ряда административных процедур (например, правила о том, что право собственности на земельный участок возникает с момента государственной регистрации в Росреестре). Кроме того, трансграничный характер виртуального мира не позволяет свести регулирование отношений внутри метавселенной к конкретному национальному правопорядку;

- создание единой модели электронной юрисдикции и отдельного законодательства для метавселенной в рамках «экспериментальных правовых режимов» / «регулятивной песочницы» / «правового инкубатора»²⁴. В отечественном законодательстве также содержится нормативная предпосылка к созданию отдельного экспериментального правового режима: в п. 2 ст. 2 Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» упомянуты и «цифровые инновации»;
- создание отдельного международного акта и международного агентства по управлению киберпространством (концепция общего наследия человечества)²⁵.

В качестве препятствий в выработке унитарного наднационального правового регулирования указывают:

- 1) разнородность внутренних правил самих метавселенных и разность в их функциональности и предназначенности. Так, в некоторых цифровых мирах разрешено совершение действий, которые в рамках классического правопорядка будут считаться правонарушениями, и именно такая архитектура этой вселенной и является привлекательной для пользователя. Например, в NETVRK допускается использование оружия. Предполагается, что в последующем метавселенные разделятся на Темную Метавселенную (DarkMet) и Белую Метавселенную (Whitemetaverse)²⁶. Именно темная останется зоной государственного невмешательства;

²³ Nyimasukti B., Wijayanti M., Juniarti D. An Essential Elements in Virtual Land Buying Transactions as Digital Assets in Metaverse Based on Indonesian Positive Law // *Ikatan Penulis Mahasiswa Hukum Indonesia Law Journal*. 2022. No. 3 (1). P. 40—59.

²⁴ Ranchordas S., Vinci V. Regulatory Sandboxes and Innovation-Friendly Regulation: Between Collaboration and Capture // *Italian Journal of Public Law*. 2024. Vol. 16. No. 1. P. 107—139.

²⁵ Asyari A. H. Cyberspace as A Common Heritage of Mankind: Governing Normative Limitations of The Internet by Virtue of International Law // *Acta Universitatis Carolinae — Iuridica*. 2023. Vol. 4. P. 211—228.

²⁶ Kostenko O., Furashev V., Zhuravlov D., Dnirov O. Op. cit.

- 2) господство подхода, в рамках которого национальный законодатель отказывается регулировать отношения, связанные с играми (*De minimis non curat lex*);
- 3) затруднительность конструирования реального механизма исполнения правовых предписаний и решений, в том числе из-за анонимизации. Так, Л. Лессиг писал, что «киберпространство неизбежно, и все же киберпространство неуправляемо»²⁷;
- 4) риск парализации метавселенной чрезмерностью государственного вмешательства и нормативной избыточностью.

Разумным в данном случае видится комбинированный подход к регулированию:

- отношения между аватарами по поводу объектов, существующих исключительно внутри метавселенной, возможно определять только правилами самого цифрового мира. Обязательным мыслится лишь установление правила о том, что в каждой метавселенной должен быть механизм рассмотрения споров по поводу соблюдения внутренних правил (*meta jurisdiction*) и невозможности разрешения внутриигровых споров в национальных судах;
- отношения между пользователем и правообладателем метавселенной, опосредованные лицензионным договором, необходимо подчинить нормам международного частного права, в частности, в ГК РФ коллизионная привязка содержится в п. 8 ст. 1211 ГК РФ;
- отношения, вытекающие из нарушения прав пользователей и третьих лиц путем размещения каких-либо объектов в метавселенной или посягательства на какие-либо блага следует подчинять конкретному национальному правопорядку, поскольку нарушение в данном случае выходит за рамки виртуального мира и затрагивает объекты и права, признаваемые в классическом правовом пространстве;
- необходимо рассматривать споры посредством обращения в национальные правоохранительные органы в случае:
 - а) если лицо утратило доступ к аккаунту в результате совершения противоправных действий в сфере компьютерной информации;
 - б) если лицо стало пользователем метавселенной под влиянием обмана, насилия, угрозы или в результате иного противоправного деяния, т.е. имел место порок воли при заключении лицензионного договора или иных сделок;
 - в) если требования вытекают из договора между пользователем и правообладателем метавселенной, включая требования о признании договора незаключенным, недействительным;
 - г) если требования лица связаны с нарушением его права на объекты, охраняемые в национальном правопорядке, путем размещения таких объектов или какой-либо информации (сведений) в метавселенной без согласия управомоченного лица.

Изложенное позволяет заключить, что конвергенция физического и цифрового мира метавселенной обуславливает необходимость (пере)осмысления категории правового пространства. Такие свойства цифровых миров как бестелесность,

²⁷ *Lawrence Lessig. The Laws of Cyberspace. 1998 // URL: https://cyber.harvard.edu/works/lessig/laws_cyberspace.pdf (дата обращения: 15.11.2024).*

потенциальная инфинитивность, трансгуманизм, мультисенсорность и универсализм должны предопределить подход к конструированию нормативной платформы и установлению пределов государственного вмешательства. В качестве принципов регулирования отношений, связанных с участием в метавселенных, следует выделить:

- сочетание наднационального и национального правового механизма регламентации отношений с внутриплатформенным регулированием;
- исключительность государственного вмешательства и недопустимость нормативной избыточности;
- недопустимость разрешения внутриплатформенных споров в национальных судах.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бичахчян М. К. Философский анализ правового пространства как понятия и феномена // Экономические и гуманитарные исследования регионов. — 2019. — № 5. — С. 114—117.
2. Даневский В. П. Пособие к изучению истории и системы международного права. — Харьков : Тип. Адольфа Дарре, 1892. — Вып. 2. — 178 с.
3. Красильников М. В. К вопросу о принципах действия советского социалистического уголовного закона в пространстве // Социалистическая законность. — 1938. — № 7. — С. 61—64.
4. Лунц Л. А. Международное частное право : учебник. — М., 1949. — 368 с.
5. Малько А. В. Правовое пространство в современной России: понятие и необходимость укрепления его единства // Правовая культура. — 2023. — № 1 (52). — С. 97—99.
6. Мартенс Ф. Ф. О консулах и консульской юрисдикции на Востоке. — СПб. : Тип. Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1873. — VIII. — 599 с.
7. Мартыянова Е. Ю. Проведение судебных заседаний в метавселенной: зарубежный опыт правоприменения // Актуальные проблемы предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса : сборник научных статей (ежегодник). — Пермь, 2023. — С. 108—110.
8. Понтович Э. Э. Философия права. — Кинешма, 1920. — Ч. 1 : Общее учение о праве. — 100 с.
9. Предпринимательское право : учебник / под ред. В. Г. Голубцова. — М. : Статут, 2023. — 482 с.
10. Aidonojie P. A., Adebayo A. K., Obieshi E., Owoche A. G., Ogbemudia I. O., Mutawalli M. M. The Prospect, Legal, and Socio-economic Implication of Metaverse Operation in Nigeria // Jurnal Wacana Hukum dan Sains Universitas Merdeka Surabaya. — 2024. — Vol. 19. — No. 4. — P. 17—55.
11. Asyari A. H. Cyberspace as A Common Heritage Of Mankind: Governing Normative Limitations of The Internet by Virtue of International Law // Acta Universitatis Carolinae — Iuridica. — 2023. — Vol. 4. — P. 211—228.

12. *Cuellar P. D., Lasso V. A., Salazar B. A.* The metaverse: an analysis from a human rights perspective // *Revista Jurídica Mario Alario D'Filippo*. — 2024. — No. 16 (33). — P. 202—218. — DOI: 10.32997/2256-2796-vol. 16-num.33-2024-4889.
13. *Chester Ch. B.* Avatars in the metaverse: potential legal issues and remedies. *International Cybersecurity Law Review*. — 2022. — No. 3 (2). — P. 467—494.
14. *Gretchen Y.* Internet Jurisdiction and the 21st Century: Zippo, Calder, and the Metaverse // *Connecticut Law Review*. — 2023. — No. 6. — 29 p.
15. *Hennig-Thurau T., Aliman D. N., Herting A. M., Cziehso G. P., Linder M., Kübler R. V.* Social interactions in the metaverse: Framework, initial evidence, and research roadmap // *Journal of the Academy of Marketing Science*. — 2023. — No. 51. — P. 889—913.
16. *Kostenko O., Furashev V., Zhuravlov D., Dniprov O.* Genesis of Legal Regulation Web and the Model of the Electronic Jurisdiction of the Metaverse // *Bratislava Law Review*. — 2022. — No. 6 (2). — P. 21—36.
17. *Lawrence Lessig.* The Laws of Cyberspace. 1998 // URL: https://cyber.harvard.edu/works/lessig/laws_cyberspace.pdf.
18. *Macedo C. R., Miro D. A., Hart T.* The Metaverse: From Science Fiction to Commercial Reality — Protecting Intellectual Property in the Virtual Landscape // *NYSBA Bright Ideas*. — 2022. — Vol. 31. — No. 1. — P. 13—20.
19. Metaverse Statistics In 2024 (Users & Market Trends) // URL: <https://www.demandsage.com/metaverse-statistics/>.
20. *Nasr M. M., Fakhry N. A.* Metaverse and Brand Experience in Fashion Digital Marketing // *International Design Journal*. — 2023. — Vol. 13. — No. 2. — P. 331—344.
21. *Nyimasukti B., Wijayanti M., Juniarti D.* An Essential Elements in Virtual Land Buying Transactions as Digital Asets in Metaverse Based onn Indonesian Positive Law // *Ikatan Penulis Mahasiswa Hukum Indonesia Law Journal*. — 2022. — No. 3(1). — P. 40—59.
22. *Rácz-Antal I.* Labour law and Metaverse — can they fit together? // *Italian Labour Law e-Journal*. — 2023. — No. 1. — Vol. 16. — P. 29—40.
23. *Ranchordas S., Vinci V.* Regulatory Sandboxes and Innovation-Friendly Regulation: Between Collaboration and Capture // *Italian Journal of Public Law*. — 2024. — Vol. 16. — No. 1. — P. 107—139.

Охрана цифровых решений механизмами патентного права

Аннотация. Эффективное обеспечение правовой охраны цифровых решений является важным фактором достижения задач цифровой трансформации общества и государства. В статье на основе выявления элементного состава цифрового решения и соотношения выявленных элементов с правовыми режимами различных результатов интеллектуальной деятельности сформулирован вывод о необходимости использования механизмов патентного права в целях охраны содержательного элемента цифрового решения. Проанализированы существующие нормативные барьеры в предоставлении цифровым решениям патентно-правовой охраны, рассмотрена практика регистрации и отказов в регистрации изобретений, относящихся к цифровым решениям. В результате проведенного исследования сделан вывод о возможности использования модели комплексной охраны цифрового решения, совмещающей механизмы патентного права для охраны содержательного элемента и механизмы авторского права для охраны программных компонентов и их визуальных отображений.

Ключевые слова: интеллектуальные права; патентные права; охрана патентных прав; объекты патентного права; цифровые решения

**Екатерина
Владимировна
ГЮЛЬБАСАРОВА,**
старший
преподаватель кафедры
интеллектуальных прав
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
evdomovskaya@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.128.4.109-116

Ekaterina V. GIULBASAROVA,

Senior Lecturer of the Department of Intellectual Rights of the Kutafin Moscow State
Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law)
evdomovskaya@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Protection of Digital Solutions by Patent Law Mechanisms

Abstract. Effective legal protection of digital solutions is an important factor in achieving the objectives of the digital transformation of society and the state. In this article, based on the identification of the elemental composition of a digital solution and correlation of the identified elements with the legal regimes of various results of intellectual activity, an approach to the need to use patent law mechanisms to protect the content element of a digital solution is formulated. The essay examines the current regulatory obstacles to providing digital solutions with patent legal protection, as well as the registration and denial of inventions relevant to digital processes. As a result of the research, the conclusion is made about the possibility of using the model of complex protection of digital solutions, combining the mechanisms of patent

© Гюльбасарова Е. В., 2025

law for the protection of the content element and copyright mechanisms for the protection of software components and their visual representations.

Keywords: *intellectual rights; patent rights; patent rights protection; patent rights objects; digital solutions*

Цифровая трансформация социальных и публичных институтов, необходимость реализации которой декларируется во многих национальных программах и стратегических документах Российской Федерации, требует разработки и применения инновационных цифровых технологий. Важность цифровой трансформации (или цифровизации) в доктрине объясняется тем, что она «может быть рассмотрена как общемировой социальный, экономический и технологический процесс четвертой промышленной революции, связанной с переходом на цифровые алгоритмы работы (представляемые в виде процессов, методов поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способов осуществления таких процессов и методов), позволяющей существенно повысить внутреннюю и внешнюю экономическую составляющую современного государства и в целом улучшить социальную инфраструктуру, упрощая способы взаимодействия государства с гражданским обществом и бизнесом, интегрируя цифровые технологии в повседневную жизнь каждого человека»¹.

В дополнение к этому следует отметить, что помимо государства в цифровизации собственных процессов заинтересован и предпринимательский сектор, поскольку использование новейших технологий способно существенно повысить его прибыльность за счет оптимизации производственных процессов.

Одной из возможных форм существования новых технологий являются цифровые решения, которые в большинстве случаев воплощают в себе различные охраняемые результаты интеллектуальной деятельности. По этой причине обеспечение охраны интеллектуальных прав, возникающих в отношении цифровых решений и их элементов, напрямую влияет на эффективность процессов цифровой трансформации государства и бизнеса. Наиболее полно такая охрана может быть обеспечена в рамках патентного права, механизмы которого предполагают охрану содержательного компонента.

Понятие «цифровые решения» раскрывается в нормативных актах неодинаково. Так, например, под российскими цифровыми решениями понимаются отечественные продукты, сервисы, платформенные решения и открытые библиотеки, созданные на базе цифровых технологий и направленные в том числе на импортозамещение иностранного программного обеспечения, и (или) программно-аппаратный комплекс². В другом акте Правительства РФ комплексом цифровых

¹ Зайцев И. А. Некоторые размышления о цифровизации как о новом социально-технологическом феномене развития человеческой цивилизации // Административное право и процесс. 2024. № 6. С. 23.

² Правила предоставления субсидии из федерального бюджета федеральному государственному бюджетному учреждению «Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере» на осуществление грантовой поддержки реализации проектов малых предприятий по разработке, применению и коммерциализации

сервисов и решений признается «совокупность программных, программно-аппаратных и (или) аппаратных средств в области информационных технологий, предназначенных для цифровой трансформации бизнес-процессов»³. В письме Минцифры России к цифровым решениям отнесены в том числе социальные сети и мессенджеры, программы для организации видеоконференций и связи, антивирусные программы, редакторы документов, электронные почтовые сервисы, сервисы онлайн-переводов, веб-браузеры и веб-аналитика, образовательные ресурсы, картографические сервисы, онлайн-площадки поиска сотрудников и площадки электронной коммерции, сервисы бронирования жилья, такси, заказа авиабилетов⁴.

Как видно из приведенных определений, под цифровым решением в основном понимается программное обеспечение, что с точки зрения права интеллектуальной собственности признается одним из объектов авторского права — программой для ЭВМ. В рамках института авторского права объем правовой охраны программ для ЭВМ приравнен к объему охраны литературных произведений (п. 1 ст. 1259, ст. 1261 ГК РФ), т.е. обеспечивается охрана текстовых кодов программы, написанных тем или иным языком программирования. При этом на содержание, в том числе на методы, процессы, системы, способы, решения технических, организационных или иных задач, на реализацию которых направлена программа для ЭВМ, авторско-правовая охрана не распространяется (п. 5 ст. 1259 ГК РФ). Тезис о том, что «авторское право охраняет исходный текст и объектный код компьютерной программы, но не идеи и алгоритмы, лежащие в ее основе»⁵, в целом является общепринятым в доктрине права интеллектуальной собственности.

Таким образом, на программные компоненты любого цифрового решения распространяется правовой режим программ для ЭВМ, который обеспечивает охрану внешнему выражению такого решения — коду (кодам), с помощью которого (которых) это решение реализуется. Помимо этого, в соответствии со ст. 1261 ГК РФ, кроме совокупности данных и команд, выраженных в кодах и предназначенных для функционирования ЭВМ (или других компьютерных устройств), охрана предоставляется также порождаемым программой аудиовизуальным отображениям,

российских цифровых решений, в том числе в сфере научно-технологического развития (утв. постановлением Правительства РФ от 03.05.2019 № 554). П. 3 (1) // СЗ РФ. 2019. № 19. Ст. 2310.

³ Правила предоставления грантов в форме субсидий из федерального бюджета юридическим лицам на реализацию мероприятий по внедрению комплексов цифровых сервисов и решений, созданных на базе цифровых платформ, в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования (утв. постановлением Правительства РФ от 21.06.2021 № 948). П. 2 // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5363.

⁴ Письмо Минцифры России от 01.04.2022 № МШ-П8-1-070-14732 «Об импортозамещении цифровых решений в органах управления Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».

⁵ Матвеев А. Г. Правила и стандарты доказывания факта использования компьютерной программы как объекта авторского права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. № 2. С. 317.

под которыми в доктрине предлагается понимать «последовательность, структуру и организацию программы, выводящейся на экран или пользовательский интерфейс»⁶. Соответственно, правовым режимом охраны программ для ЭВМ также охватываются графические интерфейсы и любые другие визуальные отображения цифрового решения.

Между тем представляется ошибочным приравнивать цифровое решение в целом к программе для ЭВМ, поскольку с точки зрения функционального содержания такое решение — это способ выполнения конкретной задачи с использованием различных цифровых средств, которую в отсутствие соответствующего решения пришлось бы выполнять иным образом. Определяющим для цифрового решения является не только то, что в его основу включена программа для ЭВМ (программное обеспечение или программный комплекс), но и то, что такое решение способно оптимизировать процессы, в рамках которых используется. По этой причине в упомянутом выше письме Минцифры России, помимо цифровых решений в форме «классических» программ для ЭВМ, указаны также социальные сети, веб-браузеры и электронные почтовые сервисы. Соответственно, важнейшим элементом любого цифрового решения является его содержание, т.е. способ выполнения конкретной задачи, оптимизированный путем применения цифровых технологий.

Как было отмечено выше, в рамках авторского права не может быть обеспечена охрана процессов, способов, решений технических и иных организационных задач. По этой причине более эффективной моделью для охраны цифровых решений представляется охрана с использованием механизмов патентного права. Вместе с тем при осуществлении регистрационных действий в целях получения цифровым решением патентно-правовой охраны существуют определенные барьеры.

Прежде всего следует отметить, что для цифровых решений ограничен выбор объекта патентного права, в форме которого они могут получить охрану. Как было отмечено выше, цифровое решение заключается в способе решения задачи, поэтому в рамках патентного права охрана ему может быть предоставлена только в качестве изобретения. Технические решения, относящиеся к способам, не могут быть зарегистрированы в качестве полезных моделей или промышленных образцов.

В соответствии с п. 1 ст. 1350 ГК РФ в качестве изобретения охраняется техническое решение в любой области, относящееся к продукту или способу, в том числе к применению продукта или способа по определенному назначению. Условиями патентоспособности изобретения также являются новизна, изобретательский уровень и промышленная применимость технического решения, заявленного на регистрацию. Соответственно, для получения патентной охраны цифровое решение должно быть не только новым, но и иметь изобретательский уровень (т.е. быть неочевидным для специалиста в данной области техники). Данное обстоятельство само по себе не является барьером для регистрации цифрового решения в качестве изобретения, однако существенно усложняет

⁶ Корнеев В. А. Программы для ЭВМ, базы данных и топологии интегральных микросхем как объекты интеллектуальных прав. М. : Статут, 2010. С. 19.

получение правовой охраны: помимо новизны, заявитель должен доказать наличие изобретательского уровня.

Барьером с точки зрения регистрации цифрового решения в качестве изобретения могут считаться требования к раскрытию сущности заявленного технического решения и к описанию технического результата, закрепленные в абз. 42 Требований к документам заявки на выдачу патента на изобретение (далее — Требования)⁷.

В отношении раскрытия сущности изобретения указывается, что способами признаются процессы осуществления действий над материальным объектом с помощью материальных средств. В связи с этим правовую охрану может получить не любое цифровое решение, а только такое, реализация которого предполагает осуществление действий над материальным объектом. При этом несоответствие заявленного решения требованию достаточности раскрытия его сущности является основанием для отказа в выдаче патента или основанием для признания выданного патента недействительным. Так, например, патент РФ № 2702976 на изобретение «Комплекс управления интеллектуальной собственностью — блокчейн-платформа интеллектуальной собственности» признан недействительным полностью в связи с тем, что «материалы патента не содержат в себе сведений, раскрывающих возможность реализации оспариваемого решения, а также возможность достижения заявленного результата»⁸.

Что касается требований к техническому результату, то в соответствии с названными Требованиями таким результатом не считаются те, которые:

- 1) достигаются лишь благодаря соблюдению определенного порядка при осуществлении тех или иных видов деятельности на основе договоренности между ее участниками или установленных правил;
- 2) заключаются только в получении информации и достигаются только благодаря применению математического метода, программы для электронной вычислительной машины или используемого в ней алгоритма;
- 3) обусловлены только особенностями смыслового содержания информации, представленной в той или иной форме на каком-либо носителе;
- 4) заключаются в занимательности и (или) зрелищности, проявляющихся при осуществлении или использовании изобретения.

⁷ Приказ Минэкономразвития РФ от 21.02.2023 № 107 «О государственной регистрации изобретений» (вместе с Правилами составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации изобретений, Требованиями к документам заявки на выдачу патента на изобретение, Порядком проведения информационного поиска в отношении заявленного изобретения при проведении экспертизы по существу по заявке на выдачу патента на изобретение и представления отчета о нем, Порядком публикации отчета об информационном поиске в отношении заявленного изобретения) // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Заключение Палаты по патентным спорам от 19.04.2021 (приложение к решению Роспатента от 26.05.2021 по заявке № 2019107727/08) «О признании недействительным полностью патента Российской Федерации на изобретение» // СПС «КонсультантПлюс».

Данное положение корреспондирует норме п. 5 ст. 1350 ГК РФ, в соответствии с которой изобретениями, помимо прочего, не являются научные теории и математические методы; решения, касающиеся только внешнего вида изделий и направленные на удовлетворение эстетических потребностей; правила и методы игр, интеллектуальной или хозяйственной деятельности; программы для ЭВМ; решения, заключающиеся только в представлении информации. Следует отметить, что в правоприменительной практике сформулирован подход, согласно которому подобные объекты не могут быть отнесены к изобретениям только в случае, когда заявка на выдачу патента на изобретение касается этих объектов как таковых⁹.

Соответственно, для регистрации цифрового решения в качестве изобретения требуется, чтобы технический результат не достигался лишь за счет применения математического метода, программы для электронной вычислительной машины или используемого в ней алгоритма, а также не являлся простым получением или представлением информации. Так, например, одним из оснований для отказа в регистрации группы изобретений «Компьютерная система и способ управления данными» по заявке № 2010139447/08 выступило то, что техническим результатом одного из решений заявленной группы являлось представление информации¹⁰. Применительно к данной ситуации в доктрине отмечается, что «при рассмотрении заявки на изобретение, характеризующей решение в области IT-технологии (которым может быть алгоритм в виде способа или характеристика функции продукта), может возникнуть ситуация, при которой заявленное решение будет признано не имеющим технического характера»¹¹.

При этом в случае, если заявка на выдачу патента в отношении цифрового решения включает сведения не только о способе применения математического метода, о программе для ЭВМ или о представлении информации заявленным решением, регистрация такого объекта потенциально возможна. Так, например, были выданы патенты на изобретения «Способ и система защиты цифровой информации, отображаемой на экране электронных устройств, с помощью динамических цифровых меток»¹², «Способ оплаты товара и (или) услуги с помощью

⁹ См., например: решение Суда по интеллектуальным правам от 02.02.2022 по делу № СИП-1098/2021.

Постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам от 27.06.2022 решение оставлено без изменения; определением Верховного Суда РФ от 29.09.2022 № 300-ЭС22-18835 отказано в передаче дела в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства решения (СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁰ Заключение Палаты по патентным спорам от 30.05.2014 (приложение к решению Роспатента от 29.08.2014 по заявке № 2010139447/08) «Об отказе в выдаче патента на изобретение» // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Сальников М. Ю. Практика патентования IT-технологий // ИС. Промышленная собственность. 2021. № 10. С. 47.

¹² Оболенский И. А., Кузьмин А. М., Сысоев В. В., Ястрембский А. Н. Способ и система защиты цифровой информации, отображаемой на экране электронных устройств, с помощью динамических цифровых меток. Патент РФ № 2758666. 2021.

мобильного терминала»¹³, «Способ первичной эмиссии электронно-цифровой купюры, способ вторичной эмиссии электронно-цифровой купюры, способ совершения платежа с использованием электронно-цифровой купюры»¹⁴.

Таким образом, основными нормативными барьерами в выдаче патентов в отношении цифровых решений выступают: ограничение по виду объектов, в форме которых возможна соответствующая регистрация, требования к раскрытию сущности заявленного технического решения и к описанию технического результата, а также закрепленный в п. 5 ст. 1350 ГК РФ перечень объектов, не являющихся изобретениями.

С учетом приведенных сведений о практике регистрации и отказов в регистрации изобретений, включающих в себя цифровые решения, необходимо сделать вывод о том, что получение ими правовой охраны в рамках патентного права, хотя и возможно, но сопряжено со значительными сложностями при квалификации характеристик заявленного на регистрацию решения. В связи с этим необходим предварительный анализ сущности каждого конкретного цифрового решения на предмет возможности получения правовой охраны в качестве изобретения.

Как было отмечено, патентно-правовая охрана цифровых решений способна более эффективно обеспечить их охрану, в то время как в рамках авторского права могут охраняться программные коды и графические интерфейсы цифровых решений. Как отмечается в доктрине применительно к программам для ЭВМ, «перспективной видится возможность предоставления комплексной авторской и патентной охраны компьютерным программам в российском законодательстве, что призвано обеспечить развитие законодательства». При этом имеются в виду: «исходный код программного обеспечения как объект охраны авторского права с возможностью государственной регистрации программного обеспечения по усмотрению правообладателя, алгоритмы и интерфейсы программного обеспечения как объекты патентной охраны»¹⁵. Представляется, что данный подход может быть распространен и на цифровые решения с тем уточнением, что в рассматриваемой ситуации на получение патентно-правовой охраны должны претендовать не программные алгоритмы, а способы решения конкретных задач, направленные на оптимизацию процессов путем использования цифровых средств.

При таком подходе цифровое решение могло бы быть квалифицировано в качестве сложного объекта интеллектуальных прав, включающего несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, однако на сегодняшний день закрытый перечень сложных объектов (п. 1 ст. 1240 ГК РФ) не содержит указания на подобный вид объекта. Возможно, некоторые цифровые решения могут быть квалифицированы как мультимедийные продукты, что, однако, требует

¹³ Толмачев В. Ю., Поляков А. С., Ключников И. В., Абрамов П. Ю. Способ оплаты товара и (или) услуги с помощью мобильного терминала. Патент РФ № 2693638. 2019.

¹⁴ Курняк О. Л., Широков И. В. Способ первичной эмиссии электронно-цифровой купюры, способ вторичной эмиссии электронно-цифровой купюры, способ совершения платежа с использованием электронно-цифровой купюры. Патент РФ № 2723461. 2020.

¹⁵ Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования : научно-практическое пособие / М. О. Дьяконова, А. А. Ефремов, О. А. Зайцев [и др.] ; под ред. И. И. Кучерова, С. А. Сеницына. М. : ИЗиСП ; Норма, 2022. С. 273.

дополнительного изучения соответствия характеристик конкретного цифрового решения признакам сложного объекта.

Регистрация способа решения конкретной задачи, положенного в основу любого цифрового решения, в качестве изобретения является важным компонентом обеспечения комплексной охраны интеллектуальных прав на цифровые решения. Не умаляя значимости авторско-правовой охраны, следует отметить, что с использованием механизмов патентного права достигается задача по обеспечению охраны содержательного компонента цифрового решения (способа решения конкретной задачи с использованием цифровых технологий). По этой причине важным видится устранение или минимизация нормативных барьеров, возникающих при получении патента в отношении изобретения, включающего цифровое решение.

Кроме того, представляется необходимым дальнейшее исследование правовой природы цифровых решений с позиции права интеллектуальной собственности, поскольку эффективное обеспечение их охраны способно выступить драйвером цифровой трансформации и гарантировать стабильность гражданского оборота прав на подобные решения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Зайцев И. А.* Некоторые размышления о цифровизации как о новом социально-технологическом феномене развития человеческой цивилизации // Административное право и процесс. — 2024. — № 6. — С. 22—26.
2. *Корнеев В. А.* Программы для ЭВМ, базы данных и топологии интегральных микросхем как объекты интеллектуальных прав. — М. : Статут, 2010. — 165 с.
3. *Матвеев А. Г.* Правила и стандарты доказывания факта использования компьютерной программы как объекта авторского права // Вестник Пермского университета. — Юридические науки. — 2024. — № 2. — С. 311—326.
4. *Сальников М. Ю.* Практика патентования IT-технологий // ИС. Промышленная собственность. — 2021. — № 10. — С. 43—50.
5. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: научно-практическое пособие / М. О. Дьяконова, А. А. Ефремов, О. А. Зайцев [и др.] ; под ред. И. И. Кучерова, С. А. Сеницына. — М. : ИЗиСП ; Норма, 2022. — 376 с.

Защита в ЕС объектов авторских прав при создании моделей искусственного интеллекта

Аннотация. 13.06.2024 в Европейском союзе был принят закон, регламентирующий вопросы, касающиеся искусственного интеллекта. Затронут он и вопросы защиты авторских прав. Сложности в применении нового закона неизбежно связаны с проблемами реализации положений уже существующей нормативной базы касательно регулирования вопросов авторского и смежного права на едином цифровом рынке ЕС. Майнинг данных в целях обучения искусственного интеллекта зачастую сопряжен с необходимостью использования произведений и баз данных. В этом случае налицо столкновение, с одной стороны, интересов правообладателей таких объектов, а с другой — интересов создателей моделей и систем искусственного интеллекта. Законодательство ЕС предлагает решение указанной проблемы. В то же время такое решение сложно признать оптимальным. В статье рассматриваются ключевые положения указанного закона в преломлении к обозначенной проблематике, а также анализируются зарубежные доктринальные источники и делается вывод по результатам рассмотрения.

Ключевые слова: искусственный интеллект, авторское право, майнинг, право ЕС, модель искусственного интеллекта, свободное использование произведений, экстерриториальность, конфиденциальность

**Богдан Евгеньевич
СЕМЕНЮТА,**
доцент кафедры
интеллектуальных прав
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
besemenyuta@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.128.4.117-124

Bogdan E. SEMENYUTA,

Associate Professor of the Department of Intellectual Rights of the Kutafin Moscow
State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law)

besemenyuta@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Protection of Copyright Objects in the EU when Creating Artificial Intelligence Models

Abstract. On June 13, 2024, the European Union adopted a law regulating issues related to artificial intelligence. He also touched upon the issues of copyright protection. The difficulties in applying the new law are inevitably related to the problems of implementing the provisions of the existing regulatory framework regarding the regulation of copyright and related rights in the EU single digital market. Data mining for the purpose of artificial intelligence training is often associated with the need to use works and databases. In this

© Семенюта Б. Е., 2025

case, there is a clash between the interests of the copyright holders of such objects, on the one hand, and the interests of the creators of artificial intelligence models and systems, on the other. EU legislation offers a solution to this problem. At the same time, it is difficult to recognize such a solution as optimal. The article examines the key provisions of this law in relation to the identified issues, as well as analyzes foreign doctrinal sources and draws a conclusion based on the results of the review.

Keywords: artificial intelligence, copyright, mining, EU law, artificial intelligence model, free use of works, extraterritoriality, confidentiality

13.06.2024 в Европейском союзе был принят закон, регламентирующий вопросы, касающиеся искусственного интеллекта¹ (далее — Закон об ИИ). Это всеобъемлющий документ, подробно определяющий обширный перечень правовых аспектов, связанных с искусственным интеллектом (далее также — ИИ).

Как раскрывается в пояснительной записке к проекту², были оценены четыре варианта политики в отношении ИИ с разной степенью вмешательства регулирующих органов:

- вариант 1: законодательный инструмент ЕС, устанавливающий систему добровольной маркировки;
- вариант 2: отраслевой, «специальный» подход;
- вариант 3: горизонтальный законодательный инструмент ЕС, реализующий пропорциональный подход, основанный на риске;
- вариант 3+: горизонтальный законодательный инструмент ЕС, реализующий пропорциональный подход, основанный на риске + кодексы поведения для систем искусственного интеллекта без высокого риска;
- вариант 4: горизонтальный законодательный инструмент ЕС, устанавливающий обязательные требования ко всем системам искусственного интеллекта, независимо от риска, который они представляют.

Каждый из указанных вариантов оценивался с точки зрения экономических и социальных последствий с особым вниманием к влиянию на фундаментальные права. Оптимальным посчитали вариант 3+, который и был реализован: соответствующий раздел X Закона об ИИ посвящен, среди прочего, созданию кодексов поведения, цель которых — побудить поставщиков систем искусственного интеллекта, не связанных с высоким риском, добровольно применять обязательные требования к системам искусственного интеллекта высокого риска.

¹ Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj> (дата обращения: 02.11.2024).

² URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/txt/?uri=celex:52021pc0206> (дата обращения: 02.11.2024).

Необходимо особо отметить, что, согласно ст. 2 Закона об ИИ, из-под его действия прямо выведены системы искусственного интеллекта или модели искусственного интеллекта, разработанные и введенные в эксплуатацию исключительно с целью научных исследований и разработок. Кроме того, Закон об ИИ не применяется к исследовательской, тестовой или опытно-конструкторской деятельности, касающейся систем ИИ или моделей ИИ до их выхода на рынок или ввода в эксплуатацию. Также за пределами регулирования данного Закона находятся системы искусственного интеллекта, выпущенные по свободным лицензиям с открытым исходным кодом, за исключением систем ИИ с высокой степенью риска, систем, реализующих запрещенные практики, прямо перечисленные в указанном Законе, а также систем, которые подпадают под особо оговоренные в Законе об ИИ обязательства по раскрытию (transparency obligations).

В столь специфичной области совершенно необходимо определить ключевые понятия, что и реализуется в ст. 3 Закона об ИИ. Первооснова Закона — понятие системы ИИ (AI system), означающей компьютерную систему, предназначенную для работы с различными уровнями автономии. Она может проявлять адаптивность после развертывания и для достижения явных или неявных целей на основе получаемых входных данных делает выводы о том, как генерировать выходные данные, такие как прогнозы, контент, рекомендации или решения, которые могут влиять на физическую или виртуальную среду. Как видим, определение отличается многоаспектностью и всеобъемлющим характером описания понятия, из которого следует, что в основе системы ИИ лежит компьютерная программа, созданная для целей обработки данных и выдачи результата, что характерно для многих программ, но здесь мы сталкиваемся с таким свойством ИИ, как адаптивность, т.е. способность приспосабливаться в случае внешних изменений.

Далее в упомянутой статье четко разделяются ключевые понятия: система ИИ общего назначения (general-purpose AI system) и модель ИИ общего назначения (general-purpose AI model). Под первым понимается система ИИ, которая основана на модели ИИ общего назначения и способна служить различным целям как для непосредственного использования, так и для интеграции в другие системы ИИ. Второе определяется как модель ИИ (в том числе когда такая модель ИИ обучается на большом объеме данных с использованием масштабного самообучения), которая демонстрирует значительную общность и способна компетентно выполнять широкий спектр различных задач независимо от того, как модель размещена в рынке. Она может быть интегрирована в различные последующие системы или приложения, за исключением моделей ИИ, которые используются для исследований, разработок или создания прототипов до их появления на рынке. Таким образом, модель ИИ общего назначения является основой функционирования системы ИИ общего назначения и не тождественна ей. Именно эти две категории находятся в фокусе регуляторного воздействия Закона об ИИ.

Следует отметить, что определения понятия модели ИИ Закон об ИИ не содержит. Термин «модель» в контексте искусственного интеллекта обозначает «алгоритм, основанный на (нелинейной) математической функции, которая генерирует выходные данные на основе шаблонов, полученных из обучающих данных

в процессе обучения»³. То есть модель ИИ — это математическая модель. Математической моделью называется совокупность уравнений или других математических соотношений, отражающих основные свойства изучаемого объекта или явления в рамках принятой умозрительной физической модели и особенности его взаимодействия с окружающей средой на пространственно-временных границах области его локализации⁴. Упрощенно приведенное определение можно сформулировать так: модель представляет собой математическое уравнение.

Согласно ст. 53 Закона об ИИ, поставщики моделей ИИ общего назначения обязаны составлять, поддерживать в актуальном состоянии и предоставлять доступ к информации и документации поставщикам систем ИИ, которые намерены интегрировать модель ИИ общего назначения в свои системы ИИ; внедрить политику, направленную на соблюдение законодательства ЕС об авторском праве и смежных правах, в частности, на выявление и соблюдение, в том числе с использованием самых современных технологий, оговорки о правах, выраженной в соответствии со ст. 4 (3) Директивы (ЕС) 2019/790 об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке и о внесении изменений в директивы 96/9/ЕС и 2001/29/ЕС.

Речь здесь идет о том, что, согласно Директиве 2019/790, в случае осуществления майнинга⁵ текста и данных устанавливается возможность свободного использования объектов авторских, смежных прав, а также баз данных, но правообладатель может воспрепятствовать этому путем резервирования своего права надлежащим образом, например машиночитаемым способом в случае контента, ставшего публично доступным онлайн. То есть правообладатель может сохранить свои права, чтобы предотвратить майнинг текста и данных, за исключением случаев, когда это делается в целях научных исследований. В тех случаях, когда указанное право на отказ (opt out) было реализовано, поставщикам моделей ИИ общего назначения придется получить разрешение от правообладателей для осуществления майнинга.

В этой связи дело *Kneschke v. LAION* называют первым в Европе, посвященным проверке законности использования произведений, защищенных авторским правом, в целях обучения генеративных моделей искусственного интеллекта.

³ *Peukert A.* Copyright in the Artificial Intelligence Act — A Primer (March 25, 2024) // GRUR International, Vol. 73. Is. 6. June 2024. URL: <https://ssrn.com/abstract=4771976>.

⁴ *Звонарев С. В.* Основы математического моделирования : учебное пособие. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2019. С. 22.

⁵ Перевод термина *mining* здесь и далее не дается, так как само понятие имеет специальное содержание. В статье 2 Директивы 2019/790 дается такое определение майнинга текста и данных: это любая автоматизированная аналитическая технология, направленная на анализ текста и данных в цифровой форме с целью формирования информации, которая включает, помимо прочего, закономерности, тенденции и корреляции. В преамбуле Директивы 2019/790 поясняется, что новые технологии позволяют проводить автоматизированный вычислительный анализ информации в цифровой форме, такой как текст, звуки, изображения или данные, обычно известный как майнинг текста и данных. Майнинг текста и данных позволяет обрабатывать большие объемы информации с целью получения новых знаний и выявления новых тенденций.

Компания LAION e.V. загрузила и использовала для обучения ИИ фотографию, правообладателем которой является Кнешке. Спорное изображение было доступно бесплатно на сайте [bigstock.com](https://www.bigstock.com). Суд встал на сторону ответчика со ссылкой на научную некоммерческую цель, которую он преследовал в процессе интеллектуального анализа текста и данных. Но важно в этом деле другое. В решении суд приходит к выводу, что обучение ИИ представляет собой автоматизированный аналитический метод, который генерирует корреляции и, таким образом, подпадает под определение майнинга текста и данных⁶, а значит, использование объектов авторского права при майнинге возможно на основании исключения в ст. 4 Директивы 2019/790.

Неразрешенным в этом деле и до сих пор остро стоящим является вопрос о том, как именно должен быть выражен отказ правообладателя от использования его произведений при майнинге данных. LAION предположила, что для того, чтобы считаться машиночитаемым, отказ от использования должен быть предоставлен в определенном стандартизированном формате, который легко воспринимается поисковыми роботами и другими ботами. Истец же утверждал, что обычный цифровой текст достаточно легко читается и что требование использовать определенные форматы нежелательно, поскольку большинство авторов не обладают техническими знаниями, необходимыми для эффективной защиты своих работ от сканирования таким образом. При этом суд в этой части свое мнение никак не выразил⁷.

Европейские юристы-практики также ожидают решений иных судов, которые могут внести ясность в вопрос о границах между авторским правом и разработкой ИИ (например, *Getty v. Stability AI* в Великобритании или *The New York Times v. OpenAI and Microsoft* в США⁸).

В статье 53 Закона об ИИ также указано на обязанность поставщиков моделей ИИ общего назначения составить и опубликовать подробное резюме о контенте, используемом для обучения модели ИИ общего назначения. Согласно п. 107 преамбулы к указанному Закону, резюме должно быть существенно детализированным, чтобы правообладатели могли знать, была ли использована их работа, например, путем перечисления основных коллекций данных, которые использовались для обучения модели, таких как крупные частные или общедоступные базы данных или архивы данных, а также путем предоставления пояснения по использованию других источников.

Как видим, ключевая обязанность в сфере защиты авторских прав наложена именно на поставщика модели ИИ, а не системы ИИ. Как отмечает А. Reukert, в результате обязательство по внедрению политики модерации авторских прав во многих случаях будет сведено на нет: только когда поставщик модели интегрирует свою собственную модель в свою собственную систему ИИ, он может

⁶ URL: <https://copyrightblog.kluweriplaw.com/2024/07/22/machine-readable-or-not-notes-on-the-hearing-in-laion-e-v-vs-kneschke/> (дата обращения: 31.10.2024).

⁷ URL: <https://copyrightblog.kluweriplaw.com/2024/07/22/machine-readable-or-not-notes-on-the-hearing-in-laion-e-v-vs-kneschke/>.

⁸ URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=e6b1daab-06ee-4945-b972-4d64b6fea8e2> (дата обращения: 31.10.2024).

выполнять обязательства, а во всех остальных случаях поставщики модели не могут быть связаны такими обязательствами, поскольку никого нельзя обязать сверх его возможностей⁹. Нельзя сказать, что такого рода вывод совершенно очевиден и бесспорен, так как именно на стадии построения модели происходит использование объектов авторского права, в связи с чем обязанность, наложенная Законом об ИИ на поставщика модели ИИ (а не системы ИИ) выглядит исполнимой. Наложение таких обязанностей на поставщиков систем ИИ, наоборот, затрудняло бы им исполнение такого рода требований, так как их роль является производной.

J. P. Quintais также отмечает, что большинство обязательств по защите авторских прав в Законе об ИИ возлагаются на поставщиков моделей ИИ, а не на поставщиков систем ИИ¹⁰. Представляется, что наиболее логичным был бы вариант, при котором обязанность, сейчас актуальная для поставщиков моделей ИИ, была бы также распространена на поставщиков систем ИИ. При этом поставщики моделей принуждались бы к предоставлению поставщикам систем всей необходимой для этого информации.

Одной из лазеек Закона об ИИ в контексте авторского права называют отсутствие конкретных мер по устранению потенциальных тупиковых ситуаций в переговорах между правообладателями и поставщиками услуг по созданию искусственного интеллекта¹¹. Для разрешения этой ситуации исследователь предлагает ввести должность европейского институционального посредника в совокупности с заменой описанного выше института отказа (opt out) на предусмотренное Законом право на вознаграждение в пользу авторов¹².

Созвучные мысли выражают и европейские организации из всех секторов культуры, творчества и медиаиндустрии, которые просят создать четкие барьеры для генеративного искусственного интеллекта в Европейском союзе¹³. С их точки зрения, защищенный контент может использоваться только с предварительного согласия правообладателей и за адекватные деньги. В качестве минимальной меры озвучивается достижение правовой определенности и эффективности в рамках действующего, но все еще в значительной степени нерегулируемого процесса отказа: этот процесс необходимо конкретизировать и превратить в эффективный инструмент. Также авторы ссылаются на фактически паразитическую роль цифровых привратников (gatekeepers), т.е. крупных онлайн-платформ, которые являются посредниками между бизнес-пользователями и потребителями (например, Amazon, Apple, Microsoft).

⁹ Peukert A. Op. cit.

¹⁰ Quintais J. P. Generative AI, Copyright and the AI Act (August 01, 2024) // URL: <https://ssrn.com/abstract=4912701> (дата обращения: 13.11.2024).

¹¹ Geiger Ch. and Iaia V. Towards an Independent EU Regulator for Copyright Issues of Generative AI: What Role for the AI Office (But More Importantly: What's Next)? (August 03, 2024) // Auteurs & Media (forthcoming, 2024) URL: <https://ssrn.com/abstract=4914938> (дата обращения: 13.11.2024).

¹² Geiger Ch. and Iaia V. Op. cit.

¹³ URL: <https://www.medienpolitik.net/aktuelle-themen/nur-mit-sachgerechter-transparenz-und-gegen-lizenzen-542> (дата обращения: 31.10.2024).

Статья 78 Закона об ИИ особо устанавливает, что Европейская комиссия, органы по надзору за рынком и уполномоченные органы, а также любое физическое или юридическое лицо, вовлеченное в применение рассматриваемого Закона, должны соблюдать конфиденциальность информации и данных, полученных при выполнении своих задач таким образом, чтобы защитить, в частности, права интеллектуальной собственности и конфиденциальную деловую информацию или коммерческие секреты физического или юридического лица, включая исходный код от их незаконного приобретения, использования и разглашения, за исключением случаев, указанных в Директиве (ЕС) 2016/943 Европейского парламента и Совета о защите нераскрытых ноу-хау и деловой информации (коммерческой тайны). Тем самым дополнительно подчеркивается важность не просто соблюдения прав на интеллектуальную собственность, но и недопущения нарушений в сфере конфиденциальности. При этом особо отмечается роль исходного кода как основы программного воплощения модели ИИ, который, как известно, охраняется авторским правом в качестве составной части компьютерной программы.

Отдельно следует остановиться на такой особенности анализируемого Закона, как экстерриториальный характер его действия. Согласно п. 22 преамбулы (recital), Закон должен также применяться к поставщикам и разработчикам систем искусственного интеллекта, которые находятся в третьей стране, в той мере, в какой результаты работы этих систем предназначены для использования на территории ЕС. Как отмечает один из исследователей, преамбулы в праве ЕС не имеют обязательной силы, их основная функция заключается в разъяснении основной цели, преследуемой законодательным актом, поэтому ее содержание в данном случае выходит за рамки правового положения, которое оно поддерживает, — оно вводит экстерриториальность «через черный ход»¹⁴.

Такого рода подход беспокоит исследователей. Так, Япония известна как страна, в которой возможно использование объектов авторского права для машинного обучения без согласия правообладателя, что кардинально отличается от существующего в ЕС подхода. Как утверждает А. Реукерт, если идти до конца в экстерриториальном подходе, то любая модель ИИ общего назначения должна быть разработана в соответствии с Законом об ИИ, чтобы иметь возможность выйти на рынок ЕС¹⁵. J. P. Quintais придерживается иного мнения, считает, что если майнинг, на основе которого была создана модель, проводился за пределами ЕС, то законодательство ЕС об авторском праве не требует от поставщиков моделей общего назначения обеспечивать соответствие модели ст. 4 Директивы (ЕС) 2019/790¹⁶.

Стоит также отметить что, в контексте экстерриториальности, согласно ст. 54 Закона об ИИ, прежде чем размещать модель ИИ общего назначения на рынке ЕС, поставщики, зарегистрированные в третьих странах, должны назначить уполномоченного представителя, зарегистрированного в ЕС, и выдать ему соответствующую доверенность, содержание которой с точки зрения полномочий также урегулировано указанной статьей.

¹⁴ Quintais J. P. Generative AI, Copyright and the AI Act (August 01, 2024) // URL: <https://ssrn.com/abstract=4912701> (дата обращения: 13.11.2024).

¹⁵ Peukert A. Op. cit.

¹⁶ Quintais J. P. Op. cit.

Закон об ИИ принят недавно, но уже вызывает у европейских исследователей вопросы и критику. Как афористично замечает А. Peukert, закон, который в основном делает счастливыми юристов, не является хорошим законом¹⁷. Хотя, конечно, истинно счастливым юрист может быть только тогда, когда закон написан качественно, непротиворечиво и тем самым приносит пользу, а не новые поводы для споров, множественных толкований и злоупотреблений.

Представляется, что в России время для принятия закона, который бы регулировал подобную сферу отношений, еще не наступило, хотя оно и близится. При этом у нас нет института, аналогичного рассмотренному выше случаю свободного использования объектов авторского права в целях майнинга и сопутствующему ему институту отказа (opt out). В России использование объектов авторского права при обучении искусственного интеллекта будет составлять нарушение исключительного права.

Уверен, что компании, занимающиеся указанной сферой в России, заинтересованы в соответствующем послаблении. Также можно утверждать, что при расширении случаев свободного использования в контексте майнинга увеличит привлекательность российской юрисдикции для такого рода проектов (по аналогии с Японией). Но насколько эта привлекательность перевесит риски нарушений и злоупотреблений в сфере интеллектуальной собственности, является открытым вопросом, достойным предметной дискуссии. При этом нельзя забывать, что последующий возможный выход на рынки ЕС будет сопряжен с необходимостью столкнуться с экстерриториальностью рассмотренного Закона об ИИ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Звонарев С. В. Основы математического моделирования : учебное пособие. — Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2019. — 112 с.
2. Geiger Ch. and Iaia V. Towards an Independent EU Regulator for Copyright Issues of Generative AI: What Role for the AI Office (But More Importantly: What's Next)? (August 03, 2024) // Auteurs & Media (forthcoming, 2024). — URL: <https://ssrn.com/abstract=4914938> (дата обращения: 13.11.2024).
3. Peukert A. Copyright in the Artificial Intelligence Act — A Primer (March 25, 2024) // GRUR International. — Vol. 73. — Is. 6. — June 2024. — URL: <https://ssrn.com/abstract=4771976>.
4. Quintais J. P. Generative AI, Copyright and the AI Act (August 01, 2024) // URL: <https://ssrn.com/abstract=4912701> (дата обращения: 13.11.2024).

¹⁷ Peukert A. Op. cit.

Правовой режим использования сиротских объектов авторских и смежных прав¹

Аннотация. В статье анализируются проблематика использования сиротских объектов авторских и смежных прав, новые законодательные положения, регламентирующие порядок управления и использования так называемых сиротских, или орфанных, произведений, т.е. произведений, авторы или иные правообладатели которых предполагаются неизвестными. Соответствующие положения распространяются и на объекты смежных прав. В условиях широкого распространения информационных технологий, использования объектов интеллектуальных прав в сети Интернет, а также сохраняющихся обстоятельств бесконтрольного опубликования произведений проблематика использования, правовой охраны сиротских объектов авторских и смежных прав приобретает особое значение. При установлении правового режима сиротских объектов авторских и смежных прав важно не нарушить баланс общественных и частных интересов (интересов авторов и иных правообладателей). Сформулированы научная позиция и ряд положений по различным аспектам использования и охраны сиротских объектов авторских и смежных прав.

Ключевые слова: сиротские объекты авторских и смежных прав, правовой режим сиротских произведений, аккредитованные организации коллективного управления правами, неисключительная лицензия, права лицензиата, вознаграждение, номинальный счет, управление исключительными правами на сиротские произведения, единый реестр

Бениамин Александрович ШАХНАЗАРОВ,
профессор кафедры
интеллектуальных прав
и кафедры международного
частного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
доцент
bashahnazarov@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.128.4.125-133

Benjamin A. SHAKHNAZAROV,

Professor of the Department of Intellectual Rights,
of the Department of Private International Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Dr. Sci. (Law), Associate Professor

bashahnazarov@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Legal Regime for the Use of Orphan Objects of Copyright and Related Rights

Abstract. The article analyzes the problems of using orphan objects of copyright and related rights, new legislative provisions governing the procedure for managing and using the so-called orphan or orphan works, i.e. works whose authors or other copyright holders are assumed to be unknown. The

¹ Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

relevant provisions also apply to objects of related rights. In the context of the widespread use of information technology, the use of intellectual property on the Internet, as well as the continuing circumstances of uncontrolled publication of works, the problem of using and legally protecting orphan objects of copyright and related rights is of particular importance. In this context, it seems important not to upset the balance of public and private interests (the interests of authors and other copyright holders) when establishing a legal regime for orphan objects of copyright and related rights. The authors formulated a scientific position and a number of provisions on various aspects of the use and protection of orphan objects of copyright and related rights.

Keywords: orphan objects of copyright and related rights, legal regime of orphan works, certified collective management organization, non-exclusive license, licensee rights, remuneration, nominal account, management of exclusive rights to orphan works, unified register

Федеральным законом от 22 июля 2024 г. № 190-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» в ГК РФ были введены положения, регламентирующие порядок управления и использования так называемых сиротских, или орфанных, произведений, т.е. произведений, авторы или иные правообладатели которых предполагаются неизвестными. Соответствующие положения распространяются и на объекты смежных прав. В условиях широкого развития информационных технологий, использования объектов интеллектуальных прав в сети Интернет, а также сохраняющихся случаев бесконтрольного опубликования произведений проблематика использования, правовой охраны сиротских объектов авторских и смежных прав приобретает особое значение. При установлении правового режима сиротских объектов авторских и смежных прав крайне важно не нарушить баланс общественных и частных интересов (интересов авторов и иных правообладателей).

В ГК РФ были введены новые статьи:

- статья 1243.1 «Порядок выплаты вознаграждения за использование объектов авторских и смежных прав путем зачисления средств на номинальный счет»;
- статья 1244.2 «Управление исключительными правами на объекты авторских и смежных прав, авторы или иные правообладатели которых предполагаются неизвестными»;
- статья 1280.1 «Использование правомерно обнародованных произведения литературы, изобразительного искусства, декоративно-прикладного искусства, фотографического произведения, произведения, полученного способами, аналогичными фотографии, музыкального произведения (с текстом или без текста), автор или иной правообладатель которых предполагается неизвестным»;
- статья 1306.1 «Использование правомерно обнародованных фонограмм и исполнений, правообладатель которых предполагается неизвестным».

Также с учетом положений ст. 1243.1 были внесены изменения и в ст. 1243 ГК РФ, в частности, установлена возможность выплаты авторам и иным правообладателям вознаграждения за использование объектов авторских и смежных

прав на номинальный счет. Кроме того, изменена редакция ст. 1244 ГК РФ. Так, установлена возможность получения организацией коллективного управления правами государственной аккредитации на осуществление деятельности в сфере коллективного управления исключительными правами на сиротские объекты авторских и смежных прав.

Кроме того, установлена обязанность любой аккредитованной организации (организации, аккредитованной в любой из сфер коллективного управления) принимать разумные и достаточные меры по установлению правообладателей, имеющих право на получение вознаграждения в соответствии с заключенными этой организацией лицензионными договорами и договорами о выплате вознаграждения. В случае выявления сиротских объектов авторских или смежных прав аккредитованная организация обязана предоставить сведения об этом объекте именно организации коллективного управления правами, аккредитованной в отношении управления исключительными правами на сиротские объекты авторских и смежных прав.

Основная идея нововведений заключается в установлении правового режима использования и управления исключительными правами на объекты авторских и смежных прав, авторы или иные правообладатели которых предполагаются неизвестными. Действительно, случаев выявления произведений, а также объектов смежных прав, авторы которых неизвестны, особенно в условиях развития сети Интернет, становится все больше, и повсеместное неконтролируемое использование таких объектов может повлечь негативные правовые последствия для пользователей соответствующих объектов, правовые сложности в установлении и квалификации таких фактов в случае обнаружения правообладателя в последующем. Возможно также возникновение проблем, связанных со сложностями установления до использования объекта его правообладателя, который заявляет о своих правах способом, недоступным или малодоступным для общества в целом и для потенциальных пользователей.

Согласно рассматриваемому правовому режиму, введенному Федеральным законом от 22 июля 2024 г. № 190-ФЗ, допускается использование сиротских объектов авторских и смежных прав третьими лицами, подавшими заявление о предоставлении им права на использование соответствующего объекта в аккредитованную организацию по управлению правами на коллективной основе. Отметим, что деятельность по управлению сиротскими объектами авторских и смежных прав должна быть консолидированной в целях централизованного упорядочивания информации о таких объектах и установления общего порядка управления сиротскими объектами авторских и смежных прав, а также единого прозрачного механизма фиксации в последующем факта выявления правообладателя.

Так, согласно рассматриваемым новым положениям ГК РФ при принятии положительного решения по заявлению третьего лица аккредитованная организация размещает объявление о поиске автора или иного правообладателя на своем официальном сайте в сети Интернет и предлагает такому лицу заключить договор о предоставлении неисключительной лицензии, указав срок, территорию, способы использования сиротского объекта авторских или смежных прав, размер вознаграждения, а также иные условия использования такого объекта, в частности компенсацию покрытия расходов аккредитованной организации, и средства,

которые направляются в специальные фонды, создаваемые этой организацией. В случае спора относительно условий договора о предоставлении неисключительной лицензии условия этого договора определяются судом.

Вознаграждение поступает на специальный счет — номинальный счет аккредитованной организации и хранится на нем до момента выявления правообладателя, который может обратиться к владельцу счета с требованием о выдаче причитающихся правообладателю денежных средств.

Важно, что аккредитованным организациям предоставлено право инвестировать находящиеся на номинальном счете денежные средства на принципах возвратности, прибыльности и ликвидности.

Если аккредитованная организация получает сведения об авторе или ином правообладателе или если автор или иной правообладатель обратился с требованием о выплате вознаграждения за использование объекта авторских или смежных прав, аккредитованная организация вносит изменения, касающиеся автора или иного правообладателя, и иные необходимые исправления в общедоступную информационную систему, а также исключает сведения о соответствующем объекте авторских или смежных прав из единого реестра.

Рассмотренные нововведения применяются к правоотношениям, возникшим после 21 октября 2024 г., а также касающимся использования объектов авторских или смежных прав, которые были обнародованы до 21 октября 2024 г., если автор или иной правообладатель такого объекта предполагается неизвестным и при этом интерес у лица, претендующего на использование такого объекта, в отношении использования такого объекта возник после 21 октября 2024 г.

Обозначенное положение Федерального закона от 22 июля 2024 г. № 190-ФЗ в совокупности с установленным правовым режимом представляется спорным по следующим причинам. Прежде всего, установленный порядок управления правами на сиротские объекты авторских и смежных прав не предполагает нелегитимность использования таких объектов вне установленного режима. В статье 1244.2 «Управление исключительными правами на объекты авторских и смежных прав, авторы или иные правообладатели которых предполагаются неизвестными» отмечается, что лицо, претендующее на использование объекта, автор или иной правообладатель которого предполагается неизвестным, **вправе** при определенных условиях подать в аккредитованную организацию заявление о предоставлении ему права на использование этого объекта. То есть применение соответствующего порядка использования сиротского объекта авторских и смежных прав посредством согласования с аккредитованной организацией и выплаты вознаграждения на номинальный счет — это право, а не обязанность пользователя.

Таким образом, у заинтересованного в использовании сиротского объекта авторских и смежных прав лица сохраняется возможность на свой страх и риск использовать фактически сиротское произведение или объект смежных прав вне установленного режима, что уже представляется спорным. Аккредитованные организации коллективного управления правами в целях упорядочивания отношений по использованию сиротских объектов авторских и смежных прав, как представляется, могли бы (если использование установленного режима было бы обязанностью пользователей) осуществлять деятельность по мониторингу такого

несогласованного и бесконтрольного использования соответствующих объектов, требовать прекращения такого использования в случаях установления, что объект на момент использования не перешел в режим общественного достояния. Не исключено, что такие объекты уже на момент использования могут находиться в режиме общественного достояния.

Таким образом, в настоящей редакции рассматриваемых положений ГК РФ фактическое использование произведения или объекта смежных прав лицом, по мнению которого установить правообладателя такого объекта невозможно, не считается нелегитимным. Стоит отметить, что речь не идет, например, о произведении народного творчества (фольклор), не имеющего конкретного автора, поскольку такое произведение не является объектом авторских прав (п. 6 ст. 1259 ГК РФ). В новых положениях ГК РФ закреплён, по сути, порядок установления правообладателя через аккредитованные организации коллективного управления правами и правовой режим использования сиротских объектов авторских и смежных прав.

Такой режим целесообразно определить в качестве единственно возможного режима использования сиротских объектов авторских и смежных прав. С учетом же темпоральных положений Федерального закона от 22 июля 2024 г. № 190-ФЗ можно сделать вывод о том, что лица, которые начали использовать такие объекты до 21 октября 2024 г., не смогут воспользоваться установленным правовым режимом использования объектов авторских и смежных прав, что не способствует упорядочению отношений по управлению сиротскими объектами авторских и смежных прав и их использованию. Представляется целесообразным применять обозначенный правовой режим ко всем отношениям по использованию сиротских объектов авторских и смежных прав, независимо от момента их возникновения.

Кроме того, установленный правовой режим применяется и к объектам, которые были обнародованы до 21 октября 2024 г., если интерес у лица, претендующего на использование такого объекта, в отношении использования такого объекта возник после дня вступления в силу Федерального закона от 22 июля 2024 г. № 190-ФЗ (пп. 2 п. 2 ст. 2). Экспертами уже отмечается, что «не совсем понятно, как определить момент возникновения интереса»². Предложенное темпоральное условие возникновения «интереса у лица, претендующего на использование такого объекта, в отношении использования такого объекта» представляется крайне оценочным и затруднительным для установления, поскольку о том, когда возник соответствующий интерес, достоверно может знать только само лицо, а вот конкретные действия или факты, свидетельствующие о намерении использования соответствующего объекта, были бы более релевантными категориями в обозначенном контексте.

Целесообразно рассмотреть вопрос о возможной самостоятельной ответственности за использование сиротских объектов авторских и смежных прав вне установленного правового режима. Отсутствие таковой и отсутствие обязанности потенциальных пользователей следовать установленному режиму получения права на основе неисключительной лицензии на использование сиротских объектов

² Подписан Закон об орфанных («сиротских») произведениях // ЭЖ-Юрист. 2024. № 28 (1328) (комментарий И. Косовской).

авторских и смежных прав посредством обращения с заявлением в аккредитованные организации коллективного управления правами, как представляется, не способствует развитию творчества, систематизации и упорядочиванию отношений в сфере обнародования, распространения и использования объектов авторских и смежных прав, ставит в неравное положение пользователей сиротских произведений, соблюдающих установленный правовой режим, и пользователей, не соблюдающих таковой, а также снижает эффективность применения установленного правового режима управления и использования сиротских объектов авторских и смежных прав.

В публикациях уже высказана позиция о возможности лицензиата, получившего неисключительную лицензию в отношении сиротского объекта авторских и смежных прав от аккредитованной организации, в случае нарушения исключительного права третьим лицом обратиться с требованиями, обусловленными договорными отношениями, к аккредитованной организации, которая обязана принять меры по защите нарушенного права в соответствии с п. 5 ст. 1242 ГК РФ, в силу того, что такой лицензиат не может пользоваться положениями о защите прав лицензиата, предусмотренными ст. 1254 ГК РФ, так как они применимы только к случаям выдачи исключительных лицензий³.

Отдельно стоит проанализировать проблематику круга объектов, на которые распространяется рассматриваемый правовой режим. Так, неясно, почему в ст. 1280.1 «Использование правомерно обнародованных произведений литературы, изобразительного искусства, декоративно-прикладного искусства, фотографического произведения, произведения, полученного способами, аналогичными фотографии, музыкального произведения (с текстом или без текста), автор или иной правообладатель которых предполагается неизвестным» включено ограниченное количество объектов авторских прав, поскольку, например, проблематика сиротских произведений характерна и для аудиовизуальных произведений, в частности коротких видеороликов, которые зачастую становятся популярными, широко используются разными пользователями в сети Интернет, при том что возникают сложности с установлением правообладателей таких произведений.

Дискуссионным представляется и ограниченный перечень способов использования сиротских объектов авторских и смежных прав. Так, допускается воспроизводить правомерно обнародованные произведения литературы, изобразительного искусства, декоративно-прикладного искусства, фотографические произведения, произведения, полученные способами, аналогичными фотографии, музыкальные произведения (с текстом или без текста), фонограммы и исполнения, автор или иной правообладатель которых предполагается неизвестным, распространять путем продажи или иного отчуждения их экземпляров и доводить до всеобщего сведения.

Отмечается, что в перечень не попали такие востребованные бизнесом способы использования, как переработка (в том числе перевод) и включение

³ См.: Рузакова О. А. Правовой режим произведений, правообладатель которых неизвестен («сиротские произведения»): перспективы российского законодательства // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 7.

произведения в состав аудиовизуального произведения и сложного объекта⁴. Такой способ использования, как «переработка для создания производных произведений», был исключен из этого перечня ко второму чтению законопроекта, что, как отмечается, устранило риск злоупотребления правом в части неконтролируемого создания производных произведений⁵.

Рассматриваемый правовой режим и сами законодательные нововведения не стоит воспринимать как применимые к использованию объектов авторских и смежных прав правообладателей из недружественных государств, которые приостановили или прекратили деятельность в России. Ключевым при установлении и использовании правового режима сиротских объектов авторских и смежных прав представляется то, что правообладателя не удастся установить по объективным причинам. В случае, когда правообладатель известен, применение режима сиротских объектов интеллектуальных прав недопустимо.

В обозначенном контексте нужно обратить внимание на формулировку в новых положениях ГК РФ понятия «неизвестного автора или иного правообладателя». Так, согласно положениям п. 1 ст. 1244.2 ГК РФ, автор или иной правообладатель объекта авторских или смежных прав предполагается неизвестным не только в случае, когда не установлено его имя или наименование, но и в случаях, когда его имя или наименование установлено, но нет сведений о месте жительства гражданина или об адресе юридического лица, которые позволяют направить правообладателю юридически значимое сообщение. То есть правообладатель признается неизвестным даже в случае наличия информации о нем как о правообладателе, но при отсутствии сведений о его местонахождении.

Обозначенной подход представляется вынужденной фикцией (поскольку «неизвестный правообладатель все же известен»), альтернативой которой может быть лишь запрет на использование объектов авторских и смежных прав, правообладатель которых известен. Действительно, при наличии сведений о правообладателе использование соответствующего объекта авторских и смежных прав без каких-либо дополнительных формальностей и действий (помимо попыток установить его местонахождение и связаться с ним) представляется некорректным и, по сути, нарушающим его исключительное право.

Так, в науке еще до внесения рассматриваемых изменений в положения ГК РФ отмечалось, что, поскольку сиротский статус произведений не позволяет заключать соглашения с авторами или иными правообладателями, их использование подпадает под положения Гражданского кодекса об использовании произведений без согласия автора⁶. Установленный в рассматриваемых новых положениях ГК РФ правовой режим в каком-то смысле решает эту проблему в специальном порядке, по сути, предлагая легитимный вариант использования произведения, не нарушая при этом интеллектуальных прав правообладателя, можно сказать, в исключительном порядке и в интересах правообладателя.

⁴ См.: Подписан Закон об орфанных («сиротских») произведениях (комментарий М. Воронковой).

⁵ См.: Подписан Закон об орфанных («сиротских») произведениях (комментарий Е. Тиллинг).

⁶ См.: Давыдов А. Ю. Общая характеристика сиротских произведений и их правовой режим в Российской Федерации // The Scientific Heritage. 2021. № 63. С. 7.

Законодатель предусмотрел дополнительные гарантии баланса интересов пользователей, аккредитованных организаций и объявившихся правообладателей. Так, в пункте 16 ст. 1244.2 ГК РФ установлено правило, согласно которому автор или иной правообладатель вправе требовать возмещения убытков, причиненных неправомерными действиями или бездействием аккредитованной организации и (или) лицензиата, в том числе в связи с непринятием надлежащих мер по поиску автора или иного правообладателя либо по установлению сведений, которые позволяют направить правообладателю юридически значимое сообщение, а также применить к нарушителю иные меры защиты исключительного права в соответствии со ст. 1252 ГК РФ.

Однако не совсем ясно, какие еще действия пользователя (лицензиата), помимо обозначенных, могут считаться неправомерными для целей возмещения убытков правообладателя согласно данному положению ГК РФ. С этой точки зрения можно проанализировать и положения о мерах по поиску автора или иного правообладателя. Так, в пункте 3 ст. 1244.2 ГК РФ установлен перечень мер по поиску автора или иного правообладателя, которые обязательно должны быть приняты лицом, претендующим на использование сиротского объекта авторских и смежных прав. К таким мерам отнесены: 1) обращение к открытым источникам информации, соответствующим данной категории объектов авторских или смежных прав; 2) обращение в организации, управляющие правами на коллективной основе, или использование общедоступных информационных систем таких организаций (п. 5 ст. 1243); 3) использование поисковых и информационных систем; 4) поиск по библиотечным и архивным фондам.

При этом уже в следующем пункте — п. 4 ст. 1244.2 ГК РФ говорится о том, что федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий нормативно-правовое регулирование в сфере авторского права и смежных прав, которым является Министерство культуры РФ, среди прочих мероприятий устанавливает перечень мер по поиску автора или иного правообладателя, а также перечень иных источников, подлежащих использованию. Таким образом, усматривается некое противоречие между положениями об уже установленных в ГК РФ мерах по поиску автора или иного правообладателя, что осуществлено в императивном формате, и положениями о том, что Минкультуры России устанавливает перечень мер по поиску автора или иного правообладателя.

Здесь представляется целесообразным вести речь о возможности Министерства культуры РФ устанавливать перечень дополнительных мер по поиску автора или иного правообладателя, т.е. дополнительных к тем, которые уже установлены в ГК РФ. В качестве отдельной меры также предлагается предусмотреть возможность установления сведений о месте жительства гражданина или об адресе юридического лица — правообладателя, когда таковой известен, посредством механизма обращения аккредитованной организации в правоохранительные органы и иные органы государственной власти, а также при необходимости в органы государственной власти иностранных государств посредством инструментов международного сотрудничества.

Говоря о трансграничных аспектах использования сиротских объектов авторских и смежных прав прежде всего в контексте глобального характера сети Интернет, следует отметить сохраняющееся действие территориального принципа

охраны таких объектов. В науке уже отмечалась важность разработки «специального правового регулирования для произведений с недоступным правообладателем, которое позволяло бы сохранить защиту владельца прав, но при этом открывало бы пользователям в разных государствах в определенном объеме доступ к таким произведениям»⁷. Также отмечается, что в правовых системах ряда стран по-разному регулируется возможность использования сиротских произведений: от закрепления возможности использования сиротских работ на индивидуальной основе в одних государствах до разрешения лицензирования в массовых масштабах в других государствах⁸.

Действительно, трансграничная проблематика охраны сиротских объектов авторских и смежных прав при отсутствии детального правового регулирования соответствующих отношений на международном уровне сохраняет актуальность в контексте различающихся правовых подходов к рассматриваемым отношениям в разных странах, сложности установления сведений об иностранных правообладателях, возможных различающихся фактических режимах использования сиротских объектов авторских и смежных прав.

В этом направлении важным представляется принятие следующих мер:

- развитие сотрудничества национальных ведомств, регулирующих отношения в сфере охраны объектов авторских и смежных прав, а также организаций коллективного управления правами различных государств;
- выработка в рамках такого сотрудничества действенных механизмов установления сведений об иностранных правообладателях, а также принятие мер по гармонизации подходов к возможным правовым режимам использования сиротских объектов авторских и смежных прав.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Давыдов А. Ю. Общая характеристика сиротских произведений и их правовой режим в Российской Федерации // The Scientific Heritage. — 2021. — № 63.
2. Дмитриева Г. К., Луткова О. В. Национальные механизмы регулирования трансграничных авторских отношений, объектом которых являются сиротские произведения // Lex russica. 2019. — № 11 (156).
3. Подписан Закон об орфанных («сиротских») произведениях // ЭЖ-Юрист. — 2024. — № 28 (1328). — URL: <https://www.eg-online.ru/article/486838/> (дата обращения: 05.11.2024).
4. Рузакова О. А. Правовой режим произведений, правообладатель которых неизвестен («сиротские произведения»): перспективы российского законодательства // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2024. — № 7.

⁷ Дмитриева Г. К., Луткова О. В. Национальные механизмы регулирования трансграничных авторских отношений, объектом которых являются сиротские произведения // Lex russica. 2019. № 11 (156). С. 20.

⁸ Дмитриева Г. К., Луткова О. В. Указ. соч.

**Елена Сергеевна
ГРИНЬ,**

доцент кафедры
интеллектуальных прав
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент
esgrin@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Правовая охрана аудиовизуальных произведений, создаваемых с помощью технологий искусственного интеллекта

Аннотация. Все чаще технологии искусственного интеллекта стали использоваться для создания видеороликов, кратких видео в социальных сетях. Данные технологии позволяют быстро и эффективно воссоздавать даже с помощью технологий deepfake новейшие произведения. Вместе с тем в юридической литературе и судебной практике нет единого подхода к определению правовой природы таких объектов, и возникает вопрос об их охраноспособности. Автор анализирует зарубежный опыт и приводит примеры новейших споров по защите новых форм аудиовизуальных произведений. Особый научный интерес вызывает выявление критериев охраноспособности таких аудиовизуальных произведений, если при их создании были использованы иные результаты творческой деятельности без согласия автора или правообладателя. В статье рассматриваются различные подходы к правовой квалификации свободного использования аудиовизуальных произведений, создаваемых с помощью искусственного интеллекта. **Ключевые слова:** аудиовизуальные произведения, сложные объекты интеллектуальных прав, онлайн-курсы, фотографические произведения, сеть Интернет, интеллектуальные права, складчины, видеотуры, рилс, мультимедийные продукты, служебные произведения

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.128.4.134-140

Elena S. GRIN,

Associate Professor of the Department of Intellectual Rights
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

Cand. Sci. (Law), Associate Professor

esgrin@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Legal Protection of Audiovisual Works Created with the Help of Artificial Intelligence Technologies

Abstract. Increasingly, artificial intelligence technologies have begun to be used to create videos and short videos on social media. These technologies allow you to quickly and efficiently recreate even the latest works using deepfake technologies. At the same time, there is no single approach to determining the legal nature of such objects in legal literature and judicial practice, and the question of the protectability of such results arises. The author analyzes foreign experience and gives examples of the latest disputes

on the protection of new forms of audiovisual works. Of particular scientific interest is the identification of the criteria for the protectability of such audiovisual works, since other results of creative activity were used in their creation without the consent of the author or copyright holder. The article discusses various approaches to the legal qualification of the free use of audiovisual works created using artificial intelligence.

Keywords: audiovisual works, complex objects of intellectual property rights, online courses, photographic works, the Internet, intellectual property rights, joint purchases, video tours, reels, multimedia products, service works

Достаточно большое количество научных дискуссий в последнее время возникает именно по поводу правовой охраны новейших аудиовизуальных произведений, которые создавались с помощью технологий искусственного интеллекта. Это прежде всего связано с повсеместным распространением технологий искусственного интеллекта для создания видео, фото-контента, используемых в различных сферах в сети Интернет, и прежде всего в предпринимательской деятельности.

В юридической литературе в настоящее время отсутствует единое понимание правовой квалификации режима таких новейших произведений. Более того, нет единой точки зрения на определение автора или правообладателя результата, созданного (сгенерированного) с помощью технологий искусственного интеллекта¹. Это связано также с различными подходами в пользовательских соглашениях, которые в каждом конкретном случае при использовании технологий интернет-приложений (с применением искусственного интеллекта) распределяют по-разному момент перехода прав на такой объект и его правообладателя.

Проанализировав судебную практику по аудиовизуальным произведениям, которые создаются с помощью цифровых технологий, можно сделать вывод о правовой квалификации и систематизации таких объектов как охраноспособных и неограниченных. При каждой квалификации необходимо выявлять критерии охраноспособности, независимо от технического критерия, т.е. от того, как создавалось произведение: с помощью новейших технологий искусственного интеллекта или без их использования.

Творческий характер труда может проявляться и при использовании цифровых технологий. Поскольку использование чатов ChatGPT и иных интернет-приложений по генерированию видео и фотоконтента становится неотъемлемой частью создания современного видеоконтента, следует рассматривать такие новейшие вспомогательные технологии в том числе с точки зрения творческого вклада при создании произведений. Вместе с тем если, например, видео будет создано с использованием только технологий искусственного интеллекта и на основании чужих (заимствованных без согласия автора или правообладателя) объектов, то речь о творческом характере труда, скорее всего, не может идти, а имеет место составительство либо создание производного произведения.

¹ См. об этом: Гринь Е. С. Модернизация положений о договорах в сфере интеллектуальных прав // Законодательство. 2015. № 2. С. 10—18.

Рассмотрим подробнее судебную практику и доктринальные подходы. Особенность рассмотрения споров по аудиовизуальным произведениям, созданным с помощью цифровых технологий, заключается в том, что при выборе способа защиты нарушенного права используют прежде всего правовые механизмы досудебного урегулирования споров. В таких случаях необходимо отметить, что стороны часто обращаются к обеспечительным мерам. Поэтому до предъявления иска (например, о взыскании компенсации) у организации или гражданина есть право подать в Московский городской суд заявление о предварительном обеспечении защиты авторских и (или) смежных прав (кроме прав на фотографии) — о блокировке сайта, на котором размещены материалы, нарушающие исключительные права на объекты авторских прав (ст. 144.1 ГПК РФ).

Обязательными условиями для принятия таких мер являются: доказательство принадлежности заявителю исключительного права на объект авторских прав и использование объекта авторских прав на конкретной странице сайта. В законе не установлен перечень допустимых доказательств, на основании которых устанавливается факт нарушения, но суд вправе принять любые средства доказывания, предусмотренные законом, например, документы, подтверждающие авторство, либо документы, подтверждающие приобретение исключительного права (договоры об отчуждении, лицензионные договоры), а также доказательства, которые могут подтверждать факт нарушения права: скриншот с указанием адреса интернет-страницы и точного времени, нотариальный протокол интернет-страницы, иные допустимые доказательства.

Подобные механизмы защиты как досудебные, а также обеспечительные меры используются чаще при защите от использования и распространения произведений авторов без их согласия на сайтах складчин². Досудебный порядок защиты прав, в том числе медиация, стали чаще применяться при защите интеллектуальных прав в сети Интернет и в части аудиовизуальных произведений являются достаточно действенным механизмом защиты прав авторов/правообладателей.

Вместе с тем возникают вопросы при защите права в случае невозможности определения ответчиков — телеграм-каналов, иных социальных сетей, пабликов, которые могут принадлежать не только отечественным, но и зарубежным пользователям³.

При судебной защите аудиовизуальных произведений, создаваемых с помощью искусственного интеллекта, уже формируются новейшие подходы в части правовой квалификации таких объектов и их правообладателей. Так, в одном из дел суд посчитал, что право на ролик, созданный при помощи технологии deepfake, принадлежит его создателю (блогеру), так как эта технология является только вспомогательным, техническим инструментом по созданию видео, а не

² Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 31.03.2022 № 66-695/2022, 66-696/2022, 66-697/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См. об этом: *Гринь Е. С.* Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт // *Актуальные проблемы российского права*. 2022. Т. 17. № 2 (135). С. 128—134; *Дозорцев В. А.* Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации : сборник статей. М. : Статут, 2005. С. 136.

конкретным способом его создания⁴. Ролик был создан с использованием технологии deepfake (воссоздавался образ известного актера), и ответчики, копируя отрывок, указывали, что он является неохраноспособным, так как был создан с помощью цифровых технологий. Суд отдельно указал, что в данном случае имело место творчество, и объекты, создаваемые с помощью технологии искусственного интеллекта, могут быть определены как охраноспособные⁵.

Более того, отмечается, что можно взыскать компенсацию за копирование и содержание подобных аудиовизуальных произведений, а также их названий. Так, в одном из споров по интенсиву «Скажи жизни ДА!» (краткий видеокурс) суд взыскал компенсацию более 1,5 млн руб. за незаконное распространение такого объекта, а также размещение товарных знаков на отдельных экземплярах произведения⁶.

В другом споре онлайн-курс по похудению, который включал в себя фото- и видеоматериалы, рецепты, был признан охраноспособным аудиовизуальным произведением, а несанкционированное использование отрывков из курса и демонстрация их в социальных сетях — нарушением исключительных прав правообладателя⁷.

Таким образом, если ранее в судебной практике и юридической науке отмечалось, что при защите онлайн-курсов не предоставлялась правовая охрана методике, которая предлагалась в содержании курса, то в последнее время отдельное внимание уделяется именно правовой квалификации таких новейших объектов и рассмотрению их сквозь призму квалификации как сложного объекта интеллектуальных прав, а именно аудиовизуального произведения, а также охране сценария как неотъемлемой части такого сложного объекта. Такой подход позволяет охранять форму произведения, а также его составные части с учетом специального регулирования, указанного в ст. 1263 и 1240 ГК РФ.

Как ранее автор настоящей статьи отмечала в своих научных работах, видео, создаваемые в сети Интернет и с помощью компьютерных технологий, могут быть квалифицированы как программы для ЭВМ, базы данных, а также как аудиовизуальные произведения. Возникает вопрос о правовой охране дизайна, стилистики, сценарного плана таких произведений (например, как стиля страницы в социальных сетях или видеороликов).

В зарубежной практике рассматривается также вопрос влияния цифровых технологий на создание произведений, которые становятся популярными благодаря повтору популярных видео, когда контент (сценарий аудиовизуального произведения) распространяется моментально и приобретает миллионную аудиторию. Такие алгоритмы влияют на коммерческую ценность блога, сайтов и обеспечивают высокую коммерческую ценность такого аккаунта и его содержания.

⁴ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда по делу № А40-200471/23 от 08.04.2024 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 19.08.2024 № С01-1330/2024 по делу № А40-200471/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Решение Арбитражного суда Новгородской области от 29.06.2020 по делу № А44-2151/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Решение Арбитражного суда Тюменской области от 27.04.2024 по делу № А70-21678/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

В США рассматривается один из первых судебных споров по поводу вайба⁸ — по стилю ведения блога. Автор одной из страниц в социальных сетях указала, что ее конкурент-блогер незаконно использует ее образ, нарушает закон об авторских правах, намеренно создав контент, «практически неотличимый» от контента первоначального автора, без упоминания ее имени или имени пользователя. Блогер уже зарегистрировала несколько своих постов в Бюро авторского права США, чтобы зафиксировать время создания произведений и обращаться за судебной защитой. В данном случае автор отмечает, что был нарушен ее фирменный стиль, а именно этапы продвижения продукции, обладающей кремовой расцветкой, а также выполненной в серой и нейтрально-бежевой цветовой гамме⁹.

В исследованиях за рубежом отмечается, что такие споры — новейшие в сфере социальных сетей и защиты интеллектуальных прав. Подобный спор может послужить основанием для совершенствования законодательства в сфере онлайн-среды и новых технологий. Вместе с тем возникает вопрос разграничения и выработки критериев охраноспособности таких объектов¹⁰. Представляется, что в случае соответствия критериям творческого характера труда и электронной (цифровой) формы такие объекты будут охраняться с точки зрения авторских прав, если речь идет о внешнем оформлении блога и квалифицироваться как объект дизайна.

Однако в указанном споре речь идет не только о внешнем оформлении блога, но также и об идентичном подборе модели, одежды, даже стилистики, поэтому используется термин «вайб», который характеризует современный маркетинговый подход к инфлюенсерам (блогерам) как в нашей стране, так и за рубежом. Сфера как модной индустрии, так и социальных медиасетей зачастую развивается благодаря вдохновению и современным успешным практикам, однако возникает вопрос о границах такого свободного использования. Как отмечает автор-блогер, природа успешного создания тренда требует некоторой степени подражания и однородности — это один из надежных способов угодить алгоритмам социальных сетей, которые являются конечными арбитрами успеха в Интернете. Но, поскольку такая деятельность является важнейшей и для коммерческой деятельности, принося высокие доходы, будучи предпринимательской, требуется особое внимание и к защите образа блога, его стиля¹¹.

Профессор права интеллектуальной собственности в Нью-Йоркском университете Жанна Фромер считает, что при создании новейших произведений

⁸ Вайб (англ. *vibe*, от *vibration*, буквально — вибрация), сленговое выражение, характеризующее эмоциональное состояние, настроение или атмосферу, создаваемую человеком, обстановкой или событием // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/vaib-8e0b2f> (дата обращения: 22.12.2024).

⁹ URL: <https://www.nytimes.com/2024/12/05/style/clean-girl-aesthetic-influencer-lawsuit.html> (дата обращения: 22.12.2024).

¹⁰ См. об этом, а также об учете прав: Домовская Е. В., Гринь Е. С., Новоселова Л. А. Учет и систематизация прав на результаты интеллектуальной деятельности. М.: Проспект, 2019.

¹¹ См.: Домовская Е. В., Гринь Е. С., Новоселова Л. А. Указ. соч.; Новоселова Л. А., Гринь Е. С. Принципы государственной регистрации результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации // *Lex russica*. 2019. № 7 (152). С. 9—19.

с помощью искусственного интеллекта существует ощущение, что ты одновременно и создатель, и заимствующий. На этом основаны мода и все креативные индустрии, однако такое заимствование не должно нарушать прав авторов, необходимо обязательно вносить что-то авторское¹².

В рассмотренном судебном споре возникает также вопрос о свободном использовании произведений в сети Интернет. В отечественной судебной практике отмечается, что при цитировании произведений либо их частей в сети Интернет необходимо учитывать границы свободного использования объектов. Так, в одном из судебных споров суд указал на охраноспособность аудиовизуального произведения (рилс). Выделим его отдельные критерии, которые присущи сложным объектам интеллектуальных прав. Несмотря на то, что в составе аудиовизуального произведения были использованы тексты из нормативных правовых актов, они были изложены творчески и имелся сценарий видеоролика¹³.

При использовании фотографий в аудиовизуальных произведениях необходимо указывать имя автора, ссылку на источник заимствования, цели не должны быть коммерческими, объективный объем использования должен быть достаточным для целей цитирования. Такие позиции, выработанные в судебной практике применительно к аудиовизуальным произведениям, применяются и в том случае, если они создавались с помощью искусственного интеллекта¹⁴.

Представляется, что для целей свободного использования произведений в аудиовизуальных произведениях указанные выше критерии могут быть применимы как для сложных объектов, так и для иных произведений, создаваемых с помощью искусственного интеллекта. Вместе с тем следует обратить особое внимание на правовую квалификацию таких новейших произведений, в создании которых применяются технологии искусственного интеллекта. Сходная судебная практика уже имеется за рубежом, когда фотограф отстаивал свои права при копировании образа баскетболиста, чтобы создать логотип Jumpman для одежды Air Jordan. Иск был отклонен Апелляционным судом девятого округа США после того, как компания Nike заявила, что использовала не фотографии, а другое изображение, сгенерированное искусственным интеллектом. Судебные споры об образах спортсменов уже рассматривались в зарубежных правовых порядках, при этом отмечается, что по аналогии критерии, которые применялись при защите права на изображения, будут применимы к защите права на внешний облик или вайб-страницы в социальных сетях.

Как представляется, при определении правовой природы новейших аудиовизуальных произведений необходимо принимать во внимание критерии охраноспособности, которые характерны для охраны классических произведений: творческий характер труда и объективная форма выражения, а также процесс создания таких объектов: были ли заданы искусственному интеллекту творческое

¹² См.: Новоселова Л. А., Гринь Е. С. Указ. соч.

¹³ Решение Арбитражного суда Московской области от 26.04.2024 по делу № А41-101804/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Определением Верховного Суда РФ от 28.08.2017 № 218-ПЭК17 отказано в передаче надзорной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Президиума Верховного Суда РФ // СПС «КонсультантПлюс».

описание / задачи; был ли использован оригинальный сценарий либо имела место переработка уже созданных произведений.

С учетом зарубежной практики, где используется доктрина *fair use* (добросовестного использования) в спорах по произведениям, созданным с помощью технологий интернет-приложений и технологий искусственного интеллекта, можно сделать вывод о выявлении новых, дополнительных критериев для квалификации наличия или отсутствия творчества при создании произведений с помощью цифровых технологий, которые требуют детального изучения на примере отечественных споров и возможности применения в отечественной юридической доктрине и судебной практике.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Гринь Е. С.* Модернизация положений о договорах в сфере интеллектуальных прав // Законодательство. — 2015. — № 2. — С. 10—18.
2. *Гринь Е. С.* Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 2 (135). — С. 128—134.
3. *Дозорцев В. А.* Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации : сборник статей. — М. : Статут, 2005.
4. *Домовская Е. В., Гринь Е. С., Новоселова Л. А.* Учет и систематизация прав на результаты интеллектуальной деятельности. — М. : Проспект, 2019.
5. *Новоселова Л. А., Гринь Е. С.* Принципы государственной регистрации результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации // Lex russica. — 2019. — № 7 (152). — С. 9—19.

Казус Буратино как проявление антропоцентризма права интеллектуальной собственности

Аннотация. В статье с позиций общей теории авторства рассматриваются некоторые проявления антропоцентризма в праве интеллектуальной собственности (ИС), в том числе в связи с развитием нейроинформационных технологий.

Прослеживается парадоксальность доминирующих представлений о нематериальной природе объектов ИС и делается вывод о соединении в них информационной природы и творческого начала, имманентно присущего только деятельности человека. Обосновывается отнесение прав авторства (в широком смысле) к правам человека. Анализируется авторское творчество как деятельность, мотивированная нематериальными (моральными) и материальными (имущественными) интересами, свойственными только человеку. Предлагается оригинальная классификация прав ИС: а) авторские права (в отношении произведений, изобретений, промышленных образцов, селекционных достижений и т.д.); б) исполнительские права (в отношении результатов исполнительской деятельности); в) продюсерские или предпринимательские права (в отношении аудиовизуальных произведений, фонограмм, баз данных, вещания телерадиокомпаний, средств индивидуализации, произведений, обнародованных после их перехода в общественное достояние, и т.д.).

Ключевые слова: антропоцентризм, авторство, интеллектуальная собственность, искусственный интеллект, творчество, нейроинформационные технологии, нейроправо

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.128.4.141-151

Михаил Александрович ФЕДОТОВ,

директор Международного
научно-образовательного
центра

«Кафедра ЮНЕСКО
по авторскому праву,
смежным, культурным
и информационным
правам»

НИУ «Высшая школа
экономики»,
доктор юридических наук,
профессор,

заслуженный юрист РФ,
Чрезвычайный
и полномочный посол

mfedotov@hse.ru

109028, Россия,

г. Москва, Большой

Трёхсвятительский пер., д. 3

Mikhail A. FEDOTOV,

*Director of the International Scientific and Educational Center
"UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights"
at the National Research University "Higher School of Economics",*

Dr. Sci. (Law), Professor,

*Honorable Lawyer of the Russian Federation,
Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary*

mfedotov@hse.ru

3, per. Bolshoy Treohsvyatitskiy, Moscow, Russia, 109028

Buratino' Case as a Manifestation of Anthropocentrism of Intellectual Property Law

Abstract. *The article examines certain manifestations of anthropocentrism in intellectual property (IP) law from the standpoint of the general theory of authorship, including in connection with the development of neuro-information technologies.*

The article traces the paradoxical nature of the dominant ideas about the intangible nature of IP objects and concludes that they combine the information nature and the creative principle inherent only in human activity. It substantiates the attribution of authorship rights (In a broad sense) to human rights. Author's creativity is analyzed as an activity motivated by intangible (moral) and material (property) interests inherent only to humans. The following classification of IP rights is proposed: a) authors' rights (In relation to works, inventions, industrial designs, selection achievements, etc.), b) performers' rights (In relation to the results of performing activities), c) producer or entrepreneurial rights (In relation to audiovisual works, phonograms, databases, broadcasting of television and radio companies, means of individualization, works made public after their transition to the public domain, etc.).

Keywords: *anthropocentrism, authorship, intellectual property, artificial intelligence, creativity, neuro-information technologies, neuro law*

— Неплохая вещь, — сказал сам себе
Джузеппе, — можно смастерить из него
что-нибудь вроде ножки для стола...
Джузеппе надел очки, обмотанные
бечевкой, — так как очки были тоже
старые, — повертел в руке полено и начал его
тесать топориком. Но только он начал тесать,
чей-то необыкновенно
тоненький голосок пропищал:
— Ой-ой, потише, пожалуйста!

*А. Толстой. «Золотой ключик, или
Приключения Буратино»*

Одной из констант в сфере интеллектуальной собственности (ИС) является антропоцентризм, проявляющийся в том, что только творческий труд человека может быть источником охраняемого правом результата интеллектуальной деятельности. Признавая субъектом творчества только человека, культура неизменно очеловечивает всех персонажей — от античных и других языческих богов до сказочных колобков, избушек на курьих ножках и прочей живности: все они говорят «человеческим голосом», им ведомы человеческие чувства (страх, ненависть, любовь и т.д.), у них есть свобода воли, т.е. они вполне субъектны. Однако вся их субъектность не более чем результат творческого воображения человека.

Напротив, Буратино сначала «существует внутри полена» независимо от воображения старого столяра Джузеппе и его друга шарманщика Карло, решившего выстругать из подаренного ему полена деревянную куклу. Из того, что процесс вырезывания ножом не сопровождался криками боли, можно сделать вывод, что Карло действовал по методу Микеланджело Буонарроти: «Я видел ангела в куске мрамора. И резал камень, пока не освободил его». Следовательно, Карло сделал деревянную куклу не такой, какой хотел, а такой, какой он ее *увидел*. Иными словами, Буратино сначала существовал как некий латентный субъект, затем — как трехмерное произведение папы Карло в форме *мысленного образа*, и в конечном счете — в объективной форме деревянной куклы.

Обретение объективной формы как процесс. Прогресс нейроинформационных технологий уже в обозримом будущем может сделать *мысленный образ* видимым не только творцу, но и постороннему наблюдателю, из чего следует, что юридический факт обретения произведением объективной формы может сместиться в сферу творческого воображения. Неминуемо должно будет измениться и понятие свободы творчества. Как отмечает член-корреспондент РАН Ю. М. Батурин, «сегодня мы приблизились к такому уровню развития нейроинформационных технологий, который начинает становиться опасным, а потому требует соответствующего правового регулирования и ограничений... Будущее, где мысли и воспоминания, подсознательные эмоции и сознательные намерения человека могут быть обнаружены без каких-либо правовых ограничений, вызывает серьезную тревогу. От того, сохраним ли мы неприкосновенной ментальную

сферу или нет, зависит, каким обществом мы станем. Более того, от этого зависит, каким будет человек»¹.

Чтобы понять парадоксальность ситуации, проведем мысленный эксперимент. Предположим, что некое 3-мерное произведение изобразительного искусства погибло в результате пожара. При этом не сохранилось ни одной 3-D и даже 2-D копии, однако есть полученная с помощью нейроинформационных технологий цифровая запись *мысленного образа, существовавшего в воображении автора*. Сможем ли мы в этой ситуации утверждать, что произведение продолжает существовать в объективной форме, если оно превратилось в набор нулей и единиц, поскольку все цифровые технологии построены на двоичной системе счисления? Да, сможем, если признаем исключительно *информационную природу* объектов ИС и поймем утверждение Воланда о том, что рукописи не горят — в смысле закона сохранения информации.

Можем ли мы в этом случае утверждать, что флешка, на которой сохранена вся информация о мысленном образе произведения, является тем материальным носителем (вещью), в котором «выражен» объект ИС, как того требует ч. 1 ст. 1227 ГК РФ? Видимо, нет. Более корректным представляется вывод, что флешка является материальным носителем, в котором *сохранена* информация как об объекте ИС, так и о материальном носителе, в котором он был *воплощен*. И эта информация позволяет *воссоздать* объект ИС путем его *воплощения* в той или иной форме. Наглядный пример такого *воплощения* дает нам эпизод из фильма «Пятый элемент», когда по сохранившемуся фрагменту неживой материи воссоздается этот недостающий для спасения цивилизации «элемент» в форме прекрасной инопланетянки в исполнении Миллы Йовович.

При этом мы ведем речь не об информации вообще, а исключительно об антропогенной информации. Как справедливо отмечает Р. А. Будник, «результаты интеллектуальной деятельности по исходному материалу и способу производства являются ничем иным как информацией, некоторой частью информационного континуума, порождаемого разумом человека, информационными объектами»².

Следуя в русле этих рассуждений, мы приходим к выводу о соединении в любом объекте ИС информационной природы и творческого начала, которое, естественно, связано исключительно с деятельностью человека. Впрочем, понятие «человек» в данном контексте может означать не только индивидуальную личность, но и многотысячные коллективы и даже местные общины, племена и т.д.³

Права автора как права человека. Представление о том, что права автора (в широком смысле)⁴ относятся к правам человека, достаточно укоренилось в

¹ Батурия Ю. М. Нейроцензура против когнитивной свободы // Труды по интеллектуальной собственности. 2020. № 3–4. Т. 36. С. 21.

² Будник Р. А. Результат интеллектуальной собственности как информационный феномен // Труды по интеллектуальной собственности. 2012. № 1. Т. 10. С. 58–59.

³ Sikoyo George M., Nyukuri Elvin and Wakhungu Judi W. Intellectual property protection in Africa: status of laws, research and policy analysis in Ghana, Kenya, Nigeria, South Africa and Uganda — African Centre for Technology Studies, 2016. P. 12 // URL: <http://www.jstor.com/stable/resrep00103.5> (дата обращения: 15.11.2024).

⁴ Во Всемирной декларации по интеллектуальной собственности, принятой ВОИС в 2000 г., термин «автор» означает «любое лицо или группу лиц, действующих независимо

юриспруденции и получило закрепление в ряде документов международного права. ВОИС доводит правочеловеческое понимание природы прав ИС до логической полноты, заявляя во Всемирной декларации по интеллектуальной собственности 2000 г., что «термин “права интеллектуальной собственности” означает, по существу, права, закрепленные в статье 27 Всеобщей декларации прав человека».

Такое понимание полностью соответствует тому месту, которое уготовано для прав ИС в Конституции РФ 1993 г. И это место — в системе прав и свобод человека и гражданина. Часть 1 ст. 44 Конституции РФ гласит: «Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Интеллектуальная собственность охраняется законом». Систематическое толкование позволяет нам сделать из соседства этих двух норм в континууме конституционного текста следующие выводы. Во-первых, охрана ИС относится к правам человека, а не к правам гражданина, о чем нам говорит слово «каждый». Во-вторых, она привязана исключительно к свободе творчества и преподавания.

Представляется, что такая конструкция ч. 1 ст. 44 обедняет реальное содержание конституционного института охраны ИС, поскольку он непосредственно связан не только со свободой творчества и преподавания, но также с правом на участие в культурной жизни и пользованием учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям. Вот почему логичнее было бы поместить второе предложение ч. 1 ст. 44 Конституции РФ в качестве отдельной части данной статьи, тем самым подчеркнув, что сочетание этих прав человека составляет основу баланса интересов правообладателей и пользователей, авторов и общества. Нарушение баланса означает ущемление прав либо писателя, либо читателя и т.д.

Данная юридико-логическая конструкция прослеживается и в части первой ГК РФ, где права ИС поставлены в один ряд с другими нематериальными благами, включающими, как сказано в п. 2 ст. 2 ГК РФ, «неотчуждаемые права и свободы человека», принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона (ч. 1 ст. 150 ГК РФ). Разумеется, к нематериальным благам не может быть отнесено *исключительное право* в отношении объекта ИС, поскольку оно носит имущественный характер. Но, если мы примем за основу, что *исключительное право производно от права авторства* (в широком смысле), то противоречие снимается.

Аргументацию в пользу объединения прав человека с правами ИС в общую классификационную группу — исключительные права — можно найти, в частности, в трудах В. А. Дозорцева. В его знаменитой схеме исключительных прав «особую группу составляют права и свободы человека»⁵. При этом В. А. Дозорцев

или под эгидой какой-либо правительственной или неправительственной организации с целью получения прибыли или по каким-либо другим основаниям, ответственных за творчество в любой области, включая науку и технику, искусство, включая исполнительское искусство и результат деятельности некоторых категорий производителей, таких как производители фонограмм и вещательные организации, товарные знаки, указатели деловых предприятий, промышленные образцы и развитие географических указаний» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: понятие; система; задачи кодификации : сборник статей. М. : Статут, 2003. С. 22—23.

подчеркивает, что интеллектуальная собственность закрепляет «права человека и гражданина на результаты деятельности, в которых проявляется его личность»⁶.

Сравнение конституционных норм об охране ИС с международно-правовыми актами о правах человека показывает высокую степень их соответствия. Напротив, сравнение их с международно-правовыми актами в области ИС, как и с опирающимися на них нормами четвертой части ГК РФ, демонстрирует наличие весьма существенных различий.

Во-первых, Конституция РФ относит охрану прав ИС к правам *человека*. Напротив, Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений, как и ГК РФ, допускает принадлежность прав ИС не только автору-человеку, но и юридическому лицу. Аналогичная позиция содержится в Парижской конвенции по охране промышленной собственности, которая вообще не упоминает об авторе: для нее существует лишь заявитель, которым может быть как физическое, так и юридическое лицо. Как отмечал А. А. Пиленко, «в области патентного права нормы пребывают на более грубом уровне: материальные, денежные интересы изобретателя — вот все, что они охраняют. Пожелание Rathke, высказанное на Первом патентном конгрессе (6 августа 1873 г.), чтобы во всяком патенте указывалось имя подлинного изобретателя, — было признано проявлением похвального, но слишком тонкого для современного права пиетета»⁷.

Во-вторых, Конституция РФ, используя термин «каждый», гарантирует охрану ИС любому человеку. Согласно же Бернской конвенции, как и четвертой части ГК РФ, охрана прав ИС может зависеть от гражданства автора. Так, произведения, обнародованные за пределами России, охраняются только в том случае, если автор — гражданин РФ. Сходные правила содержатся в Парижской конвенции.

В-третьих, права ИС в качестве прав человека «неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (ч. 2 ст. 17 Конституции РФ), тогда как с точки зрения обеих указанных конвенций, как и четвертой части ГК РФ, эти права охраняются только в том случае, если это предусмотрено национальным законодательством и налицо соответствующий закону юридический факт: для авторского права это создание произведения, для патентного — получение патента и т.д. Иными словами, если в законе не упомянуты научные открытия или рационализаторские предложения, то они не считаются объектами ИС и им правовая охрана не предоставляется.

Творчество как безальтернативный источник ИС. Следующий момент, который подчеркивает антропоцентризм права ИС, касается понятия творчества и его мотивов. Как следует из диспозиции ст. 1228 ГК РФ, именно и только *творческий труд человека* является источником создания результата интеллектуальной деятельности. При этом законодатель никак не определяет, что следует понимать под творчеством. В результате Пленум Верховного Суда РФ вводит *презумпцию творческого труда*⁸, исток которой коренится в ст. 15 (1) Бернской конвенции,

⁶ Дозорцев В. А. Указ. соч. С. 220.

⁷ Пиленко А. А. Права изобретателя (привилегии на изобретения и их защита в русском и международном праве) : историко-догматическое исследование. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1902. Т. 1. С. 15—16.

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». П. 80 // СПС «КонсультантПлюс».

согласно которой для подтверждения авторства достаточно — при отсутствии доказательств противоположного, — чтобы имя автора было указано на произведении (или на экземпляре произведения — ст. 1257 ГК РФ) обычным образом. По точно такой же схеме п. 6 ст. 1262 ГК РФ выстраивает презумпцию достоверности сведений, внесенных при регистрации в Реестр программ для ЭВМ, хотя, как отмечает Л. А. Новоселова, «Роспатент не проверяет, соответствуют ли действительности представленные данные об авторе и правообладателе, и не может отказать в регистрации по мотиву несоответствия их фактическому положению дел»⁹.

Получается, что проставление имени физического лица на оригинале или копии манускрипта либо на заявке в патентное ведомство является доказательством авторства в отношении результата творческой деятельности. Но создает ли презумпция действительности сведений презумпцию творчества?

Сложность использования имеющихся в действующем законодательстве презумпций заключается, во-первых, в том, что «отсутствует исчерпывающий перечень доказательств авторства»¹⁰. Во-вторых, факт создания некоего объекта конкретным лицом еще не доказывает творческий характер его деятельности. Например, наличие необработанной фотографии еще не доказывает, что налицо не «простая фотография», а именно *фотографическое произведение*.

В отсутствие ясных указаний законодателя суды вынуждены собственными силами выявлять признаки творчества. Так, Суд по интеллектуальным правам видит эти признаки, помимо прочего, в установке выдержки затвора и настройке диафрагмы¹¹. Представляется, что такой подход возможен, но должен быть дополнен рассмотрением объекта исследования с точки зрения восприятия его пользователем. Например, если редакция газеты сочла возможным опубликовать присланную читателем фотографию, значит, она признала ее произведением независимо от того, устанавливалась диафрагма вручную или автоматически.

Современное осмысление феномена творчества связано с развитием широкого междисциплинарного исследования в области эпистемологии, оперирующего такими категориями, как: одаренность, оригинальность, фантазия, интуиция, воодушевление, техническое изобретение, научное открытие, произведение искусства, инновационная деятельность вообще. «Однако, — признает член-корреспондент РАН И. Т. Касавин, — сам термин при этом не достигает строгости научного понятия... При этом учитывается, что в разных культурах и исторических эпохах оценки творческого акта и результата колеблются между противоположностями»¹².

⁹ Новоселова Л. А. Государственная регистрация программ для ЭВМ: модель будущего авторского права? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 1. С. 64—65.

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». П. 110 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ См., например: постановления Суда по интеллектуальным правам от 03.02.2022 по делу № А57-213/2021 ; от 28.03.2023 по делу № А56-68029/2022 ; от 20.01.2023 по делу № А32-15681/2022 ; от 03.07.2023 по делу № А56-89706/2022 ; от 31.05.2023 по делу № А63-10133/2022 ; от 26.09.2022 по делу № А56-105939/2021.

¹² Касавин И. Т. Познание и творчество // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. 24. № 2. С. 7—8.

По мнению академика РАН В. А. Лекторского, творчество относится к той разновидности человеческой деятельности, которая исходит из внутренней свободы человека. Он признает, что «можно создавать более или менее благоприятные условия для развития науки или искусства. Но управлять ими нельзя. Как и ценностями, которые человек принимает или нет. Но действует он в соответствии с ними только на основе внутренней свободы»¹³.

Если попытаться применить данный подход к проблеме «творчества искусственного интеллекта», то становится понятно, что некоторые ценностные ориентиры можно заложить в алгоритмы, однако свободы творчества достичь не удастся. Более того, технологии ИИ, призванные вывести человека на новые горизонты творчества и обещающие даже «цифровое бессмертие», таят угрозы самоуничтожения человека. «Человек, который считал, что с помощью искусственного интеллекта он будет управлять миром, — пишет В. А. Лекторский, — на самом деле становится управляемым с помощью этого интеллекта. Тем самым такой человек превращается из Бога, демиурга Вселенной, в раба, поскольку искусственный интеллект лучше знает, что нужно такому человеку»¹⁴.

Правоведы при осмыслении феномена творчества обычно ограничиваются рассмотрением побудительных мотивов к созданию результата творческой деятельности. Так, Г. Ф. Шершеневич отмечал, что, с одной стороны, «интеллектуальный труженик побуждается к своей работе внутренними стимулами, вытекающими из его духовной потребности, но не материальными соображениями», а с другой, — «экономическое основание авторского права заключается в необходимости предоставления литературному труженику материального обеспечения его существования» при том понимании, что «авторы склонны к безграничному расширению пределов юридической защиты своих имущественных интересов» путем увеличения сроков правовой охраны произведений¹⁵. Примерно в том же духе рассуждал А. А. Пиленко, утверждая, что «изобретение есть прежде всего способ доказать свою талантливость и выдвинуться из безличной толпы»¹⁶.

Как видим, представления о том, что побуждает человека творить в науке, искусстве, литературе, технике и т.д., ограничиваются, как правило, нематериальными и сугубо имущественными интересами, потребностями. Если первые весьма разнообразны и возвышенны (самовыражение, самоутверждение, самореализация, благотворительность, конкуренция, религиозные убеждения, стремление к истине, красоте, социальной справедливости, уподобиться Творцу и т.д.), то вторые, напротив, утилитарны.

Как отмечает Эдвин Хеттингер, существует разрыв между естественным правом владеть и лично использовать свои интеллектуальные творения и правами, защищенными законодательством об ИС: «Естественное право автора лично использовать свои произведения отличается от права, защищенного авторским

¹³ Лекторский В. А. Наука. Технологии. Человек // Социология. 2015. № 4. С. 77.

¹⁴ Лекторский В. А. О философских проблемах искусственного интеллекта и когнитивных исследований // Философские науки. 2021. Т. 64. № 1. С. 11.

¹⁵ Шершеневич Г. Ф. Избранное. Т. 3, включая Авторское право на литературные произведения / вступ. слово, сост. П. В. Крашенинников. М. : Статут, 2017. С. 10, 152, 20.

¹⁶ Пиленко А. А. Указ. соч. С. 12.

правом, обнародовать свою работу, продавать ее на рынке, а затем препятствовать другим делать копии. Естественное право изобретателя использовать изобретение для собственной выгоды не то же самое, что право, защищенное патентом, продавать это изобретение на рынке и не допускать других (включая независимых изобретателей) к его использованию»¹⁷.

При этом, по мысли Э. Хеттингера, права собственности на созданный объект ИС — не единственная возможная выгода для автора: «Права собственности на созданный интеллектуальный объект не являются подходящей наградой, если его создатель их не хочет. Для многих творческих работников создание прекрасных произведений и открытие истин становятся самоцелью. Соответствующей наградой в таких случаях является признание, благодарность и, возможно, государственная финансовая поддержка, а не полноценные права собственности, поскольку эти авторы не хотят исключать других из своих творений»¹⁸.

Возможны противоречия между моральными и имущественными интересами автора, а также между интересами автора, с одной стороны, и интересами пользователя, общества в целом — с другой. И эти противоречия будут неизбежно нарастать, если законодатель абстрагируется от антропоцентризма права ИС, от его правочеловеческой основы, от понимания того, какие социальные цели преследует правовая охрана. На эту опасность обращал внимание, в частности, Уильям Корниш в книге «Интеллектуальная собственность: вездесущая, отвлекающая, неактуальная?», в которой характеризовал резкий рост объема патентуемых объектов как «быстро распространяющуюся сыпь, особенно в области новых технологий, угрожающую оставить лишь несколько участков незапятнанной, открытой кожи»¹⁹.

На вред, наносимый так называемыми «патентными троллями», обращает внимание и Питер Мэггс, указывая на тот факт, что огромные патентные портфели (например, 80 000 неистекших к 2021 г. патентов Samsung) «создают серьезный барьер для входа на рынок для небольших стартап-компаний, которые часто лидируют в технологических достижениях. Стартапам придется тратить большие суммы первоначального капитала на оплату дорогостоящих юристов, которые будут сопровождать их на патентном минном поле»²⁰.

Итак, сформулируем некоторые предварительные итоги наших рассуждений:

- 1) права автора входят в единую систему международно признанных и конституционно гарантированных прав *человека*;
- 2) авторское творчество мотивируется нематериальными (моральными) и материальными (имущественными) интересами, свойственными только *человеку*;
- 3) формула авторского творчества включает, помимо прочего, такие компоненты, как воображение, замысел, одаренность, оригинальность, фантазия,

¹⁷ *Hettinger Edwin C.*, Justifying Intellectual Property // *Philosophy & Public Affairs*, Winter, 1989. Vol. 18. No. 1. P. 40.

¹⁸ *Hettinger Edwin C.* Op. cit. P. 41.

¹⁹ *Cornish William.* Intellectual Property: Omnipresent, Distracting, Irrelevant? Oxford : Oxford University Press, 2004.

²⁰ *Maggs P. B.* The Future of Intellectual Property Law // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Vol. 40 (1). P. 62.

интуиция, воодушевление, озарение, стремление быть понятым аудиторией, свойственные только *человеку*;

- 4) общность правочеловеческой природы результатов творческой деятельности и средств индивидуализации, обоснованная в рамках общей теории авторства,²¹ позволяет объединить их в единую систему прав ИС, включающую, во-первых, *авторские права* (в отношении произведений, изобретений, промышленных образцов, селекционных достижений и т.д.), во-вторых, *исполнительские права* (в отношении результатов исполнительской деятельности) и, в-третьих, *продюсерские или предпринимательские права* (в отношении аудиовизуальных произведений, фонограмм, баз данных, вещания телерадиокомпаний, средств индивидуализации, произведений, обнародованных после их перехода в общественное достояние, и т.д.).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Батурин Ю. М. Нейро-цензура против когнитивной свободы // Труды по интеллектуальной собственности. — 2020. — Т. 36. — № 3–4. — С. 5–23.
2. Будник Р. А. Результат интеллектуальной собственности как информационный феномен. // Труды по интеллектуальной собственности. — 2012. — Т. 10. — № 1. — С. 57–63.
3. Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: понятие; система; задачи кодификации : сборник статей / Исследовательский центр частного права. — М. : Статут, 2003.
4. Касавин И. Т. Познание и творчество // Эпистемология и философия науки. — 2010. — Т. 24. — № 2. — С. 5–16.
5. Лекторский В. А. Наука. Технологии. Человек // Социология. — 2015. — № 4. — С. 75–77.
6. Лекторский В. А. О философских проблемах искусственного интеллекта и когнитивных исследований // Философские науки. — 2021. — Т. 64. — № 1. — С. 7–12.
7. Новоселова Л. А. Государственная регистрация программ для ЭВМ: модель будущего авторского права? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2021. — № 1. — С. 62–71.
8. Пиленко А. А. Права изобретателя (привилегии на изобретения и их защита в русском и международном праве) : историко-догматическое исследование. — СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1902. — Т. 1.
9. Федотов М. А. Введение в концепт общей теории авторства // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). — 2023. — Т. 46. — № 3. — С. 38–75.
10. Шершеневич Г. Ф. Избранное. Т. 3, включая Авторское право на литературные произведения / вступ. слово, сост. П. В. Крашенинников. — М. : Статут, 2017.

²¹ См.: Федотов М. А. Введение в концепт общей теории авторства // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2023. Т. 46. № 3. С. 38–75.

11. *Cornish William*. Intellectual Property: Omnipresent, Distracting, Irrelevant? — Oxford : Oxford University Press, 2004.
12. *Hettinger Edwin C*. Justifying Intellectual Property // Philosophy & Public Affairs. — Winter, 1989. — Vol. 18. — No. 1.
13. *Maggs P. B*. The Future of Intellectual Property Law // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). — 2022. — Т. 40 — № 1. — С. 60—69.
14. *Sikoyo George M., Nyukuri Elvin and Wakhungu Judi W*. Intellectual Property Protection in Africa: Status of laws, research and policy analysis in Ghana, Kenya, Nigeria, South Africa and Uganda — African Centre for Technology Studies, 2016. P. 12 // URL: <http://www.jstor.com/stable/resrep00103.5> (дата обращения: 15.11.2024).

**Надежда
Александровна
ШЕБАНОВА,**

профессор кафедры
интеллектуальных прав
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
профессор
nashebanova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Искусство и искусственный интеллект: содружество или противостояние?

Аннотация. Трудно переоценить значение искусства в жизни человека. Это уникальная сфера жизнедеятельности, где в создаваемых произведениях автор отражает свое эмоциональное восприятие мира. Развитие компьютерных технологий преобразило сферу искусства, наделив творческих личностей необыкновенными возможностями. Создание генеративного искусственного интеллекта ознаменовало начало сотрудничества человека и нейронной сети. Однако так ли безоблачно будущее искусства, которое создают теперь не только творческие личности, но и машины? Как следует определять результат такого сотрудничества, кто является обладателем и каких именно прав на него? Можно ли относить этот результат к произведению искусства? В статье рассмотрены юридические проблемы, возникшие вследствие применения генеративного ИИ, а также этические проблемы, от решения которых зависит будущее людей творческого труда.

Ключевые слова: искусство, генеративный искусственный интеллект, авторское право, нейронная сеть, оригинальность произведения, творческий характер труда

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.128.4.152-159

Nadezhda A. SHEBANOVA,

Professor of the Department of Intellectual Rights of the Kutafin
Moscow State Law University (MSAL),
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law)
nashebanova@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Art and Artificial Intelligence: Collaboration or Confrontation?

Abstract. It is difficult to overestimate the importance of art in human life. This is a unique sphere of life, where the author reflects his emotional perception of the world in the works he creates. The development of computer technology has transformed the field of art, giving creative individuals extraordinary opportunities. The creation of generative artificial intelligence marked the beginning of cooperation between humans and neural networks. However, is the future of art, which is now created not only by creative individuals, but also by machines, so cloudless? How should the result of such cooperation be determined, who is the owner and what rights to it? Can this result be classified as a work of art? The article examines the legal problems that have arisen as a result of the use of generative AI, as well as ethical problems, the solution to which depends on the future of creative people.

Keywords: art, generative artificial intelligence, copyright, neural network, originality of the work, creative nature of work

Современное искусство представляет собой разнообразные формы творчества (музыка, литература, театр, кино, живопись, скульптура, танец и др.), обладающие эстетической ценностью и способные выражать эмоциональное состояние творческой личности, обусловленное его видением мира.

Искусство является уникальным элементом жизни, оказывающим позитивное воздействие на многие грани нашего существования. Это неиссякаемый источник размышлений и дискуссий, удовольствия и вдохновения, созерцания и творческой деятельности.

Искусство способствует межкультурному диалогу, стимулирует экономическое и социальное развитие. И, наконец — это форма общения между творцом и зрителем. Глобализация и развитие новых технологий позволили искусству достичь высокого уровня, однако в то же время остаться доступным для широких масс.

Особенностями современного искусства являются большое разнообразие стилей и техник; новых форм выражения, коммуникаций и презентаций произведений, созданных с помощью современных технологий. Одной из таких технологий стал искусственный интеллект (ИИ). ИИ оказывает значительное влияние на общество сегодня и, как ожидается, продолжит оказывать это влияние в будущем.

Несмотря на впечатляющие достижения в области ИИ, с ним связаны и риски. Наверно, наиболее остро проблемы использования ИИ обнаружились в сфере искусства, где ИИ проявил свои способности сотрудничать с созидательными личностями, выступая в качестве отличного помощника. Это сотрудничество меняет традиционные представления о художественном творчестве, формируя возможности для создания произведений, представляющих собой уникальный синтез человеческой фантазии и бесстрастных алгоритмов.

По данным Всемирного экономического форума, среди первых пяти навыков, которые потребуются от работников будущего, четыре будут связаны с творчеством: аналитическое мышление и новаторство; решение сложных проблем; критическое мышление и анализ; креативность, оригинальность и инициативность¹.

Однако будут ли востребованы эти работники, обладающие творческими способностями, создающие уникальные произведения искусства и претендующие на достойную оплату своего труда? Не станет ли использование современных технологий, в частности ИИ, альтернативой сотрудничеству с творческими личностями? И, наконец, не породит ли такое использование этические и юридические проблемы, решение которых пока неочевидно?

Генеративный ИИ в мире искусства. Генеративный искусственный интеллект представляет собой инструмент (технология), с помощью которого можно создавать изображения, текст, видео и другие медиафайлы с желаемыми характеристиками. Технология, которая делает все это возможным, известна как нейронная сеть². Однако неперенным условием создания произведений искусства с помощью искусственного интеллекта все еще признается наличие такого фактора, как воображение человека.

¹ World Economic Forum // URL: <https://es.weforum.org/> (дата обращения: 09.12.2024).

² Нейронная сеть — это математическая система, алгоритм, который находит закономерности в больших наборах данных и использует эту информацию для создания нового контента.

Современные художники используют генеративный ИИ при создании различных произведений: стихов, рассказов, музыки, картин, фотографий и т.д. Высокая скорость обработки данных позволяет в разы сократить время работы над проектом и открывает ранее неизвестные возможности для самовыражения.

Эксперименты по использованию художниками генеративного ИИ начались еще в 70-е гг. прошлого столетия. Пионером-экспериментатором, использовавшим компьютер для создания произведений живописи, по праву признана венгерская художница Вера Молнар³, кавалер искусств и литературы Франции. Сегодня ее творения, созданные с помощью генеративного ИИ, украшают коллекции крупных музеев мира.

Музей современного искусства в Нью-Йорке гордится работами Рефика Анадола — всемирно известного медиахудожника, режиссера и пионера эстетики машинного интеллекта. В 2023 г. на проводимой в музее выставке на огромном экране были продемонстрированы постоянно меняющиеся абстрактные творения, созданные художником с помощью генеративного ИИ, обученного по графическим материалам из коллекции музея⁴.

Художественные произведения, созданные искусственным интеллектом, выставляются на Венецианской биеннале, продаются на аукционе «Сотбис». Обучение навыкам работы с искусственным интеллектом предусмотрено учебными художественными программами Колумбийского университета и Школы дизайна Род-Айленда. Московский государственный академический художественный Институт имени В. И. Сурикова при Российской академии художеств предлагает базовый курс «3D графика и актуальные медиатехнологии», позиционируя его как «мощнейший инструмент, который доступен для художника и прост в использовании. Достаточно лишь прикоснуться к миру медиатехнологий сегодня, чтобы уже завтра уверенно шагать в будущее нейросетей, VR-пространств и 3D-печати»⁵.

Нельзя не признать, что содружество технологий и творчества открыло новые возможности в области искусства. Инструментарий ИИ стал волшебным помощником в деле создания уникальных, неожиданных результатов. Творческое видение художника вкупе с ИИ расширило возможности традиционного художественного выражения и породило необходимость нового подхода к восприятию искусства. Классическое определение оригинальности искусства как эмоционального послания художника, передаваемого через его творения, оказалось под вопросом.

Появление ИИ кардинальным образом трансформировало процесс создания произведения. Художник предоставляет генеративному ИИ для «ознакомления» наборы текстов, изучив которые, ИИ создает новые объекты — картины, музыку, стихи и др. Сгенерированный материал корректируется художником для достижения желаемого результата. Таким образом, симбиоз творческих идей и вычислительных возможностей становится основой принципиально нового продукта.

³ Vera Molnár // URL: https://monoskop.org/vera_molnar (дата обращения: 09.12.2024).

⁴ Refik Anadol // URL: <https://refikanadol.com/refik-anadol/> (дата обращения: 09.12.2024).

⁵ 3D-графика и актуальные медиатехнологии — базовый курс // URL: https://surikov-vuz.com/training/obrazovatelnie_kursi_razlichnoy_napravlennoy/3d_kurs/ (дата обращения: 09.12.2024).

Процесс создания такого совместного результата отличает интересная особенность: несмотря на то, что общая идея, концепция принадлежит человеку, ИИ способен создать неожиданные вариации, которые изначально не были в планах художника. Включать их в конечный результат или нет — зависит от воли художника. Таким образом, несмотря на огромный потенциал ИИ, он все же не может заменить человеческое творчество. Скорее, это помощник в создании новых концепций и экспериментировании с новыми стилями. Однако все громче звучат голоса в защиту ИИ, который представляется некоторым исследователям непризнанным до настоящего времени соавтором. Пока эти голоса заглушаются хором тех, кто готов рассматривать ИИ как инструмент, дополняющий творческие способности человека, но не заменяющий его.

Однако, как отмечается в современных исследованиях, «созданные при помощи ИИ произведения искусства стали поводом для переосмысления восприятия и ценности художественного творчества»⁶.

Последствия использования искусственного интеллекта. Широкие возможности, которые связаны с использованием ИИ в искусстве, вызывают не только восторги по поводу открывающихся горизонтов творчества, но и понятную обеспокоенность по поводу возникающих этических последствий.

ИИ меняет мир искусства удивительным и неожиданным образом. С развитием этой технологии возникают вопросы об авторстве, оригинальности и ценности искусства. При этом неизвестно, сможет ли ИИ стать полноправным участником творческого процесса или он всегда будет восприниматься как вспомогательный инструмент в руках художников.

На сегодня ясно одно: современное технологическое развитие меняет традиционное восприятие искусства. Для поступательного движения крайне важно своевременное выявление и элиминирование негативных последствий применения ИИ, что можно считать залогом гармоничного сосуществования ИИ и творческой личности.

Споры по поводу творений, созданных ИИ, составляют обширный массив юридических проблем. Вот, пожалуй, самые злободневные вопросы, которые явно указывают на то, что требуется кардинальная переоценка фундаментальных принципов интеллектуальной собственности, если на произведения, созданные ИИ, будут распространены положения авторского права.

Традиционное авторское право и переосмысление понятия «творчество». Задача совмещения технологических инноваций с уважением авторского права и аутентичностью художественного выражения представляет собой важнейшую задачу.

В большинстве юрисдикций для того, чтобы произведение было защищено авторским правом, оно должно быть оригинальным, созданным человеческими усилиями. О соответствии произведений, созданных ИИ, порогу оригинальности, необходимому для защиты авторских прав, ведутся ожесточенные споры. ИИ вносит существенные изменения в восприятие творчества. Он способен генерировать комбинации данных, имитирующие творчество, но делает это без

⁶ Ван Кэин. Искусственный интеллект и будущие пути развития искусства // Культура и цивилизация. 2023. Т. 13. № 7А. С. 146—153.

эмоций, фактически копируя заложенные в программу шаблоны. Используется даже термин «алгоритмическое творчество», в котором алгоритмы анализируют закономерности и создают новые комбинации, или «совместное творчество», в котором ИИ становится инструментом расширения видения художника⁷. Вопрос о том, становится ли ИИ полноправным творцом при таком «творчестве», остается дискуссионным.

Правовая политика подавляющего большинства стран в отношении признания авторских прав на произведения, созданные ИИ, едина: авторские права предоставляются только на творения человека, исключаются из сферы охраны авторских прав произведения, созданные машинами или простыми механическими процессами. В то же время возникает проблема: как определять границу между работой, созданной компьютером, и работой, созданной с помощью компьютера. Другими словами, в какой степени компьютер должен действовать самостоятельно, без участия человека, чтобы работа считалась созданной компьютером, а не работой человека?⁸

Договор авторского заказа. Традиционные правоотношения по договору авторского заказа между заказчиком и индивидом — исполнителем, направленные на получение произведения, при использовании исполнителем ИИ трактуются иначе: предмет заказа рассматривается как результат работы по найму программиста или организации, владеющей программным обеспечением. Авторство на результат может принадлежать компании или программистам, которые разработали программу ИИ. А вот можно ли этот результат определять в качестве творческого произведения — остается под вопросом.

Лицензирование прав на произведения ИИ. Открытые лицензии. Появление большого количества произведений, созданных ИИ, вызвало необходимость установления новых форм лицензирования, специально адаптированных для этих типов произведений. На сегодня неясно, как следует структурировать лицензионные соглашения и какие права следует предоставлять пользователям произведений, созданных ИИ.

Не проясняет вопрос лицензирования этих произведений и использование открытой лицензии (Creative Commons). Поскольку многие технологии ИИ имеют открытый исходный код, появляется возможность определить, как используется и распространяется продукт, созданный ИИ. Если этот продукт не признается творческим произведением, охраняемым авторским правом, то и особых проблем с его использованием не возникает. Однако, если превалировать станет точка зрения, что эти продукты — объекты авторских прав, предоставление такой охраны, безусловно, станет затруднительным.

Юридическая ответственность. Во многих случаях искусственный интеллект обучается с использованием работ других художников. Такая практика порождает

⁷ *Steve Zafeiriou*. The Impact of Algorithms in Modern Art Creation: A New World of Creativity // URL: <https://stevezafeiriou.com/algorithms-in-modern-art-creation/> (дата обращения: 11.12.2024).

⁸ *Kristofer Erickson*. Copyright protection in AI-generated works, 31 January 2024 // URL: https://pec.ac.uk/blog_entries/copyright-protection-in-ai-generated-works/ (дата обращения: 11.12.2024).

серьезные этические проблемы, поскольку оригинальные произведения, как правило, используются для обучения ИИ без получения согласия автора или выплаты ему некой компенсации.

Если работа, созданная ИИ, нарушает авторские права на ранее созданную работу, возникает вопрос о том, кто должен нести ответственность за допущенное нарушение: разработчик ИИ, владелец ИИ или они оба?

Опасность дезинформации. Такие технологии, как deepfake, позволяют создавать фальшивые изображения и видео, что может иметь серьезные последствия в художественной сфере. Фейковые произведения, создаваемые ИИ, воспринимаются пользователями как аутентичные, источники их происхождения могут не вызывать сомнений, нередко отсутствует само предположение, что произведение создано не человеком, а сгенерировано нейросетью.

Перспективы использования ИИ в искусстве. Бесспорно, будущее искусства лежит в сотрудничестве человеческого творчества и искусственного интеллекта. Важно только осознавать, что ИИ — это не замена человеческому искусству, а, скорее, дополнение, инструмент, который предлагает художникам по-новому подходить к процессу творчества, используя технологии, которые расширяют их возможности.

Но такое, на первый взгляд, очевидное восприятие ИИ не получило всеобщего признания.

В 2023 г. в США начались протесты против использования ИИ в искусстве. В мае сценаристы и актеры Голливуда выступили с требованием повышения заработной платы и запрета на несанкционированное использование творческих произведений для обучения генеративного ИИ. В июле ряды сценаристов дополнили актеры, поддержавшие требования о повышении заработной платы и ограничении использования ИИ в профессии. Опасения актеров, что с использованием ИИ аудиовизуальные произведения можно будет создавать без камер и актеров, не лишены оснований, учитывая появление фильмов, в которых сцены с участием реальных актеров перемежаются с изображениями, сгенерированными ИИ. Результатами этого протеста стали отмены шоу, срыв большей части производства осеннего телевизионного сезона и остановка производства высокобюджетных фильмов.

22.10.2023 тысячи артистов и компаний из мира музыки, кино и культуры подписали документ в отношении обучения ИИ, в котором было провозглашено, что «нелицензированное использование творческих произведений для обучения генеративному ИИ представляет собой серьезную, несправедливую угрозу средствам существования людей, стоящих за этими произведениями, и не должно быть разрешено»⁹.

Подписанты стремились довести до всеобщего сведения, что многие компании обучают свои генеративные системы искусственного интеллекта по работам создателей, не имея лицензий. Требования забастовщиков включали, среди прочего, выдачу предварительного разрешения на использование произведений, вознаграждение за законное использование произведений и вывод с рынка

⁹ Statement on AI training // URL: <https://www.aitrainingstatement.org/> (дата обращения: 13.12.2024).

«незаконных моделей» ИИ, а также компенсацию за несанкционированное использование художественных произведений. Они также требовали, чтобы продукты, созданные с помощью ИИ, не признавались произведениями интеллектуального творчества и не подлежали охране в качестве объектов авторских прав. Также компании должны обеспечивать прозрачность и доступность информации относительно использования произведений, чтобы авторы, художники и владельцы прав на эти произведения знали, использовались ли их работы при обучении или на любом из этапов разработки, внедрения и эксплуатации моделей ИИ.

Вопросы авторского права и генеративного ИИ находятся на острие юридических дискуссий во многих странах. Относительным завершением этих споров в Европе стало появление Закона об искусственном интеллекте, принятого Европейским союзом и вступившего в силу с 01.08.2024. Первый в мире подобный нормативный акт классифицирует все основанные на ИИ системы по уровню риска — от низкого до неприемлемого и определяет правила использования этих инструментов, в том числе систем распознавания лиц, предиктивной аналитики и генеративного ИИ¹⁰.

Но принятие этого Закона не может одномоментно изменить ситуацию. Креативные отрасли уже пострадали от конкуренции с продуктами, созданными при участии ИИ, и эксплуатации со стороны компаний, нанимающих работников. Изображения, созданные с помощью текстовых команд за считанные секунды превращают в безработных сотни тысяч художников, дизайнеров, писателей и редакторов из мира искусства.

Вывод, который можно сделать из сложившейся ситуации, достаточно прост: важно юридически корректно регламентировать все аспекты применения ИИ, что в определенной степени станет основой гарантии его ответственного использования и сохранения контроля над его разработкой.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. 3D-графика и актуальные медиатехнологии — базовый курс // URL: https://surikov-vuz.com/training/obrazovatelnie_kursi_razlichnoy_napravlenosti/3d_kurs/ (дата обращения: 09.12.2024).
2. Ван Кэин. Искусственный интеллект и будущие пути развития искусства // Культура и цивилизация. — 2023. — Т. 13. — № 7А. — С. 146—153.
3. EU Act on Artificial Intelligence, 16.07.2024 // URL: <https://www.consentmanager.net/> (дата обращения: 13.12.2024).
4. Kristofer Erickson. Copyright protection in AI-generated works, 31 January 2024 // URL: https://pec.ac.uk/blog_entries/copyright-protection-in-ai-generated-works/ (дата обращения: 11.12.2024).
5. Refik Anadol // URL: <https://refikanadol.com/refik-anadol/> (дата обращения: 09.12.2024).

¹⁰ EU Act on Artificial Intelligence, 16.07.2024 // URL: <https://www.consentmanager.net/> (дата обращения: 13.12.2024).

6. Statement on AI training // URL: <https://www.aitrainingstatement.org/> (дата обращения: 13.12.2024).
7. *Steve Zafeiriou*. The Impact of Algorithms in Modern Art Creation: A New World of Creativity // URL: <https://stevezafeiriou.com/algorithms-in-modern-art-creation/> (дата обращения: 11.12.2024).
8. *Vera Molnár* // URL: [https://monoskop.org/vera_molnár](https://monoskop.org/vera_molnar) (дата обращения: 09.12.2024).
9. World Economic Forum // URL: <https://es.weforum.org/> (дата обращения: 09.12.2024).

Юридическая практика

**Мария Александровна
КОЛЬЗДОРФ,**

магистр частного права
(РШЧП, FU Berlin, MIPLC),
начальник отдела
обобщения судебной
практики и статистики
Суда по интеллектуальным
правам,
старший преподаватель
НИУ ВШЭ,
консультант
Исследовательского
центра частного права
имени С. С. Алексеева при
Президенте РФ
kolsdorf@yandex.ru
127254, Россия, г. Москва,
Огородный пр., д. 5, стр. 2

Спорные вопросы сообладания исключительными правами на интеллектуальную собственность

Аннотация. В данной статье приведен срез основных проблем, связанных с сообладанием исключительным правом на объекты интеллектуальной собственности. Автор рассмотрел режим сообладания исключительным правом и вопрос его соотношения с иными режимами общего имущества, в том числе с режимом общего имущества супругов, применимость норм части четвертой Гражданского кодекса РФ или Семейного кодекса РФ к отношениям супругов-сообладателей исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. В статье отмечены особенности использования произведения соавторами. Автор исследовал порядок распоряжения исключительным правом, которое принадлежит нескольким лицам, а также последствия заключения сделок лишь одним из соправообладателей. В статье приводятся различные точки зрения на возможность образования долей в исключительном праве и распоряжения ими, отражены сложности взыскания компенсации в пользу нескольких правообладателей, обращения взыскания на исключительное право, принадлежащее совместно должнику и иному лицу.
Ключевые слова: сообладание, исключительное право, доля в исключительном праве, соавторы

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.128.4.160-169

Maria A. KOLZDORF,

*Master of Law (RSCP, FU Berlin, MIPLC),
Head of the IP Court Department for court practice
summarization and statistics, Senior Lecturer at the
National Research University Higher School of Economics,
Consultant at the Private Law Research Center named after
S. S. Alekseev under the RF President
kolsdorf@yandex.ru
5/2, Ogorodny pr., Moscow, Russia, 127254*

Controversial Issues of Co-ownership of an Exclusive Right on Intellectual Property

Abstract. *This article contains the main issues related to the co-ownership of an exclusive right on intellectual property. The author considered the regime of co-ownership of the exclusive right and the question of its correlation with other regimes of common property, including the regime of the common property of spouses, the applicability of the norms of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation or the Family Code of the Russian Federation to the relations of spouses-owners of the exclusive right to the results of intellectual activity and means of individualization. The article notes the peculiarities of the use of the work by co-authors. The author of this article investigated the order of disposition of the exclusive right, which belongs to several persons, as well as the consequences of concluding a contract with only one of the co-owners. The article presents different points of view on the possibility of formation of shares in the exclusive right and their disposal, reflects the difficulties of collecting compensation in favor of co-owners, foreclosure of the exclusive right owned jointly by the debtor and another person.*

Keywords: *co-ownership, exclusive right, share in the exclusive right, co-authors*

13.09.2024 в Общественной палате РФ состоялось обсуждение законопроекта, который в настоящее время находится на рассмотрении в Государственной Думе¹. Он направлен на регулирование отношений, возникающих при со-обладании исключительным правом. Первая попытка урегулировать эту сферу правоотношений была предпринята в 2012 г., но не увенчалась успехом. В этой части изменения не были приняты². Кроме того, в 2019 г. обсуждался другой

¹ См.: законопроект № 479514-8 внесен в Государственную Думу в конце 2023 г., принят в первом чтении (URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/479514-8?ysclid=m0z9vrr6f6461663909> (дата обращения: 20.12.2024)).

² См.: законопроект № 47538-6 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/47538-6?ysclid=m0z9uox1jb479087119> (дата обращения: 20.12.2024).

законопроект, направленный на регулирование обозначенной области отношений, подготовленный фондом «Сколково»³.

Урегулирование данной сферы крайне важно в условиях развития цифровой экономики, в том числе потому, что новые технологии позволяют привлекать инвестиции различных лиц, которые между собой не связаны, взамен получения исключительных прав на создаваемые объекты интеллектуальной собственности или права использования этих объектов⁴. Более того, многие высокотехнологичные результаты интеллектуальной деятельности создаются не одним лицом, а трудом множества лиц⁵. При отсутствии в законе дефолтного регулирования высок риск конфликтов, которые могут препятствовать использованию этих объектов в гражданском обороте.

За правообладателем признается исключительное право, которое является по своей природе имущественным (ст. 1226 ГК РФ) и позволяет ему контролировать использование принадлежащего ему объекта интеллектуальных прав и распоряжаться им (п. 1 ст. 1229 ГК РФ).

Как правило, исключительное право принадлежит одному лицу (правообладателю). Вместе с тем возможны ситуации, когда исключительное право принадлежит нескольким лицам (сообладание), например, когда несколько лиц совместно создали произведение или изобретение, когда исключительное право перешло по наследству нескольким лицам или передано по договору нескольким приобретателям. Таким образом, исключительное право может изначально возникнуть у нескольких лиц, а может, возникнув у одного лица, перейти к нескольким лицам в порядке сингулярного или универсального правопреемства.

В силу прямого указания в законе (п. 2 ст. 1229 ГК РФ) сообладание недопустимо в отношении фирменных наименований, что объясняется природой этого средства индивидуализации, которое призвано индивидуализировать конкретного субъекта гражданских правоотношений (коммерческую организацию). Иных ограничений на сообладание в законе не установлено, но выведено в судебной практике. Так, в пункте 30 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2018), утвержденного 26.12.2018, отмечено: «Российским законодательством не предусмотрена регистрация товарного знака на имя нескольких лиц, за исключением регистрации коллективного товарного знака»⁶.

³ Во исполнение п. 01.01.004.011.001 «Разработка проекта федерального закона в части совершенствования особенностей взаимоотношений совладельцев исключительного права» плана мероприятий федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утв. 27.12.2018 (протокол № 6) (URL: <https://regulation.gov.ru/regulation/npa/publicview?npaid=91576#> (дата обращения: 20.12.2024)).

⁴ Например, в силу пп. 2 п. 1 ст. 8 Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

⁵ URL: <https://regulation.gov.ru/regulation/npa/publicview?npaid=91576#>.

⁶ Примечательно, что Верховный суд Германии придерживается противоположного подхода, признавая возможность долевого сообладания правом на товарный знак. См.: BGH, Urteil vom 13.03.2014 I ZB 27/13 // URL: <http://juris.bundesgerichtshof.de> (дата обращения: 20.12.2024).

Если быть точнее, коллективный товарный знак принадлежит не нескольким лицам, а объединению лиц (п. 1 ст. 1510 ГК РФ). Кроме того, режим охраны коллективных товарных знаков отличается от режима охраны обычных товарных знаков: право на коллективный знак не может быть отчуждено, он не может быть предметом лицензионного договора в силу п. 2 ст. 1510 ГК РФ, в связи с чем он менее привлекателен для участников гражданского оборота.

Роспатент также придерживается позиции, что принадлежность исключительного права на товарный знак нескольким лицам недопустима, поскольку неизбежно будет вводить потребителей в заблуждение⁷.

Стоит отметить, что товарный знак все-таки может оказаться в руках нескольких лиц, если он регистрируется по мадридской системе⁸.

Соотношение с иными режимами соблюдения (вещами). В некоторых юрисдикциях режим использования и распоряжения имущественным правом на объект интеллектуальной собственности определяется исходя из общих норм гражданского законодательства об общем имуществе.

Так, к примеру, Патентный закон Германии не устанавливает специальных положений, регулирующих режим соблюдения правом на изобретение, поэтому применяются общие положения Гражданского уложения. По общему правилу возникает долевое соправообладание (*Bruchteilsgemeinschaft*), если правообладатели не договорились об ином (например, о режиме простого товарищества)⁹.

Согласно российскому праву к интеллектуальным правам не применяются положения разд. II ГК РФ «Право собственности и иные вещные права» (п. 3 ст. 1227 ГК РФ). При этом является спорным, могут ли эти нормы применяться по аналогии, когда отсутствуют применимые нормы части четвертой ГК РФ¹⁰ (например, для защиты добросовестного приобретателя исключительного права, для определения доли в исключительном праве и др.).

Кроме того, введение в части четвертой ГК РФ особого режима соблюдения исключительным правом вызывает вопросы о том, как он соотносится с иными режимами общего имущества, в частности с режимом совместного имущества супругов, какие нормы имеют приоритет, если положения части четвертой ГК РФ и положения СК РФ различаются? К примеру, согласно п. 3 ст. 1229 ГК РФ распоряжение исключительным правом на объект интеллектуальной собственности

⁷ Интеллектуальные права : учебник / под ред. Е. А. Павловой. М. : Статут, 2023. С. 184.

⁸ Соглашение о международной регистрации знаков (заключено в Мадриде 14.04.1891), протокол к Мадридскому соглашению о международной регистрации знаков (подписан в г. Мадриде 27.06.1989) // СПС «КонсультантПлюс».

См. также доводы сторон в постановлении СИП от 15.12.2017 по делу № А40-210165/2016 (СПС «КонсультантПлюс»).

⁹ *Ciesla B.* Individuelle Verwertungsbefugnisse in Patentgemeinschaften, Dissertation. P. 24 // URL: https://opus.bibliothek.uni-augsburg.de/opus4/frontdoor/deliver/index/docId/4087/file/ciesla_diss.pdf (дата обращения: 20.12.2024).

¹⁰ Протокол заседания Научно-консультативного совета при СИП от 27.04.2018 № 19. С. 35 и след. // URL: https://ipc.arbitr.ru/storage/sites/ipc/files/288/nks_protokoly/19.pdf (дата обращения: 20.12.2024).

возможно лишь совместно правообладателями, а в силу п. 2 ст. 35 СК РФ действует презумпция согласия второго супруга на распоряжение общим имуществом¹¹.

Объекты интеллектуальных прав могут находиться в совместной собственности супругов. Исключение установлено лишь в отношении результатов интеллектуальной деятельности, созданных одним из супругов (п. 3 ст. 36 СК РФ), они не являются общим имуществом супругов. В то же время, если исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности приобретены за счет общих доходов супругов, они становятся их общим имуществом¹². Даже исключительные права на средства индивидуализации могут быть в режиме общего имущества супругов¹³.

Если приоритет имеют нормы СК РФ как специальные нормы, регулирующие имущественные отношения супругов, то для распоряжения исключительным правом, например, на приобретенную на общие средства программу для ЭВМ, не требуется согласие супруга, будет действовать презумпция его согласия. Если приоритет будут иметь нормы части четвертой ГК РФ как регулирующие имущественные отношения касательно интеллектуальной собственности, то для распоряжения исключительным правом на указанную программу нужно будет выражение воли обоих супругов.

Представляется, что в данной ситуации отношения супругов-соправообладателей должны регулироваться нормами СК РФ, а отношения с иными соправообладателями — исходя из положений части четвертой ГК РФ.

Использование объекта интеллектуальных прав. По общему правилу каждый из соправообладателей может использовать принадлежащий им результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации самостоятельно, если соглашением не предусмотрено иное (п. 3 ст. 1229 ГК РФ).

Особые правила установлены для соавторов: произведение, созданное в соавторстве, используется соавторами совместно, если они не договорились в соглашении об ином (п. 2 ст. 1258 ГК РФ).

Если соавторы должны использовать произведение совместно, то какие последствия наступают при нарушении этого положения закона? Является ли это нарушением исключительного права, дающим основание для взыскания компенсации в пользу соправообладателя?

Верховный Суд РФ разъяснил, что размещение в сети Интернет созданного в соавторстве произведения, образующего неразрывное целое, или его части одним из соавторов без согласия других соавторов или иного законного основания

¹¹ См.: Протокол заседания Научно-консультативного совета при СИП от 30.11.2018 № 23. Второй вопрос. С. 14 и след. // URL: https://ipc.arbitr.ru/storage/sites/ipc/files/288/nks_protokoly/23.pdf (дата обращения: 20.12.2024).

¹² Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании». П. 88.

¹³ Протокол заседания рабочей группы по вопросу о возможности нахождения средств индивидуализации в режиме общего имущества супругов от 01.02.2022 № 28.1 // URL: https://ipc.arbitr.ru/storage/sites/ipc/files/288/nks_protokoly/nks_protocol_28.1.pdf (дата обращения: 20.12.2024).

является неправомерным¹⁴. Поскольку такое использование противоречит п. 2 ст. 1258 ГК РФ, представляется обоснованным вывод о том, что оно является неправомерным и соавтор может пресечь такое использование. Вместе с тем полагаю, что такое использование соавтором своего произведения не может считаться нарушением исключительного права и, соответственно, не дает основание для взыскания компенсации.

Нарушением исключительного права является использование объекта интеллектуальных прав без согласия правообладателя. Если соавтор является правообладателем, он может использовать произведение. В то же время, поскольку использование произведения соавторами должно быть совместным, а доходы от совместного использования распределяются между правообладателями в равных долях (если не согласовано иное, см. абз. 3 п. 3 ст. 1229 ГК РФ), то, как представляется, в описанной ситуации соавтор может потребовать от второго соавтора неосновательное обогащение, полученное в результате использования общего объекта интеллектуальных прав. Кроме того, видится возможным в данной ситуации и взыскание возможных убытков, вызванных нарушением соавтором положений п. 2 ст. 1258 ГК РФ.

Если один из соавторов запрещает второму соавтору использовать произведение, то такой спор может быть передан на разрешение суда (абз. 4 п. 35 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», далее — Постановление № 10).

Распоряжение исключительным правом, принадлежащим нескольким лицам. По общему правилу соправообладатели совместно распоряжаются исключительным правом (абз. 2 п. 3 ст. 1229 ГК РФ). Это означает, что они могут лишь по совместному согласию произвести отчуждение исключительного права или предоставить право использования по лицензионному договору.

При этом не определено, что значит «совместно»? Означает это, что соправообладатели должны подписать единый договор с контрагентом или каждый из них может заключить отдельный договор с ним?

Представляется, что совместность должна пониматься так же, как в иных отраслях права, например, в корпоративном праве применительно к решениям двух руководителей общества: 1) они оба могут заключить сделку; 2) один может уполномочить второго на заключение сделки; 3) один из них может заключить сделку, а второй ее одобрить¹⁵.

В случае если каждый соправообладатель заключает отдельный договор с лицензиатом, то при недействительности одной из сделок или возникновении оснований для расторжения возникнет неясная ситуация о судьбе остальных договоров, учитывая, что распоряжение должно быть совместным и только тогда контрагент может получить право (см., например, дело № А14-6962/2021).

¹⁴ Обзор судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024. П. 8.

¹⁵ См.: Кольздорф М. А., Шмагин А. А. Содержание и реализация принципа «четырёх глаз» в Германии // Вестник гражданского права. 2018. № 6. С. 220—238.

В связи с этим для лицензиата целесообразнее заключать один договор со всеми правообладателями, в этом случае потребуется общее согласие правообладателей на расторжение договора, а признание недействительности сделки будет действовать для всех соправообладателей.

Кроме того, на практике возникает вопрос о том, к каким последствиям приводит заключение договора с одним соправообладателем, не получая согласие остальных соправообладателей. Дает ли это основание для признания сделки недействительной (ст. 168 ГК РФ) или сделка будет действительна, но право считается не предоставленным / не перешедшим?

Такая ситуация может, в частности возникнуть, если на момент заключения сделки в Государственном реестре изобретений был указан один патентообладатель, а потом патент в части неуказания второго патентообладателя оспорен в суде на основании пп. 5 п. 1 ст. 1398 ГК РФ.

Если патент признается недействительным, в силу п. 6 ст. 1398 ГК РФ лицензионные договоры, заключенные на основе патента, признанного впоследствии недействительным, сохраняют действие в той мере, в какой они были исполнены к моменту принятия решения о недействительности патента. Данное правило касается только лицензионного договора, заключенного патентообладателем, когда в реестре указан лишь он и патент оспорен. Если же в реестре указано два патентообладателя, но лицензионный договор заключен только с одним из них, такой договор признается судами недействительным на основании ст. 168 ГК РФ¹⁶.

Договор отчуждения исключительного права на изобретение, заключенный одним из соправообладателей, также признается недействительным на основании ст. 168 ГК РФ¹⁷. Аналогичным образом признавалась недействительной сделкой подача заявки на выдачу патента на имя одного лица без согласия второго автора¹⁸.

Если такие сделки признавать недействительными по ст. 168 ГК РФ, это не позволит «излечить» эту сделку, получив согласие второго соправообладателя, и взыскать убытки за нарушение договора. Одобрение могло быть возможным, если бы сделка признавалась недействительной по ст. 183 ГК РФ как заключенная первым сопатентообладателем от имени второго без получения на то полномочий¹⁹. В то же время сделка, заключенная одним из соправообладателей без остальных, скорее всего, будет оспоримой по п. 1 ст. 168 ГК (если не будет нарушать охраняемые интересы третьих лиц, тогда по п. 2 ст. 168 ГК РФ она ничтожна), и если будет получено одобрение, то она не будет оспариваться ни сторонами, ни вторым соправообладателем.

¹⁶ Постановление Десятого ААС от 11.04.2012 по делу № А40-100964/11 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Решение Суда по интеллектуальным правам от 17.03.2022 по делу № СИП-438/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Решение Суда по интеллектуальным правам от 30.08.2018 по делу № СИП-188/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ См.: Протокол заседания Научно-консультативного совета при СИП от 30.11.2018 № 23. Первый вопрос.

Есть другой возможный вариант, если придерживаться подхода разделения сделок на распорядительные и обязательственные: можно признать, что договор действует, но право не передано / не предоставлено²⁰.

Наиболее остро стоит вопрос о том, возможно ли образование доли в исключительном праве и возможно ли распоряжение ею независимо от остальных соправообладателей²¹.

В части четвертой ГК РФ отсутствуют соответствующие положения, которые отвечали бы на эти вопросы. Вместе с тем доля в исключительном праве упоминается в п. 2 ст. 1283 ГК РФ, согласно которой доля умершего автора переходит к соавторам. Данное указание на долю чаще всего используют как аргумент в пользу возможности образования доли в исключительном праве.

В то же время в п. 30 Обзора Верховного Суда РФ № 4 (2018) отмечено, что положения о долевой собственности (гл. 16 ГК РФ) к интеллектуальным правам не могут применяться в принципе. В последующем Верховный Суд разъяснил, что у соправообладателей нет права на раздел права или выдел из него долей (п. 35 Постановления № 10).

Предполагаю, что смысл этих разъяснений в том, что выделение долей в натуре невозможно, но определение размера абстрактной доли допустимо, в том числе по соглашению соправообладателей. Вместе с тем не исключено и иное толкование о том, что образование доли в исключительном праве невозможно, исключительное право принадлежит нескольким лицам лишь совместно (без образования долей)²².

Необходимость определения доли в исключительном праве может возникнуть, например, в ситуации, когда у должника отсутствует иное имущество, на которое может быть обращено взыскание по его долгам, кроме исключительного права, которое принадлежит ему совместно с иным лицом, не являющимся должником. Очевидно, что в такой ситуации кредитор будет заинтересован в том, чтобы определить долю в исключительном праве и обратиться на нее взыскание²³. В настоящее время активно продвигается идея кредитования банками субъектов хозяйствующей деятельности в том числе под залог исключительных прав на объекты интеллектуальных прав²⁴, и представляется, что интересы банков должны быть учтены и риски минимизированы.

Если выделение доли невозможно, то кредитор не получит возмещение, если отсутствует иное имущество или его недостаточно для погашения долга.

²⁰ Протокол заседания Научно-консультативного совета при СИП от 30.11.2018 № 23. Первый вопрос.

²¹ Разные точки зрения см.: Гутников О. В., Сеницын С. А. Множественность обладателей исключительного права: проблемы теории и практики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 12. С. 67—73.

²² Такую точку зрения см.: Интеллектуальные права : учебник. С. 186.

²³ В части 4 ГК РФ есть ряд ограничений на обращение взыскания (ст. 1284, 1319, 1405 ГК РФ).

²⁴ См., например, пилотный проект в Москве (URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/sourses/kreditovanie-pod-zalog-is> (дата обращения: 20.12.2024)).

В случае если возможность образования доли в исключительном праве и распоряжение ею будут напрямую разрешены в законе, целесообразно предусмотреть также преимущественное право приобретения доли остальными соправладельцами, чтобы в кругу соправладельцев не оказались чужие лица (например, конкуренты), которые стали бы блокировать распоряжение правом и получили бы возможность использования соответствующего объекта. В законопроекте, который сейчас рассматривается в Государственной Думе, вместо преимущественного права предложено получать согласие остальных соправладельцев. Представляется, что такой вариант фактически парализует возможность оборота доли, так как добиться согласия всех соправладельцев на практике затруднительно.

Полагаю, что как минимум в законодательстве должна быть предусмотрена возможность отказа от своей части в исключительном праве в пользу остальных соправладельцев, если правообладатель утратил интерес в таком сообладании (в противном случае он также будет обязан нести и бремя содержания общего имущества, например, на поддержание патента в силе, хотя не имеет в нем интереса).

Защита прав. Каждый соправладатель вправе принимать меры защиты (абз. 4 п. 3 ст. 1229 ГК РФ), в том числе каждый из соправладельцев может требовать пресечения нарушения, взыскания убытков или компенсации.

В случае взыскания компенсации в пользу нескольких соправладельцев возникает вопрос о том, каким образом распределять сумму компенсации между ними: компенсация в полном объеме взыскивается в пользу каждого соправладельца или суд определяет одну общую сумму компенсации, которая должна быть распределена между всеми соправладельцами в равных долях?²⁵

Разъяснения по этому вопросу имеются для случая взыскания компенсации в пользу соавторов при нераздельном соавторстве: суд определяет общий размер компенсации и долю истца (п. 69 Постановления № 10).

Как взыскивать компенсацию, если имеется раздельное соавторство или в суд обращаются иные соправладельцы? Возможные варианты следующие: аналогично тому, как указано в п. 69 Постановления № 10 (суд определяет общий размер и долю истца), или взыскать сумму полностью в пользу истца, а он обязан распределить ее среди соправладельцев.

Вариант с определением доли в общем размере компенсации по иску одного из соправладельцев сопряжен со сложностью установления точного числа правообладателей в отношении нерегистрируемых объектов интеллектуальных прав. И даже в отношении регистрируемых объектов этот расчет может быть неверным, например в случае последующего оспаривания патента в части неверного указания патентообладателей. Если суд определил долю в общем размере компенсации исходя из представленных сведений о количестве соправладельцев, а в последующем выяснится, что правообладателей больше/меньше, это может привести к оспариванию такого судебного акта.

²⁵ См.: Компенсация как мера ответственности за нарушение исключительных прав (часть 1). П. 4.2 // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. № 2 (36). С. 152—190.

С учетом этого второй вариант видится более перспективным. Как правило, нарушения исключительных прав совершаются лицами при осуществлении предпринимательской деятельности. В этом случае по общему правилу требования соправообладателей о взыскании компенсации будут солидарными в силу п. 2 ст. 322 ГК РФ. С учетом этого каждый соправообладатель имеет возможность получить полную сумму компенсации и обязан выплатить остальным соправообладателям их долю (п. 4 ст. 326 ГК РФ).

Положение п. 3 ст. 1229 ГК РФ позволяет соправообладателям урегулировать отношения между собой и с третьими лицами в соглашении. При отсутствии законодательного регулирования, позволяющего ответить на вышеуказанные вопросы, представляется целесообразным правообладателям закрепить свои договоренности в соглашении, причем еще до создания объекта интеллектуальных прав, чтобы избежать последующих споров.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гутников О. В., Синицын С. А. Множественность обладателей исключительного права: проблемы теории и практики // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2019. — № 12. — С. 67—73.
2. Интеллектуальные права : учебник / под ред. Е. А. Павловой. — М. : Статут, 2023.
3. Кольздорф М. А., Шмагин А. А. Содержание и реализация принципа «четырёх глаз» в Германии // Вестник гражданского права. — 2018. — № 6. — С. 220—238.
4. Компенсация как мера ответственности за нарушение исключительных прав (часть 1) / Е. А. Павлова, В. О. Калятин [и др.] // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2022. — № 2 (36). — С. 152—190.
5. Ciesla B. Individuelle Verwertungsbefugnisse in Patentgemeinschaften, Dissertation. P. 24 // URL: https://opus.bibliothek.uni-augsburg.de/opus4/frontdoor/deliver/index/docId/4087/file/ciesla_diss.pdf (дата обращения: 20.12.2024).

**Владимир
Владимирович
БАРАНОВ,**
доцент кафедры
информационных
технологий

Академии управления МВД
России,
кандидат юридических наук
ОРЦИД 0000-0002-4603-
7533

de_la_sergio@mail.ru
125171, Россия, г. Москва,
ул. Зои и Александра
Космодемьянских, д. 8

Правовое регулирование использования беспилотных воздушных судов с искусственным интеллектом в контексте предотвращения террористических угроз

Аннотация. Актуальность: необходимость внедрения инновационных средств определения и предотвращения террористических угроз продиктована ускорением темпов развития технологий и их адаптации для совершения преступлений экстремистской и террористической направленности. Беспилотные воздушные суда применяются террористическими организациями для получения информации об объектах на местности с целью планирования атак, доставки грузов и как непосредственное средство атаки. Использование БВС органами МВД в достаточной мере регулируется действующим законодательством, однако вопросы оснащения БВС искусственным интеллектом лишь косвенно отражены в нормативных правовых актах. Совершенствование правового регулирования применения БВС с ИИ в указанном контексте необходимо для скорейшего внедрения и эффективного использования данных средств органами МВД.

Постановка проблемы: применение технологии ИИ для автоматизации работы БВС в контексте предотвращения террористических угроз ограничено в связи с недостаточной разработанностью нормативно-правовой базы, регулирующей применение таких технологий. **Цель исследования:** составить перечень рекомендаций по совершенствованию правового регулирования использования БВС с ИИ в контексте предотвращения террористических угроз.

Методы исследования: структурно-функциональный анализ, системный анализ, сравнительно-правовой анализ.

Результаты и ключевые выводы. В результате исследования нормативно-правовой базы, регулирующей вопросы использования БВС и технологий ИИ в рамках деятельности по предупреждению террористических угроз, были определены ключевые проблемы и предложены меры по совершенствованию ряда нормативных правовых актов.

Ключевые слова: БВС, искусственный интеллект, противодействие терроризму, правовое регулирование, предупреждение террористических угроз

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.128.4.170-178

Vladimir V. BARANOV,

Associate Professor of the Department
of Information Technologi Management Academy
of the Ministry of the Interior of Russia Cand. Sci. (Law)
ORCID 0000-0002-4603-7533

de_la_sergio@mail.ru

8, ul. Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh, Moscow, Russian, 125171

Legal Regulation of the Use of Unmanned Aircraft with Artificial Intelligence in the Context of Preventing Terrorist Threats

Abstract. *Relevance: the need to introduce innovative means of identifying and preventing terrorist threats is dictated by the acceleration of the pace of technology development and their adaptation to commit crimes of extremist and terrorist orientation. Unmanned aircrafts are used by terrorist organizations to obtain information about objects on the ground in order to plan attacks, deliver goods and as a direct means of attack. The use of UAs by the Ministry of Internal Affairs is sufficiently regulated by current legislation, however, the issues of equipping UAs with artificial intelligence are only indirectly reflected in regulatory legal acts. Improving the legal regulation of the use of UAs with AI in this context is necessary for the speedy implementation and effective use of these funds by the Ministry of Internal Affairs.*

Problem statement: The use of AI on UAs technology to automate the work of in the context of preventing terrorist threats is limited due to the insufficient development of the regulatory framework governing the use of such technologies. The purpose of the study: to compile a list of recommendations for improving the legal regulation of the use of UAs with AI in the context of preventing terrorist threats.

Research methods: structural and functional analysis, system analysis, comparative legal analysis.

Results and key conclusions: As a result of the study of the regulatory framework governing the use of UAs and AI technologies in the framework of activities to prevent terrorist threats, key problems were identified and measures were proposed to improve a number of regulatory legal acts.

Keywords: *UAs, artificial intelligence, counteraction to terrorism, legal regulation, prevention of terrorist threats*

Введение

Технический прогресс и повсеместное внедрение беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) и искусственного интеллекта обуславливает необходимость правового регулирования указанных сфер со стороны законодателя, а также осуществление соответствующего контроля со стороны правоохранительных органов и органов МВД.

Широкое распространение и доступность БПЛА для приобретения юридическими и физическими лицами, слабые механизмы контроля и учета таких аппаратов, а также успешная адаптация технологий машинного обучения для осуществления террористической деятельности существенно увеличивают уровень угрозы применения таких технологий и устройств на территории Российской Федерации.

Уровень научной изученности предложенной темы исследования следует охарактеризовать как достаточно высокий. Различные аспекты проблемы освещались в работах отечественных и зарубежных авторов. Так, например, подходы к правовому регулированию использования систем искусственного интеллекта анализируются в работах В. В. Архипова, В. Б. Наумова, Г. Г. Камаловой, Е. А. Войникайнис, П. М. Морхата, И. А. Филипповой, И. В. Понкина, Д. Л. Кутейникова, К. Д. Эшли (K. D. Ashley), М. С. Битена (M. C. Buiten) и др. Применение систем ИИ в контексте противодействия терроризму изучали А. М. Гельфанд, И. Е. Пестов, Н. А. Косов и ряд других исследователей.

Вопросы правового регулирования использования беспилотных воздушных судов в Российской Федерации и других странах исследовали С. О. Трофимов, В. М. Чибинев, А. П. Анисимов, С. С. Малышев, Р. И. Кузьмищев, Т. Г. Марцевой и др.

Вместе с тем некоторые аспекты правового регулирования использования БВС с ИИ в контексте предупреждения террористических угроз освещены недостаточно и требуют дальнейшего исследования.

Методы исследования: структурно-функциональный анализ, системный анализ, сравнительно-правовой анализ.

Результаты исследования: проведенный анализ действующего законодательства в области использования БВС, ИИ и противодействия терроризму позволил определить несколько ключевых проблем, связанных с ограничениями применения таких средств органами МВД вследствие отсутствия либо размытости установленных законодателем правовых норм. В частности, это касается вопросов правосубъектности ИИ и обеспечения защиты персональных данных.

Автором предложены меры по совершенствованию правового регулирования использования БВС с ИИ в контексте предотвращения террористических угроз.

Обсуждение

Понятие «БПЛА» ранее было введено постановлением Правительства РФ¹, утратившим силу в 2020 г.², и на сегодняшний день в отношении таких устройств

¹ Постановление Правительства РФ от 11.03.2010 № 138 «Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Правительства РФ от 03.02.2020 № 74 «О внесении изменений в Федеральные правила использования воздушного пространства Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

применяются понятия «беспилотное воздушное судно» (БВС)³ и «беспилотный аппарат» (БПА)⁴.

В рамках настоящего исследования целесообразно обозначать данную категорию устройств как беспилотное воздушное судно, т.е. «воздушное судно, управляемое, контролируемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна (внешний пилот)» (Воздушный кодекс РФ с изм. от 01.04.2024 № 487-ФЗ (далее — ВК РФ), п. 5 ст. 32).

В ВК РФ Федеральным законом от 04.08.2023 № 487-ФЗ также введено понятие беспилотной авиационной системы (БАС), которая включает в себя, согласно определению, «комплекс взаимосвязанных элементов, включающий в себя одно или несколько беспилотных воздушных судов, средства управления полетом одного или нескольких беспилотных воздушных судов и контроля за полетом одного или нескольких беспилотных воздушных судов (станцию внешнего пилота и линию управления беспилотными авиационными системами и контроля беспилотной авиационной системы), а также средства осуществления взлета и посадки беспилотных воздушных судов» (п. 6 ст. 32 ВК РФ).

Государственная политика в отношении БВС и БАС обозначена в распоряжении Правительства РФ от 21.06.2023 № 1630-р «Об утверждении Стратегии развития беспилотной авиации РФ на период до 2030 года и на перспективу до 2035 года и Плана мероприятий по ее реализации»⁵. В указанном документе содержится описание ключевых направлений развития данной отрасли, предусматривающих, в частности, расширение производства и применения БАС, создание систем сертификации и стандартизации, подготовки кадров для беспилотной авиации. В тексте Стратегии также обозначены проблемы информационной безопасности применения БВС, в том числе использование иностранного программного обеспечения, средств защиты информации в условиях низкого доверия к среде их функционирования и отсутствие системы определения «доверенного» оборудования, электронной компонентной базы и программного обеспечения. Стратегия предусматривает ряд мер по минимизации рисков расширения производства и применения БВС, где приоритетом выступают подготовка высококвалифицированных кадров и разработка собственного программного обеспечения с высоким уровнем защиты данных.

Таким образом, информационная безопасность является ключевым аспектом внедрения БВС как технического средства на территории России, что во многом обусловлено значительным расширением области применения БВС организациями, осуществляющими террористическую деятельность. БВС используются для организации террористических атак на стратегические объекты, в том числе производства, транспортные сети, энергетические сети, общественные места, жилые дома и т.д. После начала специальной военной операции проблема предотвращения террористической угрозы с применением БВС существенно осложнилась, особенно в условиях развития технологий искусственного интеллекта,

³ Воздушный кодекс РФ от 19.03.1997 № 60-ФЗ (с изм. от 01.04.2024).

⁴ Пункт 14 введен в Федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» Федеральным законом от 30.01.2024 № 2-ФЗ.

⁵ СПС «Гарант».

позволяющего в короткие сроки обрабатывать значительные массивы информации, идентифицировать объекты в автоматическом режиме и осуществлять оперативное управление БВС без участия пилота.

Применение БВС органами МВД в рамках мероприятий по предупреждению террористической угрозы регулируется Федеральным законом «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ (с изм. от 10.07.2023 № 287-ФЗ) и Федеральным законом от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (с изм. от 08.08.2024 № 232-ФЗ и № 250-ФЗ).

Несмотря на то, что п. 52 Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации⁶ устанавливает необходимость предоставления плана и получения разрешения для осуществления полетов с использованием БВС, органы МВД уполномочены осуществлять полеты БВС без учета данного пункта Правил в рамках пресечения и раскрытия преступлений, а также при проведении визуальных полетов, что установлено п. 114 настоящих Правил и ст. 11 Закона «О полиции». Однако Правила предусматривают обязательное информирование о запуске БВС, в то время как данная мера не обозначена в Законе «О полиции». Вопрос об уведомлении об использовании БВС в воздушном пространстве Российской Федерации органами МВД в рамках предупреждения террористической угрозы следует рассматривать как довольно спорный, поскольку во многих случаях информация о запуске БВС может подлежать неразглашению в интересах следствия.

Отсутствие необходимости уведомления и предварительного предоставления плана полета существенно увеличивает эффективность применения БВС в практике раскрытия и профилактики преступлений и правонарушений органами МВД, о чем свидетельствуют исследования А. А. Кежова, Ю. А. Грачева, И. В. Степанова, Д. С. Иванова, А. С. Счастливого. При этом А. А. Кежов, Ю. А. Грачев и И. В. Степанов указывают, что одной из основных проблем применения БВС органами МВД является отсутствие организованной системы подготовки специалистов, способных обращаться с БВС на уровне, достаточном для осуществления качественной реализации мероприятий по профилактике и раскрытию преступлений и правонарушений⁷.

Одним из способов оптимизации и повышения эффективности использования БВС в рамках реализации деятельности по предотвращению террористических угроз является внедрение технологий искусственного интеллекта в программное обеспечение данных устройств.

Определение понятия и классификация ИИ содержатся в ряде нормативных правовых актов, в частности в Указе Президента РФ от 10.10.2019 № 490, Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного

⁶ Постановление Правительства РФ от 11.03.2010 № 138 (ред. от 29.03.2024) «Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации».

⁷ Кежов А. А., Грачев Ю. А., Степанов И. В. Организационно-правовое обеспечение беспилотных комплексов в системе МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3 (71). С. 42.

интеллекта и робототехники до 2024 года⁸, паспорте федерального проекта «Искусственный интеллект» и национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»⁹.

Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490, утвердивший Стратегию развития ИИ до 2030 г., содержит следующее определение ИИ: «Искусственный интеллект — это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека» (п. 5 Стратегии).

А. В. Романова справедливо указывает на значительную широту приведенного определения, объясняя это стремлением законодателя охватить максимальный круг существующих и будущих явлений, относящихся к сфере применения искусственного интеллекта¹⁰.

И. А. Кубасов, анализируя проблемы использования технологий ИИ в работе органов МВД, в том числе в рамках противодействия терроризму, указывает на два существенных аспекта: сложность определения правосубъектности ИИ и соблюдения требований по защите персональных данных¹¹.

Вопросы правосубъектности ИИ активно разрабатывались во втором десятилетии XXI в., поскольку развитие систем и программного обеспечения, способного принимать автономные решения без участия человека, неизбежно привели к необходимости определения ответственных субъектов в случае принятия ошибочных решений, повлекших за собой причинение ущерба. Одним из основных документов, определяющих основы правосубъектности роботов и автоматизированных систем, является Резолюция Европейского парламента, принятая 16.02.2017. В данном документе отмечается, что автономно действующие роботы, осуществляющие когнитивные процессы, могут оказывать существенное воздействие на среду, взаимодействуя с ней, без участия других субъектов. Таким образом, они выступают самостоятельными агентами различных процессов. В случае возникновения ущерба в результате действия такого робота или системы практически невозможно установить сторону, обязанную возместить ущерб¹², поскольку не существует принятых стандартов процедуры возмещения ущерба в таких случаях.

⁸ Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Утвержден протоколом заседания президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 23.10.2020 № 23 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Романова А. В. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта: правовой анализ, проблемы и перспективы // Молодой ученый. 2022. № 46 (441). С. 320.

¹¹ Кубасов И. А. Проблемные вопросы применения технологий искусственного интеллекта в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 3. С. 181.

¹² Нормы гражданского права о робототехнике. Резолюция Европарламента от 16.02.2017 2015/2013(INL) P8_TA-PROV(2017)0051 включает текст Хартии робототехники // URL: https://robopravo.ru/riezoliutsiia_ies.

Глубинным вопросом для разработки таких стандартов и определения ответственных сторон является вопрос о степени автономности ИИ и его способности к самостоятельному принятию решений. Машинное обучение роботов с ИИ и других устройств, работающих на основе или с применением ИИ, производится при помощи специальных алгоритмов, разработанных определенными производителями. На сегодняшний день сложно сказать, насколько ошибочное действие, совершенное на основе решения ИИ, является следствием ошибки обучения или неэффективности обучающей программы, поскольку сам механизм машинного обучения находится в состоянии постоянного совершенствования и исследования.

П. М. Морхат указывает, что действия ИИ «всегда являются результатом выполнения алгоритма компьютерной программы», т.е. не являются следствием действия человека. При этом способность к самообучению и автономность ИИ обуславливают справедливость отделения такого действия от сферы ответственности авторов программного обеспечения¹³.

В сфере деятельности по предотвращению террористических угроз в задачи ИИ в первую очередь входят поиск и выявление информации о подготовке к совершению преступлений данной категории. Применение БВС ориентировано, соответственно, на получение оперативной визуальной информации о состоянии объектов и территорий, подлежащих мониторингу (стратегические объекты, объекты транспортной инфраструктуры, места массового скопления людей, например, массовые мероприятия и т.д.). Видеонаблюдение с использованием ИИ при помощи БВС позволяет в режиме реального времени идентифицировать потенциально опасные объекты и обнаруживать лиц, находящихся в розыске и (или) причастных к экстремистской или террористической деятельности.

Эффективность систем видеонаблюдения с помощью БВС и ИИ доказана в рамках обеспечения транспортной безопасности и безопасности во время проведения массовых мероприятий. Так, например, ИИ может обучиться распознаванию оружия и поведения, указывающего на высокую готовность к совершению преступления или террористического акта. Автоматизированные системы мониторинга могут оперативно передавать информацию о подозрительной активности или нахождении подозрительных лиц в пункты полиции с указанием конкретной точки обнаружения и при наличии возможности блокировать вход в здание или въезды на объект. В мировой практике подобные системы начинают внедрять в стационарные системы видеонаблюдения, но в перспективе возможно программирование БВС, способных повысить эффективность патрулирования и снизить нагрузку на личный состав органов МВД.

Вместе с тем главной проблемой таких систем остается ошибочное распознавание. Например, ИИ может идентифицировать некоторый предмет, находящийся в руках человека, как оружие по ряду косвенных признаков, что приведет к ложному информированию полиции. Массовый мониторинг при наличии большого числа ложных распознаваний, напротив, будет способствовать снижению эффективности работы органов МВД и существенно увеличит нагрузку на личный состав.

¹³ Морхат П. М. Проблемы определения юридической ответственности за действия искусственного интеллекта // Право и государство: теория и практика. 2017. № 9. С. 70—71.

Опасность ложного распознавания существует и в случаях применения алгоритмов идентификации лиц, которые используются в системах видеонаблюдения в г. Москве, например, программного обеспечения от компании NtechLab. Фотоизображение человека сверяется с базой фотографий лиц, совершивших преступления и правонарушения, а также находящихся в федеральном, международном и местном розысках, затем в случае положительной идентификации информация передается автоматически в полицию. Причем данные системы не только указывают точку нахождения потенциального преступника, но и передают непосредственно изображение подозреваемого.

В случае использования фотоизображений и видеонаблюдения в общественных местах на первый план с правовой точки зрения выходит вопрос о нарушении прав человека. В исследовании В. М. Лаврухина обозначено, что Советом по правам человека Генеральной Ассамблеи ООН обозначено требование к анти-террористическим агентствам, исследующим и применяющим возможности ИИ в своей деятельности, гарантировать соблюдение таких прав.

Статья 3 Федерального закона «О персональных данных» определяет в качестве персональных данных «любую информацию, относящуюся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу»¹⁴, т.е. фотоизображение, безусловно, относится к данной категории информации. Отсюда любое действие с данной информацией, в том числе осуществляемое с использованием ИИ, должно быть признано обработкой персональных данных. В соответствии с п. 1 ст. 6 этого Закона согласие субъекта персональных данных является обязательным для осуществления их обработки. Перечень случаев, когда согласие субъекта персональных данных не требуется, не предусматривает возможности совершения таких действий в рамках мониторинга, проведения оперативно-следственных мероприятий, а также проведения мероприятий в рамках противодействия терроризму. Однако данный Закон содержит указание на возможность обработки персональных данных без согласия субъекта в случае необходимости защиты законных интересов третьих лиц.

Таким образом, мониторинг с целью определения и предотвращения террористических угроз может рассматриваться как действие, предпринятое с целью обеспечения безопасности граждан. Вместе с тем во избежание множественности трактовок и с учетом вероятности ошибочного распознавания, имеющего последствия для субъекта персональных данных, важно проработать эти аспекты правового обеспечения в сфере применения БВС с ИИ для предотвращения террористических угроз.

Заключение

Исходя из изложенного, можно заключить, что применение БВС с ИИ с целью предотвращения террористических угроз является эффективным с точки зрения обеспечения расширенного мониторинга потенциальной опасности и оператив-

¹⁴ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс».

ной передачи информации в органы МВД. Однако правовое регулирование данной сферы нуждается в совершенствовании. В частности, можно предложить следующие меры:

- 1) рассмотреть возможность разработки нормативных правовых актов, содержащих перечень БВС, разрешенных к использованию в целях предотвращения террористических угроз, требований к техническому оснащению и программному обеспечению БВС, в том числе ИИ;
- 2) установить регламенты обучения и требования к квалификации для операторов БВС с ИИ, осуществляющих мероприятия с целью предотвращения террористических угроз;
- 3) уточнить возможности обработки персональных данных ИИ в рамках проведения таких мероприятий;
- 4) разработать нормативные правовые акты, регламентирующие ответственность и порядок действий в случаях ошибочного распознавания террористической угрозы БВС с ИИ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Иванов Д. С.* Применение правоохранительными органами беспилотных летательных аппаратов при раскрытии и расследовании преступлений // Исследования молодых ученых : XIV Международная науч. конф. (г. Казань, ноябрь 2020 г.) / под ред. И. Г. Ахметова [и др.] — Казань : Молодой ученый, 2020.
2. *Кежов А. А., Грачев Ю. А., Степанов И. В.* Организационно-правовое обеспечение беспилотных комплексов в системе МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2016. — № 3 (71).
3. *Кубасов И. А.* Проблемные вопросы применения технологий искусственного интеллекта в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Воронежского института МВД России. — 2021. — № 3.
4. *Лаврухин М. В.* Использование искусственного интеллекта в противодействии терроризму и оптимизация требований обеспечения транспортной безопасности к объектам дорожного хозяйства // Транспортное право и безопасность. — 2022. — № 4 (44).
5. *Морхат П. М.* Проблемы определения юридической ответственности за действия искусственного интеллекта // Право и государство: теория и практика. — 2017. — № 9.
6. *Романова А. В.* Национальная стратегия развития искусственного интеллекта: правовой анализ, проблемы и перспективы // Молодой ученый. — 2022. — № 46 (441).
7. *Счастный А. С.* Использование беспилотных летательных аппаратов при фиксации хода и результатов следственных действий : магистерская дис. — Томск, 2019.

Трансформация и инновации: пути интеграции искусственного интеллекта в китайское юридическое образование¹

Аннотация. Искусственный интеллект, как волна, накрывает Китай, постоянно вызывая важные изменения во всех сферах общественной жизни, и юридическое образование не является исключением. Научное и рациональное использование системы технологий искусственного интеллекта в юридическом образовании напрямую связано с качественным развитием и скачком уровня юридического образования в Китае, оказывает важное влияние на международную конкурентоспособность китайского юридического образования. В статье исследуется значение искусственного интеллекта для углубления китайского юридического образования, рассматривается будущее практическое направление юридического образования в эпоху искусственного интеллекта, в частности, обсуждаются интеграция и углубленное использование искусственного интеллекта в режиме обучения, контроль качества преподавания, построение содержания учебных программ и т.д. При этом подчеркивается, что китайское юридическое образование должно взять на себя инициативу по воплощению технологических изменений, вызванных искусственным интеллектом, и построить комплексную систему обучения юристов, сочетающую юриспруденцию и техническое направление, чтобы адаптироваться к новым потребностям китайского юридического образования в эпоху искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, юридическое образование, система учебных программ, система преподавания, обучение юристов

Цзя Шаосюе,

доцент, доктор
юридических наук,
Шанхайский

политико-юридический
университет,

Центр международной
юридической подготовки
и сотрудничества ШОС,
Китай

ys02302041@126.com

201701, Китай, г. Шанхай,
район Цинпу, шоссе
Вайцинсун, 7989

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.128.4.179-189

¹ Данная статья подготовлена в рамках общего проекта Национального фонда общественных наук КНР под названием «Исследование механизма правового управления безопасностью данных в ШОС» (№ 22BFX160) и проекта философии и социальных наук провинции Хэйлунцзян (№ 22FXB102).

JIA Shaoxue,

Associate Professor, Dr. Sci. (Law),
Shanghai University of Politics and Law,
Center for International Legal Training and Cooperation for the SCO, China
ys02302041@126.com
7989, Weiqinsong Highway, Qingpu District, Shanghai, China, 201701

Transformation and Innovation: Ways to Integrate Artificial Intelligence into Chinese Legal Education

Abstract. *The wave of artificial intelligence is sweeping across China, constantly causing important changes in all spheres of social life, and legal education is no exception. The scientific and rational utilization of artificial intelligence technology system in legal education is directly related to the qualitative development and leap in the level of legal education in China, and has an important influence on the international competitiveness of Chinese legal education. By exploring the significance of artificial intelligence for the deepening of Chinese legal education, and then considering the future practical direction of legal education in the era of artificial intelligence, particularly discussing the integration and deepening of artificial intelligence in teaching mode, teaching quality control, curriculum content construction, etc., it is emphasized that Chinese legal education should take the initiative to meet the technological changes brought about by artificial intelligence.*

Keywords: *artificial intelligence, legal education, curriculum system, teaching system, cultivation of lawyers*

Введение

Искусственный интеллект проникает во все сферы общественной жизни с беспрецедентными скоростью и масштабом, оказывая глубокое влияние на модели государственного управления и стратегические направления развития. В июле 2017 г. Государственный совет КНР опубликовал План развития нового поколения искусственного интеллекта, в котором подчеркивается необходимость обеспечения первоначального преимущества Китая в области искусственного интеллекта, ускоренного строительства Китая как инновационной страны и мирового научно-технологического лидера. Одновременно была поставлена важная цель развития: к 2030 г. достичь мирового лидерства в теории, технологиях и применении искусственного интеллекта, сделав Китай одним из главных мировых центров инноваций в этой сфере².

В октябре 2023 г. на третьем Форуме международного сотрудничества «Пояс и путь» Китай выдвинул Инициативу по глобальному управлению искусственным

² URL: https://www.gov.cn/xinwen/2017-07/20/content_5212064.htm (дата обращения: 01.05.2025).

интеллектом, в которой четко выражена поддержка правительств разных стран, международных организаций, предприятий, научно-исследовательских институтов, гражданских структур и частных лиц, придерживающихся принципов совместных консультаций, совместного строительства и общего пользования, в их совместных усилиях по содействию управлению искусственным интеллектом³. Данная инициатива демонстрирует стратегическое видение Китая, своевременно улавливающего пульс эпохи⁴.

В настоящее время в Китае искусственный интеллект способствует важным преобразованиям в общественной жизни, и юридическое образование не является исключением, находясь в тесной взаимосвязи с этим процессом. Объективно опираясь на национальные особенности Китая и всесторонне анализируя практику развития искусственного интеллекта в стране, можно наблюдать, как стремительный прогресс искусственного интеллекта оказывает глубокое влияние на традиционную структуру китайского юридического образования. Это проявляется преимущественно в двух аспектах.

Во-первых, речь идет о технологическом аспекте юридического образования. С данной точки зрения искусственный интеллект, выступая вспомогательным инструментом юридического образования, способствует внедрению интеллектуальных обучающих систем в юридическую педагогику. Преподаватели, используя платформы автономного обучения, разрабатывают индивидуализированные учебные программы с учетом академического прогресса и когнитивных способностей студентов, что способствует более эффективному усвоению правовых знаний. Интеллектуализация анализа судебных дел и имитационных судебных процессов, основанная на возможностях искусственного интеллекта по обработке огромных массивов юридических прецедентов, предоставляет доступ к соответствующим правовым нормам и судебным решениям, углубляя понимание студентами практического применения права. Кроме того, применение технологий виртуальной реальности для отработки юридических навыков позволяет студентам участвовать в дебатах в смоделированной среде, тем самым повышая их практическую компетентность.

Во-вторых, важен содержательный аспект юридического образования. С данной точки зрения юридическая педагогика под влиянием искусственного интеллекта должна отвечать на вызовы новых проблем, возникающих в правовой практике, включая приватность данных, информационную безопасность и управление алгоритмами. Это требует обновления знаний в юридическом образовании для удовлетворения потребностей в формировании знаний в новых областях, связанных с искусственным интеллектом. Будущее юридическое образование требует более глубокой интеграции с компьютерными науками, большими данными и другими дисциплинами, чтобы воспитывать междисциплинарных специалистов, сочетающих юридические и технологические компетенции, что позволит студентам успешно реагировать на новые сложные правовые вызовы в эпоху искусственного интеллекта.

³ URL: <https://www.news.cn/tech/20231019/fb523e969d0349ab984f48176d507b76/c.html> (дата обращения: 20.05. 2025).

⁴ Чжан Вэньсянь. О глубокой интеграции юридического образования и искусственного интеллекта // Цифровое право. 2025. № 1. С. 8.

Сравнительный анализ двух аспектов юридического образования показал следующее:

- технологический аспект фокусируется преимущественно на применении искусственного интеллекта как образовательного инструмента, подчеркивая ценность его методов и моделей преподавания;
- содержательный аспект акцентирует внимание на трансформации самого содержания юридического образования под влиянием искусственного интеллекта, выделяя изменения в контенте через синтез права и технологий.

Реализация технологического аспекта может быть достигнута в краткосрочной перспективе через совершенствование технологических платформ для повышения качества образования, в то время как содержательный аспект требует трансформации образовательного мышления, включая эволюцию педагогических концепций и системы образования, чтобы адаптироваться к радикальным изменениям в образе жизни и производственных процессах в эпоху искусственного интеллекта.

В настоящее время китайское юридическое сообщество провело многочисленные исследования по применению искусственного интеллекта в юридическом образовании и подготовке кадров, однако сохраняются определенные проблемы и недостатки. Например, большинство связанных с ИИ методов подготовки остаются на уровне изучения технологического аспекта, тогда как недостаточно внимания уделяется содержательному аспекту системы юридического образования и механизмам реализации.

В данной статье проводится экспериментальное исследование будущих направлений развития традиционного китайского образования, направленное на углубление академических достижений в области юридической педагогики Китая. Усиление параллельного развития технологического и содержательного аспектов юридического образования способствует цифровой трансформации китайского юридического образования и повышению качества подготовки юридических кадров.

Инновационное развитие технологического аспекта юридического образования

Практика цифрового правового строительства Китая динамично развивается, породив на национальной почве множество достижений в интеграции юридических приложений и технологий, таких как система интеллектуальных судов и электронные правительственные системы. Формирование теоретического мышления современных китайских юридических кадров, ориентированного на выявление проблем в китайском правоведении⁵, требует усиления взаимодействия с социальной практикой искусственного интеллекта. Необходимо в технологическом плане идти в ногу со временем, создавая научно обоснованную и интеллектуализированную систему юридического образования, которая будет развивать у студентов осознание «китайских проблем» и способность их решения.

⁵ Ду Яньлинь. Формирование теоретического мышления современных китайских юридических кадров // Правовая наука. 2022. № 4. С. 36–50.

1. Важный вопрос — формирование модели занятий, поддерживаемой технологиями искусственного интеллекта. Традиционное юридическое образование часто использует шаблонный подход к преподаванию, с трудом учитывающий индивидуальные особенности студентов. Основное проявление этого — лекции преподавателя в аудитории, задания для самостоятельной работы вне занятий, а в качестве учебных инструментов обычно выступают лишь учебники, что не удовлетворяет индивидуальным потребностям студентов в разнообразии образовательных ресурсов. В отличие от традиционного подхода, в центре которого преподаватель, необходимо усилить модель «перевернутого класса». Это означает превращение аудитории в пространство для самостоятельного обучения студентов и двусторонней коммуникации, где основное внимание уделяется интерактивным вопросам и ответам учащихся и преподавателя. Цифровые технологии позволяют создавать больше образовательных ресурсов, включая цифровые контекстуализированные учебные материалы, базы кейсов, обучающие видеоматериалы⁶.

Кроме того, формирование «перевернутого класса» на основе искусственного интеллекта требует переноса изучения учебного материала на этап подготовки к занятию, а интеракцию преподавателя и студентов — на цифровое воспроизведение контекстов, с использованием интеллектуальных технологических систем для персонализированного учебного планирования.

Согласно контекстно ориентированной теории обучения, учащиеся могут приобретать знания и навыки через участие в деятельности, моделирующей реальные ситуации⁷. Технологии виртуальной реальности полностью достаточны для демонстрации реальных ситуаций. Студенты могут погружаться в различные сложные правовые контексты, участвовать в дистанционных видеодискуссиях на занятиях, проводить имитационные судебные заседания, что способствует лучшему развитию способностей к решению практических задач⁸. По существу, создание интеллектуальной системы образовательных технологий представляет собой трансформацию от преподавателецентрированной лекционной модели к студентоориентированной исследовательской модели обучения. Использование искусственного интеллекта для персонализированного обучения и индивидуализированного преподавания служит фундаментальной целью формирования «перевернутого класса», ориентированного на личность.

2. Учебная программа юридического образования должна усиливать подготовку профессиональных навыков. По мере того, как технологии искусственного интеллекта становятся все более зрелыми и широко применяются, юридическая отрасль переживает глубокую цифровую трансформацию. Сценарии применения искусственного интеллекта, такие как интеллектуальный юридический поиск,

⁶ Чжан Вэньсянь. О глубокой интеграции юридического образования и искусственного интеллекта // Цифровое право. 2025. № 1. С. 4.

⁷ Юй Цзюань, На Минмин. Контекстуализированное обучение: содержание, ценность и внедрение // Вестник Восточно-Китайского педагогического университета (педагогические науки). 2023. № 1. С. 91.

⁸ Шу Яочжи, Ху Фэй. Цифровая трансформация юридического образования: логика, парадигмы и пути // Исследования юридического образования. 2023. № 3. С. 31.

автоматизированная проверка договоров, прогнозная аналитика дел и вспомогательное судебное принятие решений, продолжают расширяться, значительно повышая эффективность и качество юридической работы. Юристы должны не только понимать, но и уметь использовать различные цифровые инструменты для решения практических правовых задач, что составляет неотъемлемое базовое требование к их компетенциям. На уровне реализации учебных программ необходимо системно интегрировать цифровое учебное оборудование, усилить применение цифровых педагогических инструментов и увеличить долю онлайн-курсов, повышая эффективность использования интеллектуальных вспомогательных систем.

Внедрение искусственного интеллекта в анализ кейсов позволяет автоматически выделять юридические факты, ключевые правовые споры и основания судебных решений, помогая структурировать логику правовых умозаключений и ускоряя освоение студентами ключевых правовых аспектов. Опираясь на такие практические инструменты, как интеллектуальные симуляции судебных процессов и системы ИИ-ассистированного анализа кейсов, следует построить практико-ориентированную систему юридической подготовки, формируя у студентов междисциплинарные компетенции с базовыми навыками цифровой подготовки⁹. Подготовка навыков не только повышает эффективность обучения, вовлеченность в него, но и обеспечивает более аутентичный иммерсивный учебный опыт, что, несомненно, способствует лучшему развитию практических способностей и инновационного мышления студентов.

3. Необходимо внедрение интеллектуальных методов мониторинга качества преподавания. Традиционные подходы к оценке качества образования преимущественно полагаются на качественные методы, включая письменные экзамены, устные опросы студентов и проверку курсовых работ, что ограничивается одномерностью критериев оценки. Это приводит к задержкам в обратной связи, трудоемкости учебного процесса и неспособности комплексно отражать динамику изменений качества образования. На этой основе, используя передовые технологии анализа больших данных и искусственного интеллекта, следует реализовать функции проверки оригинальности работ, автоматической оценки заданий и интеллектуального ранжирования, создав количественную систему мониторинга с возможностями сбора данных в реальном времени, многомерного анализа и динамического прогнозирования для повышения эффективности и объективности оценки качества.

Активное использование цифровых технологий для разработки интеллектуальных инструментов, таких как «онлайн-анализ кейсов с вопросами», «автоматизированный анализ юридических документов» и «виртуальный учебный наставник», позволит синхронно усилить качество преподавания. На основе обратной связи со студентами система будет автоматически оценивать их правовую грамотность, предоставлять детализированные отчеты и оперативно осуществлять диагностику качества юридического образования. Опираясь на платформы виртуального моделирования экспериментов, необходимо сформировать

⁹ Янь Дун. О модели подготовки юристов - международников // Верховенство права в Китае. 2024. № 2. С. 102.

интегративную систему контроля качества, акцентируя внимание на ключевых показателях: уровне цифровизации учебных сценариев и эффективности анализа данных образовательного взаимодействия. Конечной целью является создание интеллектуальной системы оценки развития образования, объединяющей процессуальный и итоговый контроль¹⁰.

Трансформация развития содержательного аспекта юридического образования

Нельзя ограничиваться поверхностной интеграцией инструментов искусственного интеллекта в юридические аудитории. Подлинное углубление синтеза права и искусственного интеллекта заключается в переосмыслении содержания юридического образования через призму технологий, формирует на уровне знаний междисциплинарные юридические кадры в цифровую эпоху.

1. Необходимо ускорить междисциплинарное развитие юридического образования в новую эпоху. Современная модель юридического образования Китая демонстрирует признаки отставания: преподавание в вузах по-прежнему сосредоточено на лекционном изложении традиционного права, а при разборе кейсов преимущественно анализируются судебные прецеденты с позиций отдельных юридических дисциплин. Такой подход не охватывает новые социально-правовые проблемы, такие как алгоритмическая дискриминация, споры с участием беспилотного транспорта или нарушения прав через всплывающую интернет-рекламу. Жесткие рамки традиционной педагогической перспективы приводят к недостатку у выпускников навыков применения цифровых технологий, серьезно ограничивая способность юридического образования обслуживать строительство цифрового общества.

В целях постоянного повышения способностей в сфере научно-технических инноваций, подготовки кадров и международного сотрудничества в области искусственного интеллекта, а также для обеспечения стратегической поддержки развития нового поколения искусственного интеллекта в Китае, в феврале 2018 г. Министерство образования КНР выпустило План действий по инновациям в области искусственного интеллекта в высших учебных заведениях. План предусматривает усиление междисциплинарной интеграции искусственного интеллекта с компьютерными науками, теорией управления, квантовыми технологиями, нейро- и когнитивными науками, а также математикой, психологией, экономикой, юриспруденцией и социологией¹¹.

Таким образом, возникла концепция строительства новых гуманитарных наук, ставшая важной целью образовательной трансформации. Новые гуманитарные науки представляют собой развитие традиционных гуманитарных дисциплин¹².

¹⁰ Гу Сяоцин. Передовые тенденции цифровой трансформации образования через призму интеллектуальных технологий // Информатизация образования Китая. 2024. № 7. С. 6.

¹¹ URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2018-12/31/content_5443346.htm (дата обращения: 02.05. 20 25).

¹² Фэн Го. Новые концепции и инновации в юридическом образовании // Образование в китайских университетах. 2019. № 10. С. 32—34.

Новизна проявляется главным образом в междисциплинарной синергии, интеграции технологий и инновационных моделях подготовки кадров¹³. В академических исследованиях акцент делается на технологизацию, междисциплинарность и прикладной характер¹⁴. 3 ноября 2020 г. китайские университеты и эксперты совместно опубликовали Декларацию о строительстве новых гуманитарных наук, предложив дальнейшее устранение барьеров между дисциплинами и углубленную интеграцию гуманитарных специальностей¹⁵. Строительство новых гуманитарных наук подчеркивает междисциплинарность и «китайскую позицию», способствует интеграции знаний через междисциплинарность, стимулирует модернизацию дисциплинарных систем, нацеливаясь на развитие гуманитарного образования в ключевых технологических областях. Широкое изучение мультидисциплинарных ресурсов и усвоение теоретических знаний необходимы для преодоления одномерного юридического мышления и понимания целостных структурных проблем китайского общества¹⁶.

2. Необходимо создать дисциплинарную систему с характерными особенностями искусственного интеллекта. Китай, будучи страной романо-германской правовой системы, традиционно строил юридическое образование вокруг понимания кодифицированных правовых норм, развивая теоретическое осмысление права через интерпретацию внутренней логики и внешнее применение законодательных положений. Однако эпоха искусственного интеллекта породила множество новых правовых вызовов, включая вопросы владения данными, автономный транспорт, трансграничную передачу данных и блокчейн-нотаризацию, что требует модернизации традиционной учебной программы в соответствии с переходом от эпохи машинной индустрии к эре искусственного интеллекта, интегрируя в содержание курсов передовые правовые нормы, такие как Закон КНР о защите персональной информации¹⁷, Закон КНР о безопасности данных¹⁸ и Закон КНР о кибербезопасности¹⁹.

В целом проектирование курсов должно начинаться с базовых теорий цифрового права, усиливая систематизацию учебных программ по правовому регулированию цифрового общества. Профессор Ма Чаншань в своей монографии «Введение в цифровое право» (2022), изданной с позиций продвижения цифрового

¹³ Лю Яньхун. Исследование услуг университетских библиотек в контексте строительства новых гуманитарных наук // Книги и информация. 2019. № 4. С. 115—116.

¹⁴ Хуан Цибин, Тянь Сяомин. Происхождение, особенности и пути строительства «новых гуманитарных наук» // Вестник Сучжоуского университета. 2020. № 2. С. 75—77.

¹⁵ URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/202011/t20201103_498067.html (дата обращения: 28.04.2025).

¹⁶ Ду Гоцян. Трансформация юридического образования через призму функционализма: на примере курсов административного права // Образование в китайских университетах. 2024. № 7. С. 26.

¹⁷ URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-08/20/content_5632486.htm (дата обращения: 02.05.2025).

¹⁸ URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c2/c30834/202106/t20210610_311888.html (дата обращения: 02.05.2025).

¹⁹ URL: https://www.cac.gov.cn/2016-11/07/c_1119867116.htm (дата обращения: 02.05.2025).

правового строительства, детально обосновал логику и неизбежность перехода Китая от модернизации права к цифровой правовой модели²⁰. В апреле 2025 г. Китайский университет политических наук и права совместно с Фондом китайско-американских юридических обменов начал исследования по разработке международных учебных программ и инновационных методов онлайн-обучения для подготовки юридических кадров²¹. Формирование дисциплинарной системы с акцентом на искусственный интеллект представляет собой необходимое направление развития учебных программ в сфере искусственного интеллекта и права.

3. Необходимо расширить содержание построения базы знаний юридической педагогики. Ограниченный правовой анализ неизбежно препятствует расширению юридического кругозора, что требует перехода от односторонней правовой аналитической перспективы к интеграции с преимуществами философско-социальных наук в системном анализе²². В контексте интеграции искусственного интеллекта и юридического образования необходимо обогатить преподавание права через технологическое усиление, для чего требуется база знаний юридического образования с характерными чертами искусственного интеллекта. Создание такой базы предполагает систематизацию цифровых образовательных ресурсов, включая новые китайские судебные кейсы, международные договоры по регулированию искусственного интеллекта, национальные правовые нормы, типовые судебные прецеденты и образцы юридических документов. В рамках конкретных учебных курсов следует агрегировать междисциплинарные знания и ключевую информацию через сетевые технологии, трансформируя разрозненные учебные модули в структурированную систему знаний под искусственным интеллектом, что улучшит понимание студентами взаимосвязей между дисциплинами. Одновременно искусственный интеллект может анализировать пробелы в знаниях учащихся, интеллектуально рекомендовать ресурсы базы знаний, формируя персонализированные правовые когнитивные карты. Для преподавателей технологии искусственного интеллекта позволяют анализировать эффективность педагогических методов, повышать навыки использования цифровых инструментов и разработки онлайн-курсов, усиливая роль цифровых технологий в управлении образовательным процессом.

Заключение

Китайское юридическое образование должно активно использовать возможности технологических преобразований эпохи, встречать потенциальные вызовы, целенаправленно адаптироваться к новым требованиям интеллектуальной юридической практики. В срочном порядке необходимы инновационные преобразования, касающиеся целей подготовки специалистов, содержания образовательных про-

²⁰ Лю Бэй, Ци Ханьвэнь. О реформе юридического образования в контексте «ИИ + право» // Хабэйское право. 2023. № 6. С. 171.

²¹ URL: <https://fdjxjy.cupl.edu.cn/info/1011/3591.htm> (дата обращения: 28.04.2025).

²² Ду Яньлинь. Формирование теоретического мышления современных китайских юридических кадров // Правовая наука. 2022. № 4. С. 41.

грамм, методов обучения и развития компетенций. Следует многопланово продвигать глубокую интеграцию с искусственным интеллектом²³. Синергия юридического образования и искусственного интеллекта должна охватывать не только органичное сочетание интеллектуальных инструментов с учебным процессом, но и междисциплинарное взаимодействие с новыми направлениями ИИ-науки. Эти два аспекта, развиваясь параллельно и взаимно обогащаясь, способствуют цифровой трансформации китайского юридического образования.

Как отмечает известный китайский правовед профессор Чжан Вэньсянь, необходимо всесторонне интегрировать технологические методы и когнитивные модели искусственного интеллекта в систему учебных курсов, учебных материалов, аудиторных занятий, в образовательную экосистему права, максимально используя потенциал искусственного интеллекта для инноваций в юридической педагогике. Это позволит вывести юридическое образование на качественно новый уровень, воспитывая высококвалифицированные правовые кадры, сочетающие моральную целостность с профессиональным мастерством, способные к эффективному человеко-машинному взаимодействию²⁴.

В соответствии с национальной стратегией китайское юридическое образование неизбежно требует совместных усилий и синергии инноваций со стороны корпоративного сектора, академических кругов, юридического сообщества и государственных структур. В процессе трансформации юридического образования в эпоху искусственного интеллекта важно избегать технократического инструментализма, поскольку изменения заключаются не только в технологической модернизации цифровой инфраструктуры вузов, но прежде всего в ускорении содержательной трансформации через применение технологий искусственного интеллекта.

По сути, самый главный вопрос в юридическом образовании — как воспитывать правовые ценности и мышление²⁵. Усиление практико-ориентированного юридического образования, инновации в форматах аудиторных занятий, совершенствование мониторинга качества подготовки, разработка междисциплинарных учебных программ и создание сбалансированной системы подготовки специалистов, интегрирующей право и технологии, позволят китайскому юридическому образованию обрести новую жизненную силу и динамику в эпоху искусственного интеллекта.

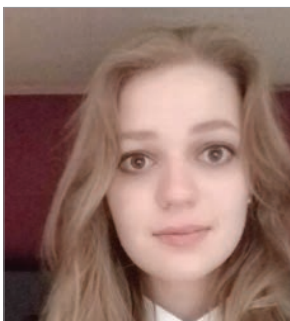
²³ Ма Чаншань. Трансформация юридического образования в цифровую эпоху // Журнал Шанхайского института политических наук и права : сборник по праву. 2023. № 1. С. 101.

²⁴ Чжан Вэньсянь. О глубокой интеграции юридического образования и искусственного интеллекта // Цифровое право. 2025. № 1. С. 5.

²⁵ Чжэн Цинхуа. Искусственный интеллект как драйвер создания новой архитектуры будущего образования // Исследования высшего образования Китая. 2024. № 3. С. 2.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гу Сяоцин. Передовые тенденции цифровой трансформации образования через призму интеллектуальных технологий // Информатизация образования Китая. — 2024. — № 7.
2. Ду Яньлинь. Формирование теоретического мышления современных китайских юридических кадров // Правовая наука. — 2022. — № 4.
3. Лю Яньхун. Исследование услуг университетских библиотек в контексте строительства новых гуманитарных наук // Книги и информация. — 2019. — № 4.
4. Ма Чаншань. Трансформация юридического образования в цифровую эпоху // Журнал Шанхайского института политических наук и права : сборник по праву. — 2023. — № 1.
5. Фэн Го. Новые концепции и инновации в юридическом образовании // Образование в китайских университетах. — 2019. — № 10.
6. Хуан Цибин, Тянь Сяомин. Происхождение, особенности и пути строительства новых гуманитарных наук // Вестник Сучжоуского университета. — 2020. — № 2.
7. Чжан Вэньсянь. О глубокой интеграции юридического образования и искусственного интеллекта // Цифровое право. — 2025. — № 1.
8. Чжэн Цинхуа. Искусственный интеллект как драйвер создания новой архитектуры будущего образования // Исследования высшего образования Китая. — 2024. — № 3.
9. Шу Яочжи, Ху Фэй. Цифровая трансформация юридического образования: логика, парадигмы и пути // Исследования юридического образования. — 2023. — № 3.
10. Юй Цзэюань, На Минмин. Контекстуализированное обучение: содержание, ценность и внедрение // Вестник Восточно-Китайского педагогического университета (педагогические науки). — 2023. — № 1.
11. Янь Дун. О модели подготовки юристов-международников // Верховенство права в Китае. — 2024. — № 2.

**Анастасия
Витальевна ОПАЛЕВА,**
аспирант кафедры
банковского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
opaleva.av2@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Момент возникновения права залога по договору залога прав по договору банковского счета

Аннотация. В статье анализируются правовая природа и особенности применения залога прав по банковскому счету как способа обеспечения обязательств. Рассматриваются изменения в гражданском законодательстве России, легализовавшие возможность использования безналичных денежных средств на банковских счетах в качестве предмета залога. Автор уделяет внимание историческим и текущим проблемам правоприменения, акцентируя внимание на правовых коллизиях и судебной практике. Особое внимание уделено механизму возникновения права залога, его акцессорной природе, а также трансформации предмета залога из имущественных прав в права по договору банковского счета. В результате системного анализа законодательных норм предложены рекомендации по совершенствованию правового регулирования и минимизации кредитных рисков, связанных с применением залога прав по банковскому счету.

Ключевые слова: залог, залог прав по договору банковского счета, залоговый счет, залог безналичных денежных средств

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.128.4.190-196

Anastasia V. OPALEVA,

Postgraduate student of the Banking Law Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

opaleva.av2@yandex.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

The Moment of Emergence of the Right of Pledge under the Agreement of Pledge of Rights under the Agreement of a Bank Account

Abstract. The article analyzes the legal nature and features of the application of a pledge of rights to a bank account as a way to secure obligations. Changes in the civil legislation of Russia that legalized the possibility of using non-cash funds in bank accounts as a subject of collateral are considered. The author pays attention to historical and current problems of law enforcement, focusing on legal conflicts and judicial practice. Particular attention is paid to the mechanism for the emergence of the right of pledge, its accessory nature, as well as the transformation of the subject of the pledge from property rights to rights under a bank account agreement. As a result of a systemic analysis of legislative norms, recommendations are proposed for improving legal regulation and minimizing credit risks associated with the use of a pledge of rights to a bank account.

Keywords: pledge, the pledge on the bank account, assigned account, pledge of non-cash funds

Возможность принятия в залог денежных средств интересовала исследователей достаточно давно. Однако долгое время гражданское законодательство не предусматривало возможности залога любых денег. В доктрине эта проблема вызывала споры. Все изменилось с принятием Федерального закона от 12.12.2013 № 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации», которым был расширен перечень отдельных видов залога, в том числе добавлены нормы о залоге обязательственных прав (требований) и залоге прав по банковскому счету.

С 01.07.2014 вступили в силу изменения в ГК РФ, регулирующие залог прав по договору банковского счета. Указанные изменения легализовали возможность залога безналичных денежных средств, находящихся на банковских счетах. Несмотря на то, что с момента введения в гражданский оборот конструкции залога прав по банковскому счету прошло более 10 лет, указанный способ обеспечения обязательств не получил широкого распространения в банковской деятельности, не стал использоваться наравне с залогом вещей (движимого и недвижимого имущества). Несмотря на указанные изменения гражданского законодательства, правовая природа залога прав по договору банковского счета до сих пор вызывает научные дискуссии.

До внесения изменений в часть первую ГК РФ в литературе были представлены диаметрально противоположные позиции исследователей о правомерности использования безналичных денежных средств в качестве предмета залога. Так, одна группа исследователей придерживалась той точки зрения, что предметом залога могут быть только вещи. Безналичные денежные средства не являются вещами в смысле ст. 128 ГК РФ, а представляют собой имущественные права клиента к кредитной организации. Поэтому, уверяли некоторые исследователи, безналичные денежные средства нельзя признать надлежащим предметом залога¹.

Иную позицию разделяли А. В. Шичанин, О. Д. Гривков, В. В. Скворцов², которые обосновывали необходимость легализации залога денежных средств в целях защиты прав залогодержателей. Судебная практика также не предусматривала возможности использования денежных средств, в том числе безналичных денег, в качестве предмета залога. Например, в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 02.07.1996 № 7965/95 была сформулирована достаточно консервативная позиция о невозможности применения безналичных денежных средств в качестве предмета залога, поскольку безналичные денежные средства не могут быть реализованы на публичных торгах. Позднее указанный тезис Высшего Арбитражного Суда РФ был также сформулирован в информационном

¹ Рубанов А. А. Залог и банковский счет в договорной практике // Хозяйство и право. 1997. № 9. С. 115—121 ; Замотаева Т. Б. Деньги как объект гражданских прав : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2003.

² Шичанин А. В., Гривков О. Д. Тенденции развития залоговых отношений в России // Законодательство и экономика. 2001. № 5. С. 16—20 ; Скворцов В. В. Развитие залога в коммерческой сфере // Актуальные проблемы коммерческого права : сб. статей / под ред. Б. И. Пугинского. М. : Зерцало-М, 2002, С. 144—145.

письме Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15.01.1998 № 26 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением арбитражными судами норм Гражданского кодекса Российской Федерации о залоге». Позицию Высшего Арбитражного Суда РФ поддерживали нижестоящие судебные инстанции³.

После внесения изменений в ГК РФ о том, что предметом залога могут быть права по договору банковского счета при условии открытия банком клиенту залогового счета, доктрина изменилась вслед за позицией законодателя. Так, по мнению В. В. Витрянского, «в отличие от наличных денег денежные средства, находящиеся на банковском счете (безналичные денежные средства), представляют собой «право на деньги», каковое, по сути, и является предметом залога по договору залога прав по договору банковского счета»⁴.

Таким образом, допустим вывод, что предметом залога по договору залога прав по договору банковского счета являются имущественные права. Представляется, что в связи с прямым признанием прав по договору банковского счета (безналичных денежных средств) надлежащим предметом залога было исчерпано основание для научной дискуссии по указанной проблеме. Однако остается вопрос о правовой природе предмета залога в рассматриваемом случае.

Залог является универсальным способом обеспечения исполнения обязательств. Как известно, обеспечительный характер, свойствен любому акцессорному обязательству и заключается в стремлении кредитора создать дополнительные гарантии исполнения основного обязательства⁵. По мнению Л. В. Гантовера, «акцессорность залога означает лишь дополнительное правоотношение, которое не может оказать влияние на обеспечиваемое обязательство»⁶. Этими признаками обладает залог прав по договору банковского счета.

Следовательно, этот залог прав следует считать акцессорным обязательством, призванным обеспечить надлежащее исполнение основного обязательства. В связи с акцессорной природой залога прав по договору банковского счета залогодержатель приобретает право удовлетворить свои требования за счет предмета залога только в случае ненадлежащего исполнения основного обязательства. Вместе с тем для эффективного применения института залога прав по договору банковского счета необходимо правильно определить момент возникновения залога, иными словами, необходимо установить, с какого момента права клиента по договору банковского счета будут находиться в залоге у залогодержателя.

Согласно пункту 1 ст. 334.1 ГК РФ, залог возникает на основании договора. В случаях, установленных законом, залог возникает при наступлении указанных в законе обстоятельств (залог на основании закона). Таким образом,

³ Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 18.07.2003 № КГ А40/4624-03 ; постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 19.02.2013 по делу № А03 16072/2012.

⁴ Витрянский В. В. Новое в правовом регулировании залога // Хозяйство и право. 2014. № 10 (453). С. 3—19.

⁵ Гражданское право : учебник : в 3 т. М. : Велби ; Проспект, 2010. Т. 1 / отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. С. 685.

⁶ Гантовер Л. В. Залоговое право: объяснения к положениям гл. IV разд. 1 проекта Ветчинного устава. СПб. : Тип. Правительствующего сената, 1890. С. 282.

законодательством предусмотрены два классических случая возникновения залога: 1) залог на основании договора; 2) залог на основании закона. При этом «по общему правилу отправной точкой для залога считается заключение договора»⁷.

Указанную выше норму закона логически дополняют правила ст. 341 ГК РФ, определяющие момент возникновения у залогодержателя права на предмет залога, которым является будущая вещь. Из пункта 2 ст. 341 ГК РФ следует, что если предметом залога является имущество, которое будет создано или приобретено залогодателем в будущем, залог возникает у залогодержателя с момента создания или приобретения залогодателем соответствующего имущества, за исключением случая, когда законом или договором предусмотрено, что оно возникает в иной срок.

Иное правило предусмотрено для залога прав по договору банковского счета. Законодательством установлено, что в этом случае залог возникает с момента уведомления банка о залоге прав и предоставления ему копии договора залога. Если залогодержателем является банк, заключивший с клиентом (залогодателем) договор залогового счета, то залог возникает с момента заключения договора залога прав по банковскому счету (ст. 358.11 ГК РФ).

Следовательно, момент возникновения права залога в отношении банковского счета зависит от статуса залогодержателя. Если залогодержателем безналичных денежных средств на залоговом счете является банк, в котором у залогодателя открыт залоговый счет, то залог прав по счету возникает с момента заключения сторонами договора залога.

В свою очередь, когда залогодержателем является иное лицо, залог прав по договору банковского счета возникает с момента выполнения следующих обязательных действий: 1) уведомления банка; 2) предоставления в банк копии договора залога прав по договору банковского счета.

Поскольку момент возникновения залога связан с наступлением двух событий, возникает вопрос, как должен определяться момент возникновения права залога в случае, если уведомление и копия договора залога прав по договору банковского счета будут направлены в банк в разное время, т.е. не одновременно. Возможно предположить, что в таком случае моментом возникновения залога прав по договору банковского счета следует считать тот, когда в банк поступят все документы, предусмотренные ст. 358.11 ГК РФ. Однако указанный подход не совсем корректно отражает суть правила ст. 358.11 ГК РФ.

В отсутствие единообразной правоприменительной практики для предотвращения возникновения споров относительно момента возникновения права залога предполагается, что уведомление банка о залоге прав по договору банковского счета должно направляться одновременно с копией самого договора залога прав по договору банковского счета. Однако на сегодняшний день ни судебной практикой, ни законодателем не установлен надлежащий порядок уведомления банка о состоявшемся факте заключения договора залога прав по счету. В законодательстве отсутствует норма, позволяющая определить, кто обязан (залогодатель или залогодержатель) уведомить банк о заключении договора залога.

⁷ Русакомский К., Кузнецова А. Что поможет банку-залогодержателю обратить взыскание на акции по договору залога // Банковское кредитование. 2022. № 4. С. 81—88.

Кроме того, в нормах ГК РФ о залоге обязательственных прав (требований) установлено, что законом или договором залога может быть предусмотрено, что денежные суммы, полученные залогодателем от его должника в счет исполнения обязательства, право (требование) по которому заложено, зачисляются на залоговый счет залогодателя. К такому счету применяются правила о договоре залога прав по договору банковского счета (п. 4 ст. 358.6 ГК РФ).

Кроме того, пунктом 5 ст. 358.9 ГК РФ установлено, что договором залога имущества иного, чем права по договору банковского счета, может быть предусмотрено, что причитающиеся залогодателю денежные суммы (*страховое возмещение за утрату или повреждение заложенного имущества, доходы от использования заложенного имущества, денежные суммы, подлежащие уплате залогодателю в счет исполнения обязательства, право (требование) по которому заложено, и т.п.*) зачисляются на залоговый счет.

Редакция ст. 358.6 и 358.9 ГК РФ обоснованно вызывает вопросы, поскольку не позволяет сделать определенный вывод о моменте возникновения залога обязательственного права по договору залогового счета при наличии условия об открытии этого залогового счета в договоре залога имущественных прав (требований).

Нестандартная позиция по указанному вопросу была изложена в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 12.09.2023 по делу № А40-58845/2018. Рассматривая обособленный спор, судебные инстанции сделали вывод о том, что ГК РФ установлено два различных случая возникновения залога прав по залоговому счету:

- 1) залог прав как отдельный вид обеспечения (п. 1 ст. 358.9 ГК РФ);
- 2) залог прав как средство обособления денежных средств в целях защиты прав залогодержателя по договору залога имущественных прав (п. 4 ст. 358.6 ГК РФ и п. 5 ст. 358.9 ГК РФ).

Указанная позиция была подтверждена определением Верховного Суда РФ от 04.03.2024 № 305-ЭС21-3750 (20,21), в котором указано, что договор залога прав по договору залогового счета может не являться обеспечением в определенных случаях, когда договор залога прав по договору залогового счета будет использоваться в качестве механизма обособления денежных средств, поступающих от контрагентов должника в счет требований, которые изначально являлись предметом залога обязательственных прав.

Представляется, что позиция судебных инстанций, позволяющая квалифицировать договор залога прав по банковскому счету как «механизм обособления денежных средств», ставит под сомнение правовую природу залога прав по банковскому счету как способа обеспечения исполнения обязательства. Вместе с тем ситуация, при которой к счету, на который поступают денежные средства по обязательствам, находящимся в залоге по договору залога обязательственных прав (требований), применяются правила о договоре залога прав по договору банковского счета, представляется весьма интересной.

С одной стороны, в силу договора залога обязательственных прав (требований) у залогодателя возникает залог в отношении имущественных прав (требований), вытекающих из обязательства залогодателя. Однако в случае, если сторонами договора согласовано условие о том, что денежные средства, поступающие по заложенным правам (требованиям), зачисляются на залоговый счет,

то к такому счету применяются правила о договоре залога прав по договору банковского счета. В указанном случае справедливо предположить, что предметом залога одновременно будут являться и обязательственные права (требования), существующие до момента исполнения контрагентами залогодателя своих обязательств на залоговый счет, и права по договору банковского счета, возникающие с момента зачисления денежных средств на залоговый счет.

Иными словами, с момента зачисления денежных средств по обязательствам, находящимся в залоге по договору залога обязательственных прав (требований), на залоговый счет происходит замена предмета залога по правилам ст. 345 ГК РФ, имущественные права (требования) по обязательству залогодателя заменяются на имущественные права (требования) по договору залогового счета.

Кроме того, при системном анализе норм гражданского законодательства возможно предположить, что правила п. 4 ст. 358.6 ГК РФ корреспондируют положениям п. 5 ст. 358.9 ГК РФ, согласно которым договор залога обязательственных прав может содержать условия о зачислении денежных средств на залоговый счет залогодателя. Иными словами, п. 5 ст. 358.9 ГК РФ содержит правило о договоре залога прав по договору банковского счета, на которое ссылается п. 4 ст. 358.6 ГК РФ.

В результате толкования п. 4 ст. 358.6 ГК РФ и п. 5 ст. 358.9 ГК РФ возможно предположить следующее. Если в договоре залога обязательственных прав (требований) предусмотрено, что денежные средства по заложенным правам (требованиям) зачисляются на залоговый счет залогодателя, то к такому счету должны применяться правила о договоре залога прав по договору банковского счета, а дополнительное заключение договора залога прав по договору банковского счета не требуется, поскольку нормой закона уже предусмотрено, что к такому счету применяются правила договора залога. Однако положения п. 4 ст. 358.6 ГК РФ и п. 5 ст. 358.9 ГК РФ не могут рассматриваться как самостоятельный случай возникновения залога прав по залоговому счету.

На основании изложенного представляется возможным сделать вывод, что момент возникновения залога по договору залога прав по договору банковского счета зависит от субъектного состава правоотношения, а также от условий и содержания договора, порождающего возникновение залога. Так, в случае если договором залога обязательственных прав (требований) предусмотрено зачисление средств на залоговый счет, залог прав по банковскому счету возникает с момента заключения указанного договора.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Витрянский В. В. Новое в правовом регулировании залога // Хозяйство и право. — 2014. — № 10 (453). — С. 24—42.
2. Гантовер Л. В. Залоговое право: Объяснения к положениям гл. IV разд. 1 проекта Вотчинного устава. — СПб. : Тип. Правительствующего сената, 1890. — 787 с.
3. Гражданское право : учебник : в 3 т. — М. : Велби ; Проспект, 2010. — Т. 1 / отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. — 1040 с.

4. *Замотаева Т. Б.* Деньги как объект гражданских прав : дис. ... канд. юрид. наук. — Самара, 2003. — 193 с.
5. *Рубанов А. А.* Залог и банковский счет в договорной практике // *Хозяйство и право*. — 1997. — № 9. — С. 115—121.
6. *Русакомский К., Кузнецова А.* Что поможет банку-залогодержателю обратиться взыскание на акции по договору залога // *Банковское кредитование*. — 2022. — № 4.
7. *Скворцов В. В.* Развитие залога в коммерческой сфере // *Актуальные проблемы коммерческого права : сб. статей / под ред. Б. И. Пугинского*. — М., 2002.
8. *Шичанин А. В., Гривков О. Д.* Тенденции развития залоговых отношений в России // *Законодательство и экономика*. — 2001. — № 5. — С. 16—20.

Экспериментальные правовые режимы как механизм внедрения цифровых инноваций

Аннотация. В статье рассматривается современная практика внедрения экспериментальных правовых режимов (ЭПР) в России как одного из методов регулирования, способствующего развитию инноваций в цифровой экономике. Основное внимание уделяется анализу теоретических аспектов ЭПР, их отличиям от других правовых инструментов, таких как регуляторные песочницы. Подчеркивается важность создания благоприятной правовой среды для стимулирования экономического роста и внедрения инновационных технологий. Автор выделяет ключевые характеристики ЭПР, включая временные ограничения, мониторинг результатов и повышенные требования к безопасности. Автор исследует отечественную практику применения ЭПР, оценивает преимущества и недостатки законодательного регулирования и приводит примеры успешных и проблемных аспектов реализации данных режимов в России. Подчеркивается потенциальная эффективность ЭПР для ускорения внедрения инноваций и оптимизации правового регулирования.

Ключевые слова: экспериментальные правовые режимы, умное регулирование, регуляторные песочницы, цифровые инновации, правовой эксперимент

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.128.4.197-203

Anastasiya V. ZEMLYANNIKOVA,

General counsel,

Department of Legal Support of Operations of the Bank of Russia

Legal Department of the Bank of Russia and banking operations,

Legal Department of the Bank of Russia,

Lecturer of Market Academy of National Economy and Public Administration

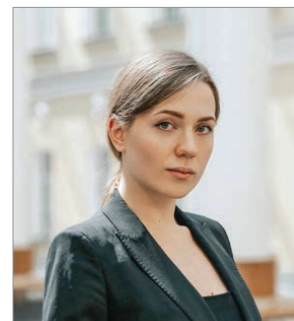
under the President of the Russian Federation Master of Law,

zemlanastasiaz@yandex.ru

12, ul. Neglinnaya, Moscow, Russia, 107016

Experimental Legal Regimes as a Mechanism for Implementing Digital Innovations

Abstract. The article examines the current practice of implementing experimental legal regimes (ELRs) in Russia as a method of regulation aimed at fostering innovation in the digital economy. It focuses on analyzing the theoretical aspects of ELRs and their differences from other legal tools, such as regulatory sandboxes. The importance of creating a favorable legal environment to stimulate economic growth and the introduction of innovative technologies is emphasized. The author identifies key features of ELRs, including

**Анастасия Валерьевна
ЗЕМЛЯНИКОВА,**

консультант

Управления правового

обеспечения операций

Банка России и банковских

операций

Юридического

департамента Банка

России,

преподаватель

Российской академии

народного хозяйства

и государственной службы

при Президенте РФ,

магистр права

zemlanastasiaz@yandex.ru

107016, Россия, г. Москва,

ул. Неглинная, д. 12

© Земляникова А. В., 2025

time limitations, monitoring of results, and increased safety requirements. The author explores domestic practices of ELR implementation, evaluates the advantages and disadvantages of legislative regulation, and provides examples of successful and problematic aspects of these regimes in Russia. In conclusion, the potential effectiveness of ELRs in accelerating innovation and optimizing legal regulation is highlighted.

Keywords: *experimental legal regimes, smart regulation, regulatory sandboxes, digital innovation, legal experiment*

Современное развитие общества и государства можно рассматривать в рамках концепции «вызов — ответ на вызов»¹. Такая парадигма мышления целесообразна в ситуациях кризиса, в результате которого государство принимает меры, направленные на смягчение негативных последствий объективно сложившихся факторов.

Тем не менее при использовании иного подхода, в котором общество является не объектом, с которым происходят неконтролируемые метаморфозы, а субъектом, создающим очертания своего пути, складывающегося из совокупности шагов, становится очевидно, что общество самостоятельно определяет направления своего развития с учетом формирующихся глобальных трендов и тенденций. Одной из таких тенденций является «уход в цифру» — цифровизация общественной жизни, нашедшая отражение в том числе в стратегических документах².

Ключевой целью современных государств является обеспечение экономического роста и благосостояния населения. Устойчивый рост экономических показателей развитых стран происходит за счет расширения высокотехнологичных секторов экономики³. В то же время регулирование зачастую лишь «поспевает» за уже появившимися технологиями: к примеру, появившиеся еще в 2008 г., но получившие широкое распространение к 2014 г. криптовалюты до сих пор комплексно не урегулированы. Безусловно, для реализации приведенной цели необходимо создание благоприятной правовой среды для их развития — правовых механизмов, не просто делающих возможным внедрение инноваций, но и постоянно стимулирующих их развитие.

Одним из таких механизмов, причем признанных на международном уровне⁴, являются экспериментальные правовые режимы (далее — ЭПР).

¹ *Toynbee A. A Study of History / Abridgement by D. Somervell. London, New York, Toronto, 1946, P. 60.*

² В частности, Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы», упоминая направление повышения конкурентоспособности отечественных технологий, говорит об инновациях как о приоритетном пути технологического развития.

³ Страны по всему миру разрабатывают программы и стратегии цифровизации. Цифровое будущее: Экономический эффект // URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2018/10/20181025_tsifrovoye-budishee-makkinzi.pdf.

⁴ OECD The role of sandboxes in promoting flexibility and innovation in the digital age. 2020 // URL: <https://goingdigital.oecd.org/toolkitnotes/the-role-of-sandboxes-in-promoting-flexibility-and-innovation-in-the-digital-age.pdf>.

В первую очередь необходимо отметить, что инновации, являясь первопричиной повторяющихся технологических революций⁵, подразумевают новизну, коммерческий потенциал и (или) социальную полезность или значимость⁶. Так, инновационный продукт или процесс его создания может выходить за рамки действующего регулирования, которое, таким образом, устанавливает правовые барьеры или даже делает невозможным внедрение той или иной инновации. При этом инновационную составляющую зачастую приносят стартапы, и для таких маленьких фирм непреодолимыми являются регуляторные барьеры⁷.

В общем смысле ЭПР представляет собой один из методов умного регулирования⁸ и подразумевает создание специального правового режима для ограниченного числа участников, который действует в течение определенного времени. Так, с помощью данного механизма компании тестируют свои решения на ограниченном участке рынка, соблюдая определенные, как правило, более мягкие требования.

Необходимо выделить следующие признаки экспериментального правового режима⁹:

- 1) установленные цели, не ограничивающиеся апробацией нового регулирования;
- 2) связь с инновационными технологиями в четко указанных сферах;
- 3) ограниченная сфера применения — четкое указание географических границ распространения нормы и ограничение количества потребителей товара или услуги;
- 4) ограничение во времени — четко установленный срок окончания, определяемый с учетом жизненного цикла инновации до утраты их коммерческой или исследовательской актуальности;
- 5) мониторинг и оценка эффектов регулирования — систематическая оценка хода экспериментов и сопутствующих эффектов для вынесения заключения об эффективности регулирования;
- 6) повышенные требования к безопасности мероприятия — ввиду имманентных рисков правового эксперимента для всех мероприятий обеспечиваются дополнительные контрольно-надзорные действия.

С экономической точки зрения ЭПР приводит к сокращению периода time-to-market, повышает доступность инвестиций, увеличивает число инноваций, которые доходят до реального рынка. По итогам внедрения могут быть подготовлены

⁵ Янковский Р. М. Правотношения в сфере инновационной деятельности // Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития : монография / колл. авт. ; отв. ред. Е. П. Губин. М. : Юстицин-форм, 2019.

⁶ Белицкая А. В. Инновации и инновационная деятельность: проблема определения и правового закрепления // Предпринимательское право. 2011. № 3. С. 11—14.

⁷ Allen Hilary J. Regulatory Sandboxes (June 25, 2019) // George Washington Law Review. Vol. 87. 2019. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3056993> (дата обращения: к сайту: 20.11.2024).

⁸ Давыдова М. Л. Умное регулирование как основа совершенствования современного правотворчества // Журнал российского права. 2020. № 11.

⁹ Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации».

новые правовые нормы или модифицированы уже существующие, что свидетельствует о том, что в общем смысле любой результат ЭПР полезен.

Таким образом, концептуально ЭПР позволяет юридическим лицам, занимающимся разработкой инновационных продуктов и услуг, проводить в ограниченной среде эксперименты по их внедрению без риска нарушения действующего законодательства.

Необходимо отметить, что ЭПР имеет доктринальные корни в теории государства и права¹⁰ и административном праве¹¹. При этом в литературе можно столкнуться с различными понятиями, которые требуют разграничения: правовой эксперимент, регулятивная (регуляторная) песочница (*regulatory sandbox* — в зарубежной литературе) и, наконец, ЭПР.

В теории государства и права существует множество подходов к пониманию правового эксперимента, в том числе как апробации законодательных новаций в ограниченном масштабе для проверки эффективности и полезности экспериментальных правовых норм и отработки будущего общего регулирования¹²; как метода правового регулирования¹³; как способа преодоления кризисных тенденций в определенной сфере законодательства¹⁴.

При этом понятие «правовой эксперимент», как представляется, является в большей степени теоретическим и наиболее широким, в основе своей имеющим политическую волю, тогда как ЭПР — понятие, воспринятое законодателем (*de lege lata*) и, как следствие, включающее специальные гарантии для субъектов, в числе которых имеется установленный для всех порядок, а также мониторинг. Правовой эксперимент может включать в себя и иные механизмы, которые также направлены на снятие регуляторных барьеров и предоставление возможности тестировать цифровые инновации.

В литературе высказывается позиция, в соответствии с которой регуляторная песочница является специальным видом ЭПР, подразумевающим сотрудничество частных и публичных субъектов¹⁵. Отметим, что вариант изложения термина «регуляторная песочница» происходит от английского аналога термина *regulatory sandbox* — в зарубежной литературе¹⁶. Он перекочевал в науку вместе

¹⁰ См.: Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения. М. : Юрид. лит., 1974. С. 85—86.

¹¹ См.: Фатьянов И. В. Правотворческий эксперимент: метод познания или метод правового регулирования? // Юридические исследования. 2015. № 12. С. 42.

¹² Правовой эксперимент и совершенствование законодательства / под ред. В. И. Никитинского и И. С. Самощенко. М. : Юрид. лит., 1988. С. 26.

¹³ Фатьянов И. В. Указ. соч. С. 42.

¹⁴ Мещерякова А. В. Концепция экспериментального законодательства и ее значение для совершенствования правотворческой деятельности // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 3. С. 57.

¹⁵ Sofia Ranchordás & Bart van Klink (eds.) *Experimental Regulations and Regulatory Sandboxes — Law Without Order?* // Special Issue Experimental Legislation in Times of Crisis Law and Method. 2021. 1. doi: 10.5553/REM/000064.

¹⁶ Allen Hilary J. (2019) "Regulatory sandboxes", *George Washington Law Review*, 87. Quan, Dan (2020) "A few thoughts on regulatory sandboxes", Technical report, Stanford PACS, Stanford University.

с самим институтом, в связи с чем допускаем его использование в доктрине наряду с термином «экспериментальные правовые режимы», которым оперирует закон. Кроме того, отмечаем, что именно русскоязычные авторы, которые при этом пишут на английском, используют указанные понятия как синонимичные¹⁷. Однако, как представляется, в теории данные понятия могут быть использованы как взаимозаменяемые, поскольку они сущностно не отличаются и обладают уже перечисленными тождественными признаками и, что главное, имеют своей целью внедрение цифровых инноваций.

При этом указанная цель может быть реализована и с помощью использования иных правовых механизмов: ими могут быть в том числе правовые акты с указанным сроком окончания действия (*sunset provisions*), регуляторные изъятия (*waivers*), письма об отсутствии возражений (*letters of no objection*). Стоит отметить, что указанные механизмы используются в большей степени в зарубежной практике, при этом каждый из них имеет свои недостатки и преимущества.

Под освобождениями (*waivers*) подразумевается предоставление точечных послаблений в соответствии с издаваемыми нормативными актами регулятора, что обуславливает отсутствие универсальности механизма — он применим лишь в тех случаях, когда возможность предоставления таких послаблений непосредственно предусмотрена регулированием. К примеру, в Австралии распространен механизм «модульного» лицензирования — ситуация, в которой компания может просить об индивидуальных точечных послаблениях.

Для получения письма об отсутствии возражений (*letters of no objection*) организация обращается к регулятору и описывает модель своего предполагаемого проекта, даже если она юридически находится в «серой зоне», т.е. формально не нарушает установленные правила, но может быть расценена регулятором как недобросовестная практика и повлечь наступление ответственности или применение санкций. Примером такого проекта является кенийская компания M-PESA (Кения)¹⁸.

Так, юрисдикции имеют различные механизмы ЭПР. К примеру, ЭПР в Новой Зеландии менее эффективен, поскольку там более распространены консультации, проводимые субъектами внутри индустрии¹⁹.

¹⁷ *Gromova E., Ivanc T.* Regulatory Sandboxes (Experimental Legal Regimes) for Digital Innovations in BRICS // URL: <https://doi.org/10.21684/2412-2343-2020-7-2-10-36> ; *Davydova M. L., Makarov V. O.* (2020) Experimental Legal Regimes (Regulatory Sandboxes): Theoretical Problems and Implementation Prospects in Modern Russia // A. Inshakova, E. Inshakova (eds) *Competitive Russia: Foresight Model of Economic and Legal Development in the Digital Age*. CRFMELD 2019. Lecture Notes in Networks and Systems, vol 110. Springer, Cham. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-45913-0_68.

¹⁸ Njuguna Ndung'u 2018 Annual Conference of the Cambridge Centre for Alternative Finance (CCAF): Reimagining Alternative Finance: Global Perspectives and Local Insights June 28, 2018 // URL: <https://www.jbs.cam.ac.uk/wp-content/uploads/2020/08/2018-keynote-ndungu.pdf>.

¹⁹ *Ingle Laurence.* Why Build a Sandbox on a Beach? An Analysis of Fintech Regulation in New Zealand (April 4, 2018). Victoria University of Wellington Legal Research Paper, Student/Alumni Paper No. 27/2018, Available at SSRN // URL: <https://ssrn.com/abstract=3156088> ; URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3156088>.

С учетом использования некоторых из названных подходов к регулированию в российских реалиях можно выделить три механизма²⁰:

- 1) правовой эксперимент — введение специального правового регулирования (издание специальных законов, например, разработка Минэкономразвития РФ законопроекта о проведении в Сахалинской области эксперимента по госрегулированию выбросов парниковых газов и обращению углеродных единиц) либо установление экспериментального регулирования подзаконным актом правительства (например, маркировка средствами идентификации);
- 2) специальный правовой режим для пилотирования моделей инновационных финансовых технологий (касается лишь инноваций в сфере финансовых рынков). Участники такой песочницы могут создать приближенную к жизни модель для оценки последствий и рисков ее внедрения;
- 3) универсальный механизм правовых экспериментов в сфере цифровых инноваций.

Таким образом, современное поступательное развитие Российской Федерации обуславливает необходимость применения эффективных средств и методов внедрения инноваций. Государство использует правовые механизмы, позволяющие вносить изменения в регулирование для реализации указанной задачи. Таким механизмом является ЭПР — способ умного регулирования, который включает создание специального правового режима для ограниченного числа участников на определенный период времени.

Отсутствует универсальный подход к экспериментальным правовым режимам в разных юрисдикциях, что вполне понятно и объясняется объективными условиями социально-экономического, политического, исторического развития каждого отдельно взятого правового порядка, которые также активно используют эксперименты в праве для развития своего законодательства.

Упоминания о методе правового эксперимента в отечественной юридической литературе не являются частыми. В то же время в доктрине существуют несколько смежных понятий, которые требуют разграничения: эксперимент в праве, экспериментальный правовой режим, регулятивная песочница.

Эксперимент в праве является термином в большей степени теоретическим и широким, в основе своей имеющим политическую волю, тогда как экспериментальный правовой режим — понятие, воспринятое законодателем (*de lege lata*) и, как следствие, включающее специальные гарантии для субъектов, в числе которых имеется установленный для всех порядок, а также мониторинг.

Необходимо констатировать исторически сложившееся многообразие форм установления экспериментальных правовых режимов, в связи с которым не только законодатель, но и иные субъекты, в том числе Банк России и инновационные стартапы, получили возможность инициировать введение экспериментального правового режима. Каждый из данных инструментов продолжит существовать автономно и реализовывать свои функции.

²⁰ *Damir R. Salikhov* Regulatory Sandboxes in Russia: New Horizons and Challenges // URL: <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2020-1-2-17-27>.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Громова Е. А. К вопросу об экспериментальных правовых режимах создания цифровых инноваций (регуляторных песочницах) // Вестник ЮУрГУ. — Серия : Право. — 2019. — № 3. — С. 36—40.
2. Давыдова М. Л. «Умное регулирование» как основа совершенствования современного правотворчества // Журнал российского права. — 2020. — № 11. — С. 14—29.
3. Добролюбова Е. И., Южаков В. Н., Старостина А. Н. Оценка качества государственного управления: обоснованность, результативность, эффективность. — М. : Дело, 2021. — 282 с.
4. Ельцов В. Н. Правовые эксперименты в современной России: оценка эффективности // Вестник Тамбовского университета. — 2008. — № 1. — С. 569—574.
5. Ефремов А. А., Добролюбова Е. И., Талапина Э. В., Южаков В. Н. Экспериментальные правовые режимы: зарубежный опыт и российский старт / науч. ред. В. Н. Южаков. — М. : Дело ; РАНХиГС, 2020. — 126 с.
6. Загайнова Г. Г. Формализация эксперимента в России: межотраслевой подход // Право и государство: теория и практика. — 2019. — № 6 (174). — С. 57—61.
7. Кукулина Е. А. «Регулятивные песочницы» как эффективный механизм реализации цифровой повестки // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: ежегодник. — 2019. — С. 265—268.
8. Полякова Т. А., Минбалева А. В. Цифровые инновации и проблемы развития механизма правового регулирования в России // Информационное право. — 2019. — № 4. — С. 12—15.
9. Южаков В. Н., Добролюбова Е. И., Ефремов А. А. Подходы к оценке результативности и эффективности экспериментов в государственном управлении // Вестник ВГУ. — Серия : Право. — 2021. — № 3 (46).
10. Butor-Keler A., Polasik M. The role of regulatory sandboxes in the development of innovations on the financial services market: the case of the United Kingdom // Economics and Law. — 2020. — № 19 (4). — P. 621—638.
11. Damir R. Salikhov «Regulatory Sandboxes» in Russia: New Horizons and Challenges // URL: <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2020-1-2-17-27>.

**Егор Константинович
ОВЧИННИКОВ,**

ведущий специалист-
эксперт

Юридического управления
Федеральной службы по
финансовому мониторингу
mrcrabs02@mail.ru

107450, Россия, г. Москва,
К-450, ул. Мясницкая,
д. 39, стр. 1

О правовой природе различных форм национальной денежной единицы

Аннотация. В настоящей работе автором с юридической точки зрения анализируется история развития денежного обращения. Формулируется вывод об отсутствии необходимых изменений в доктринальных подходах и нормативном регулировании, связанных с переходом от полноценных форм денег к неполноценным. Автором рассматриваются правовые режимы, в рамках которых осуществляется регулирование различных форм выражения национальной денежной единицы — рубля, демонстрируется наличие значительного количества противоречий в действующем законодательстве и актуальной доктрине. Делается вывод о целесообразности выделения в перечне объектов гражданских прав, представленном в ст. 128 ГК РФ, самостоятельного объекта — денег и формирования для указанного объекта обособленного правового режима, имеющего абсолютно правовую природу.

Ключевые слова: деньги, законное платежное средство, объект гражданских прав, наличные деньги, безналичные денежные средства, цифровой рубль

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.128.4.204-212

Egor K. OVCHINNIKOV,

Leading expert of the Legal division
of the Federal Financial Monitoring Service
mrcrabs02@mail.ru

39/1, ul. Myasnitskaya, K-450,
Moscow, Russia, 107450

On the Legal Nature of Various Forms of the National Monetary Unit

Abstract. In this research, the author analyzes the history of the development of monetary circulation from a legal point of view. The author concludes that there are no necessary changes in doctrinal approaches and regulation policies related to the transition from full-fledged forms of money to incomplete ones. The author examines the legal regimes within which various forms of the national monetary unit, the ruble, are regulated, and demonstrates the presence of a significant number of contradictions in the current legislation and the current doctrine. It is concluded that it is advisable to allocate an independent object, money, in the list of objects of civil rights presented in Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation, and to form a separate legal regime for this object, which has an absolute nature.

Keywords: money, legal tender, object of civil rights, cash, non-cash funds, digital ruble

I. Краткий очерк истории денег

«Деньги — это кровь экономики». Деньги, являясь всеобщим измерителем стоимости экономических благ, выступают в качестве организующего элемента гражданского оборота, опосредуют передачу ценных ресурсов между субъектами общественных отношений.

История денежного обращения уходит корнями в догосударственные формы общественной организации. Появление денег как средства универсального выражения ценности было обусловлено углублением общественного разделения труда и, как следствие, исчерпанием потенциала бартерного обмена.

В экономической теории существует большое количество критериев для классификации видов денег. Вместе с тем наиболее значимым с юридической точки зрения представляется дихотомическое деление на деньги, имеющие внутреннюю стоимость, и деньги, обладающие лишь предписываемой стоимостью.

1. «Полноценные деньги»¹

А. Товарные деньги. Изначально в качестве денег использовались различные предметы (вещи), обладавшие, как представляется, следующими основными характеристиками: количественная ограниченность (формировавшая их ценность), транспортабельность, долговечность и делимость (обуславливающие возможность их использования в качестве средства обращения). Таким образом, исторически первыми деньгами выступали «товарные деньги»², например домашний скот, морские раковины, меховые шкурки и т.д.³

Б. Полновесные металлические деньги. Длительная практика использования различных товаров в качестве денег привела к определению драгоценных металлов (прежде всего золота и серебра) в качестве наиболее подходящих для данной цели.

Рассматривая вопрос о правовой природе полноценных металлических денег (полновесных монет), П. П. Цитович определял их как «вещи, ценные своею собственною ценностью, ценные из-за того материала, из которого они сделаны»⁴, скептически отзываясь о тенденциях по введению в оборот денежных суррогатов,

¹ «Полноценные деньги имеют товарную природу, обладают собственной внутренней стоимостью» (Турбанов А. В. Цифровой рубль как новая форма денег // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 5. С. 73—90.)

² «Товарные деньги — это форма денег, представляющая собой определенный набор товаров, выступающих в качестве регионального эквивалента, покупательная способность которых основывается на их качественных характеристиках» (Пшеничников В. П. О различиях и противоречиях в трактовках форм и видов денег в современной денежной теории // Известия Санкт-Петербургского государственного университета. 2018. № 5 (113). С. 28—29.)

³ Будылин С. Л. Деньги: экономическая функция и правовая природа // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 7. С. 121—164.

⁴ Цитович П. П. Деньги в области гражданского права. Харьков, 1873. С. 29.

к которым он причислял в том числе бумажные деньги⁵. Автор особо подчеркивал, что деньги могут быть «предметом владения, т.е. не вообще, не *in abstracto*, как сумма монетных единиц, а *in concreto*, как отдельные монеты, как штуки»⁶.

Таким образом, представляется обоснованным тезис о том, что все формы полноценных денег в полной мере соответствуют современному понятию вещи, в том смысле в котором оно используется в ст. 128 ГК РФ.

2. «Неполноценные деньги»⁷

Развитие общественных отношений и, как следствие, возникновение дефицита ресурсов для изготовления достаточного количества полновесных металлических монет в конечном счете обусловили необходимость создания денежных знаков с номинальной стоимостью, превышающей внутреннюю. Так, в обороте появились *неполновесные монеты, а впоследствии и бумажные деньги*.

В связи с тем, что платежная сила денег более не могла обеспечиваться в полной мере их собственной стоимостью, возникла потребность в создании механизма, обеспечивающего обязательность приема неполноценных денег по нарицательной стоимости. Этим механизмом стала законодательно закрепленная конструкция «*законного платежного средства*», основными элементами которой следует назвать установление:

- а) государственной эмиссионной монополии⁸, позволяющей влиять на платежную силу денег посредством регулирования их общего количества в обороте;
- б) государственного клейма (символа)⁹, позволяющего идентифицировать эмитированные в установленном порядке денежные единицы, а также определенные технологические особенности их создания, позволяющие защитить их от подделки¹⁰;
- в) правил об уплате обязательных платежей в пользу государства исключительно в соответствующей денежной единице;
- г) запрета на выпуск денежных суррогатов¹¹ и ограничения на использование иностранной валюты¹²;
- д) ответственности за отказ в приеме государственной денежной единицы в качестве встречного предоставления¹³.

⁵ Цитович П. П. Указ. соч. С. 2.

⁶ Цитович П. П. Указ. соч. С. 30.

⁷ «Неполноценные деньги — это знаки (представители) стоимости» (Турбанов А. В. Указ. соч).

⁸ Конституция РФ. Ч. 1 ст. 75.

⁹ Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». П. 2.1 ст. 4.

¹⁰ УК РФ. Ст. 186.

¹¹ Конституция РФ. Ч. 1 ст. 75 ; Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». Абз. 2 ст. 27.

¹² Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле».

¹³ См., например: КоАП РФ. Ч. 4 ст. 14.8.

Необходимо отметить, что режим «законного платежного средства», будучи по своей природе в основном публично-правовым, нашел отражение и в частном праве. Так, характеризуя понятие «законного платежного средства», профессор Л. А. Лунц отмечал, что оно является «крайним и принудительным средством исполнения обязательства»¹⁴.

Согласно ст. 140 ГК РФ законным платежным средством, обязательным к приему по нарицательной стоимости на всей территории Российской Федерации, является *рубль*. Обозначенная норма не конкретизирует форму существования национальной валюты, признавая законным платежным средством рубль как единицу стоимости с определенной платежной силой, а не конкретный способ ее выражения¹⁵.

Важно заметить, что сформированная в силу необходимости закрепления платежной силы денежных знаков, не обладавших внутренней стоимостью, категория «законного платежного средства» никак не повлияла на устоявшуюся в российской цивилистической доктрине типологию объектов гражданских прав, несмотря на то что изменение экономического содержания денежных отношений требовало соответствующих правовых изменений. Их отсутствие впоследствии привело к тому «хаосу с отражением денег как объекта прав»¹⁶, который имеет место в современном российском законодательстве.

II. Деньги как объекты гражданских прав в современном российском законодательстве

1. Наличные деньги

Согласно актуальной редакции ст. 128 ГК РФ наличные деньги отнесены к категории вещей. При этом в обороте наличные деньги выступают в двух качествах: «как *res* и как сумма денежных единиц»¹⁷. Представляется, что в первом случае (когда речь идет о монетах, банкнотах как предметах в собственном смысле этого слова) правовой режим вещей распространяется на наличные деньги без каких-либо ограничений.

Вместе с тем в гражданском обороте наличные деньги участвуют в абсолютном большинстве случаев как определенное количество единиц стоимости. Так, например, предметом договора займа будут являться не соответствующие количество, вид, серия монет или банкнот, а их нарицательная платежная сила. Аналогично при предъявлении виндикационного иска у недобросовестного

¹⁴ Лунц Л. А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. М. : Статут, 2004. С. 13.

¹⁵ Именно этим объясняется использование в абз. 1 ст. 29 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» понятия законного средства *наличного* платежа.

¹⁶ Габов А. В. Цифровой рубль Центрального банка как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 4. С. 55—65.

¹⁷ Ефимова Л. Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // Цивилист. 2022 № 4. С. 6—15.

приобретателя истребуются не денежные знаки, а сумма их нарицательных стоимостей.

Можем ли мы в полной мере «подчинить» оборот наличных, воспринимаемых в вышеуказанном качестве, правилам, предусмотренным вещно-правовым режимом? Ответ представляется неоднозначным. Так, рассматривая наличные деньги как единицы стоимости в контексте традиционной для российского права триады правомочий прав собственника, мы сталкиваемся с определенными трудностями при описании правомочия владения. Учитывая, что нарицательная стоимость сама по себе не имеет материальной формы, владение ею в строгом смысле не представляется возможным. К тому же в отношении «денежной суммы» правомочие пользования в полной мере сливается с правомочием распоряжения. Это обуславливает, в частности, невозможность использования при защите права негаторного иска.

Таким образом, представляется, что исторически обусловленная трансформация полноценных наличных денег в наличные деньги с нарицательной стоимостью привела к появлению в обороте, помимо собственно материальных предметов (монет и банкнот), нового объекта — денежных сумм¹⁸ (номиналов), в отношении которых применение вещно-правового режима не представляется возможным.

2. Безналичные денежные средства¹⁹

В цивилистической доктрине сформировалось несколько основных подходов к пониманию правовой природы безналичных денежных средств.

Согласно *обязательственно-правовому подходу*, закрепленному в текущей редакции ст. 128 ГК РФ, безналичные денежные средства являются правами требования по договору банковского счета о выдаче эквивалентной суммы наличных денег, а также об осуществлении переводов по поручению клиента.

Представляется, что данный подход содержит в себе внутренние противоречия, которые не позволяют считать его в достаточной степени правильным. Так, используемая для описания статике отношений между кредитной организацией и клиентом обязательственно-правовая теория не может предложить непротиворечивого объяснения правовой природы межбанковского перевода безналичных денежных средств²⁰.

Более того, при рассмотрении обязательственно-правового определения безналичных денежных средств с точки зрения логики его построения в нем обнаруживается наличие рекурсии. Проиллюстрируем это рассуждение с использованием приведенной выше дефиниции: «Безналичные денежные средства являются правами требования о выдаче эквивалентной суммы наличных денег...».

Сформулировав в отношении данного фрагмента вопрос: «В обмен на что выдается эквивалентная денежная сумма?», получаем: «Безналичные денежные

¹⁸ Любопытно заметить, что законодатель в ст. 845 ГК РФ предпочел использовать именно этот термин.

¹⁹ В настоящей работе электронные денежные средства предлагается воспринимать как разновидность безналичных денежных средств.

²⁰ См.: Банковское право : учебник для бакалавров / отв. ред. Л. Г. Ефимова, Д. Г. Алексева. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2021. С. 362.

средства являются правами требования о выдаче эквивалентной суммы наличных денег в обмен на права требования о выдаче эквивалентной суммы наличных денег...». Данную рекурсивную цепочку можно продолжать бесконечно.

Обозначенное выше рассуждение справедливо и в отношении второй части рассматриваемого определения (прав требования об осуществлении переводов по поручению клиента). Представляется, что указанная выше логическая ошибка возникает в связи со смешением в обязательственно-правовой теории собственно объекта гражданских прав — безналичных денежных средств и обязательственных правоотношений, возникающих в отношении него²¹.

Еще одним аргументом, свидетельствующим об ошибочности обязательственно-правового подхода, являются нормы, сформулированные в ст. 859 ГК РФ. Так, при расторжении договора банковского счета в случае неявки клиента за получением остатка денежных средств банк зачисляет указанный остаток на специальный счет, открытый в Банке России. Общеизвестно, что так как права требования возникают из договора, при его расторжении они по общему правилу прекращаются. Тем не менее согласно абз. 2 п. 6 ст. 859 ГК РФ бывший клиент банка, не состоящий с ним в каких-либо обязательственно-правовых отношениях, имеет право потребовать возврата безналичных денежных средств, ранее перечисленных на специальный счет в Банке России. В связи с этим представляется, что упомянутое лицо сохраняет в отношении безналичных денежных средств некоторое абсолютное право, сходное по своей правовой природе с правом собственности.

Поскольку рассмотренные выше противоречия невозможно игнорировать, в доктрине были сформулированы *вещно-правовая* и *вещно-обязательственная теории*, рассматривающие безналичные денежные средства либо как вещи, либо все же как права требования, в отношении которых в определенных случаях могут применяться правила, характерные для правового режима вещей.

Представляется, что указанные подходы, как и обязательственно-правовой подход, не позволяют непротиворечивым образом объяснить правовую природу безналичных денежных средств. Так, в рамках вещно-правового подхода предлагается игнорировать отсутствие физической формы выражения безналичных денег. При этом данная теория не учитывает, что многие особенности вещно-правового режима как раз и обусловлены наличием у вещей материальной формы (например, правило передачи права собственности на вещи в рамках традиции). Таким образом, безналичные денежные средства не могут быть подчинены вещно-правовому режиму, так как представляют собой онтологически иные объекты гражданско-правовых отношений.

В отношении же вещно-обязательственного подхода могут быть выдвинуты аргументы, ранее использованные при рассмотрении в отдельности как вещно-правового, так и обязательственно-правового подхода.

²¹ Данное логическое противоречие и следующий за ним вывод о самостоятельной «объектности» безналичных денежных средств используются, например, К. Ю. Молодыко в его работе, посвященной полному пересмотру системы «банковских» договоров. См.: *Молодыко К. Ю.* Критика концепции договора банковского счета как самостоятельного вида гражданских договоров // Вестник СПбГУ. Серия 14 : Право. 2014. № 4. С. 72—116.

Таким образом, следует констатировать отсутствие в перечне, закрепленном в ст. 128 ГК РФ, объекта, правовой режим которого соответствовал бы в полной мере природе безналичных денежных средств. Вместе с тем при исследовании практики использования безналичных денежных средств в гражданском обороте можно сделать вывод о том, что они так же, как и наличные, представляют собой определенные денежные суммы.

То есть, несмотря на различные формы выражения, и наличные, и безналичные деньги целесообразно было бы воспринимать как *единый объект гражданских прав*, регулируемый в рамках обособленного правового режима, абсолютно-правового по своему содержанию.

Указанный подход разделял и профессор В. А. Лапач, утверждавший, что «более отвечающей современным реалиям была бы редакция ст. 128 ГК, обеспечивающая “прямое” вхождение денег (в наличной и безналичной формах) в объем понятия “имущество” как самостоятельного имущественного блага»²².

Любопытно отметить, что предлагаемая в настоящей работе позиция закреплена в настоящее время в частности в п. 2 ст. 115 ГК Республики Казахстан: «К имущественным благам и правам (имуществу) относятся: вещи, деньги, в том числе иностранная валюта»²³.

3. Цифровой рубль

По сообщениям Банка России, уже с 01.07.2025 частные лица получают возможность полноценно использовать ресурсы платформы цифрового рубля для осуществления финансовых операций²⁴.

Федеральным законом от 24.07.2023 № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» цифровой рубль как объект гражданских прав был причислен к безналичным денежным средствам (правам требования).

Следовательно, цифровой рубль в соответствии с закрепленным в законодательстве (и поддержанным большинством исследователей²⁵) *обязательно-правовым подходом* — это право требования по договору счета цифрового рубля²⁶ об осуществлении переводов по поручению пользователя.

Представляется, что в отношении текущей редакции ст. 128 ГК РФ в части цифрового рубля могут быть представлены те же критические замечания, которые были использованы при рассмотрении безналичных денежных средств. Так,

²² Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002.

²³ URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1006061&pos=1722;-44#pos=1722;-44 (дата обращения: 22.12.2024).

²⁴ URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=20991> (дата обращения: 22.12.2024).

²⁵ См., например: Турбанов А. В. Указ. соч. ; Андрианова Н. Г. Финансово-правовые особенности цифрового рубля как вида цифровой валюты центрального банка // Банковское право. 2024. № 3. С. 24—32 ; Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Правовое регулирование цифрового рубля // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 1. С. 48—55.

²⁶ Имеется в виду договор счета цифрового рубля с пользователем платформы.

обязательственно-правовой подход к объяснению правовой природы цифрового рубля не может предложить правовой конструкции, непротиворечиво описывающей механизм «конвертации» цифровых рублей в безналичные денежные средства, предложить определение цифрового рубля, избавленное от логической ошибки, приводящей к рекурсии. При этом отсутствие физической формы выражения обуславливает, как и в случае с безналичными денежными средствами, возможность рассмотрения цифрового рубля в рамках *вещно-правового* и *вещно-обязательственного подходов*.

Вместе с тем цифровой рубль будет являться полноценной формой национальной денежной единицы, используемой наряду с наличными и безналичными деньгами. В связи с этим представляется обоснованным отнесение его к предлагаемому в настоящей работе консолидированному объекту гражданских прав — деньгам (денежным суммам).

III. Заключение

Обобщая вышесказанное, необходимо сформулировать основной тезис настоящего исследования: все формы существования национальной денежной единицы (как материальные, так и лишенные физической природы) в гражданском обороте существуют и используются как единый по своему содержанию объект — деньги (денежные суммы). В связи с этим формирование единого правового режима для указанного сняло бы достаточно большое количество доктринальных споров, особенно актуализировавшихся с появлением различных цифровых сущностей, претендующих на денежную природу.

Представляется целесообразным сформулировать определение денег как предлагаемого к закреплению объекта гражданских прав.

1. *Экономический подход*. Экономическая наука рассматривает деньги в функциональном аспекте, признавая тот или иной объект в качестве денег в случае, если он способен выполнять определенный набор базовых денежных функций: меры стоимости, средства обращения, средства платежа и др.²⁷ — и признается оборотом. Таким образом, с точки зрения экономики под *деньгами* понимается «все, что выполняет функции денег; все, что признается людьми в качестве средства обмена»²⁸.

2. *Юридический подход*. Учитывая, что используемые в современном мире деньги являются по своей природе неполноценными, под *деньгами* в юридическом смысле предлагается понимать закрепленные в определенной форме (материальной или нематериальной) универсальные единицы выражения стоимости, платежная сила которых обеспечивается государством с использованием политических, экономических и правовых средств. Таким образом, к деньгам, с точки зрения российского законодательства, могут быть отнесены все формы

²⁷ Перечень несколько разнится в зависимости от конкретного исследователя, но приведенные функции упоминаются наиболее часто.

²⁸ Макконнелл К. Р., Брю С. Л., Флинн Ш. М. Экономикс : принципы, проблемы и политика : учебник / пер. с англ. 21-е изд. М. : Инфра-М, 2023.

выражения рубля (наличные, безналичные (в том числе электронные денежные средства) и цифровые рубли), являющиеся законными платежными средствами, а также иностранная валюта.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Андрианова Н. Г.* Финансово-правовые особенности цифрового рубля как вида цифровой валюты центрального банка // Банковское право. — 2024. — № 3. — С. 24—32.
2. Банковское право : учебник для бакалавров / отв. ред. Л. Г. Ефимова, Д. Г. Алексеева. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2021.
3. *Будылин С. Л.* Деньги: экономическая функция и правовая природа // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2023. — № 7. — С. 121—164.
4. *Габов А. В.* Цифровой рубль Центрального банка как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — № 4. — С. 55—65.
5. *Ефимова Л. Г.* О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // Цивилист. — 2022. — № 4. — С. 6—15.
6. *Лапач В. А.* Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002. — 542 с.
7. *Лунц Л. А.* Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. — М. : Статут, 2004.
8. *Макконнелл К. Р., Брю С. Л., Флинн Ш. М.* Экономикс : принципы, проблемы и политика : учебник / пер. с англ. — 21-е изд. — М. : Инфра-М, 2023.
9. *Молодых К. Ю.* Критика концепции договора банковского счета как самостоятельного вида гражданских договоров // Вестник СПбГУ. — Серия 14 : Право. — 2014. — № 4. — С. 72—116.
10. *Пшеничников В. П.* О различиях и противоречиях в трактовках форм и видов денег в современной денежной теории // Известия Санкт-Петербургского государственного университета. — 2018. — № 5 (113).
11. *Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г.* Правовое регулирование цифрового рубля // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — № 1. — С. 48—55.
12. *Турбанов А. В.* Цифровой рубль как новая форма денег // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — № 5. — С. 73—90.
13. *Цитович П. П.* Деньги в области гражданского права. — Харьков, 1873.

Иджара мунтахия биттамлик — исламская модель потребительского финансирования (на примере законодательства Республики Таджикистан)

Аннотация. Одним из договоров, посредством которых может осуществляться исламское потребительское финансирование, является иджара мунтахия биттамлик (ИМБ). Этот договор регламентируется Инструкцией № 224 и Шариатским стандартом № 9 ААОИФИ. Нормативные требования, прописанные в указанных документах, особенно в Инструкции № 224, являются весьма трудно понимаемыми. Это связано с тем, что данный договор, хотя и является аналогом традиционного финансового лизинга, во многих аспектах отличается от него. Ключевыми факторами также являются терминология, юридические нюансы и сложность процессов, прописанных в документах. По этим причинам сегодня концепция ИМБ еще не до конца раскрыта в традиционной правовой доктрине, что обуславливает необходимость ее глубокого осмысления.

В статье рассматривается процедура реализации договора ИМБ, в том числе порядок передачи/перехода права собственности на его предмет, и выделяются четыре вида названного договора.

Ключевые слова: потребительское финансирование, ислам, иджара, договор

**Мухаммадюсуф
ШУХРАТПУР,**

аспирант кафедры
гражданского права,
процесса
и международного
частного права
Юридического института
Российского университета
дружбы народов
mshukhratpur@list.ru
117198, Россия, г. Москва,
ул. Миклухо-Маклая, д. 6

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.128.4.213-218

Muhammadyusuf SHUKHRATPUR,

Postgraduate student of the Department of civil law, process
and private international law, Law Institute,
Peoples' Friendship University of Russia
mshukhratpur@list.ru
6, ul. Miklouho-Maklaya, Moscow, Russia, 117198

**Ijara Muntahia Bittamlik —
Islamic Model of Consumer Finance
(on the Example of the Republic of Tajikistan)**

Abstract. One of the contracts through which Islamic consumer finance can be implemented is Ijarah Muntahiyah Bittamleek (IMB). This contract is regulated by Instruction No. 224 and Sharia Standard No. 9 of the AAOIFI. The regulatory requirements specified in these documents, especially in Instruction No. 224, are quite difficult to understand. This is due to the fact that this

© Шухратпур М., 2025

contract, although analogous to traditional financial leasing, differs from it in many respects. Key factors are also the terminology, legal nuances and complexity of the processes specified in the documents. For these reasons, today the concept of IMB has not yet been fully disclosed in the traditional legal doctrine, which necessitates its deep understanding.

The article examines the procedure for implementing the IMB contract, including the procedure for transferring/transferring ownership of its subject, and identifies four types of this contract.

Keywords: *financing, consumer, Islam, ijara, contract*

В исламском банке, в отличие от традиционного банка, процесс одалживания и погашения долга с потребителями оформляется не в форме кредита, а в форме финансирования. Одним из договоров, концепция которого позволяет осуществлять исламское потребительское финансирование, является иджара мунтахия биттамлик (аренда с последующей передачей/переходом права собственности).

Иджара мунтахия биттамлик (ИМБ) регламентируется Инструкцией № 224¹ и Шариатским стандартом № 9 ААОИФИ².

Правоотношения по ИМБ обычно осуществляются между тремя участниками: *клиентом* (арендатором, лизингополучателем, муджиром); *исламской кредитной организацией* (арендодателем, лизингодателем, мустаджиром); *продавцом* (поставщиком, первоначальным собственником имущества). Однако сам договор ИМБ является двусторонним (заключается между *арендатором* и *арендодателем*) и реальным. Правоотношения между исламской кредитной организацией (ИКО) и продавцом оформляются в рамках договора купли-продажи. Если ИКО не может самостоятельно приобрести имущество для последующей сдачи в аренду, то в этих правоотношениях появляется еще один участник — *агент*.

Итак, реализация правоотношения по ИМБ осуществляется в три этапа.

На первом этапе *клиент обращается в ИКО* с заявлением о приобретении имущества у определенного продавца, которое клиент намерен арендовать. После принятия ИКО положительного решения по заявлению клиент дает письменное обещание взять имущество в аренду и вносит определенную сумму (хамиш джиддия) как способ обеспечения исполнения обязательства (п. 98, 99 Инструкции № 224 и п. 2.1, 2.3, 2.4 Стандарта № 9).

На втором этапе *ИКО покупает определенный товар у продавца*. ИКО приобретает право собственности на имущество у третьего лица или у самого арендатора для последующей сдачи в аренду (п. 106, 107, 110 Инструкции № 224 и п. 3.1.2, 3.2, 3.5 Стандарта № 9).

¹ Инструкция Национального банка Таджикистана № 224 «Об операциях, проводимых согласно исламским принципам финансирования в исламских кредитных организациях» // URL: https://nbt.tj/files/islamik_banking/Instruksiya_224_ru.pdf (дата обращения: 17.04.2022).

² Шариатские стандарты / Организация бухгалтерского учета и аудита исламских финансовых учреждений (ААОИФИ). М. : Исламская книга, 2017.

На третьем этапе *ИКО сдает купленное имущество в аренду клиенту с последующей передачей/переходом права собственности на него*. На этом этапе заключается договор ИМБ, в силу которого арендатору за определенную плату (уджра) предоставляются права владения (хукук аль-хиязат) и право пользования (хукук аль-интифа) имуществом.

Итак, исследуя затронутый выше вопрос, следует подчеркнуть, что в теории и практике традиционной юриспруденции и шариата традиционная аренда и исламская иджара обычно делятся на два вида:

- 1) операционная аренда-operating lease (иджара ташкигилия) — аренда без передачи/перехода права собственности;
- 2) финансовая аренда-financial lease (финансовая иджара) — аренда с последующей передачей/переходом права собственности.

Данная классификация аренды установлена в Инструкции № 224 и Стандарте № 9. Однако на сегодняшний день существует еще один вид аренды, который менее распространен, чем вышеупомянутые. Этот вид аренды подразумевает, что имущество приобретается у лица, которое впоследствии становится арендатором (п. 107 Инструкции № 224 и п. 3.2 Стандарта № 9). Хотя в Инструкции № 224 и Стандарте № 9 такому виду договора не дается особое название, в отдельных законах³ и в доктрине⁴ он называется возвратным лизингом (lease-back).

Таким образом, следует отметить, что необходимо внести изменения в Инструкцию № 224 и установить возвратный договор иджара мунтахия биттамлик.

Одним из дискуссионных вопросов договора ИМБ, является порядок передачи/перехода права собственности на имущество (предмет договора ИМБ) от арендодателя к арендатору. В Инструкции № 224 указано, что передача/переход права собственности на имущество оформляется не договором ИМБ, а на основании другого документа. При этом Инструкция устанавливает два взаимоисключающих порядка передачи/перехода права собственности:

- 1) путем обещания (продать или дарить), которое должно осуществляться без заключения отдельного договора (п. 135, 136 Инструкции № 224). При этом обещание имеет две основные формы:
 - продажа: а) за символическую плату; б) за оговоренную плату; в) с помощью прогрессивной выплаты оставшейся части арендной платы; г) путем выплаты рыночной стоимости арендованного имущества;
 - дарение: а) без указания причины; б) после выплаты оставшихся арендных платежей (наступления определенного события). Пункт 135 Инструкции № 224 устанавливает, что передача права собственности подтверждается отдельным документом в виде обещания, а п. 136 этого документа гласит, что обещание

³ Закон Республики Таджикистан от 07.04.2003 № 366 «О финансовой аренде (лизинге)». Ст. 1, 4 // URL: <http://ncz.tj/legislation> (дата обращения: 19.04.2024).

⁴ Дун И. Р. Возвратный лизинг в России // Финансы и кредит. 2011. № 9 (441). С. 51—55 ; Батрова Т. А. Использование модели возвратного лизинга нелегальными кредиторами: проблемы судебной практики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 10. С. 8—12 ; Вакутин Н. А., Федулова Е. А. Определение влияния возвратного лизинга на параметры финансового состояния компании // Финансы и кредит. 2021. Т. 27. № 1 (805). С. 189—210.

передать право собственности является обязательным для арендодателя, при этом двусторонний договор не заключается;

- 2) путем заключения договора купли-продажи или дарения, согласно п. 137 Инструкции № 224, где установлено, что передача права собственности осуществляется на основании договора дарения или продажи, который заключается отдельно от договора иджара и предоставленного обещания.

Необходимость заключения отдельного договора купли-продажи или дарения, помимо договора ИМБ, исходит в первую очередь из Шариатского стандарта № 9 ААОИФИ. Однако условия правоотношения, при которых отпадает необходимость заключения отдельного договора купли-продажи или дарения, и роль обещания арендодателя передать право собственности на имущество арендатору в правоотношениях по договору ИМБ в правовой науке до конца не раскрыты.

Для решения данной проблемы необходимо подчеркнуть обычный порядок и последовательность подписания ряда документов при реализации всех обязательств в рамках правоотношений по ИМБ, которые осуществляются в следующей последовательности:

- предоставление клиентом (будущим арендатором) заявления ИКО (будущему арендодателю);
- предоставление клиентом обещания взять имущество в аренду у ИКО (будущего арендодателя);
- заключение договора купли-продажи между ИКО и продавцом;
- заключение договора ИМБ между арендодателем (ИКО) и арендатором (клиентом);
- предоставление арендодателем обещания продать или подарить имущество арендатору;
- заключение договора купли-продажи или дарения между ИКО и клиентом.

Следует особо отметить, что переход права собственности в одном случае может быть осуществлен без заключения договора купли-продажи или дарения. Однако содержание Инструкции № 224, в которой изложена соответствующая норма, совершенно неясно, если ее смысл не интерпретировать в сочетании с содержанием Стандарта № 9.

Итак, в п. 138 Инструкции № 224 установлено следующее: «В случае заключения договора с отложенным условием по исполнению условий новый договор на передачу права собственности не заключается». Значение этой нормы можно понять, обратившись к п. 8.4 Стандарта № 9, который устанавливает: «В случае, если договор аренды связан посредством отдельного документа с обещанием дарения, связанного с выплатой оставшихся арендных платежей в срок договора аренды, право собственности на объект аренды переходит к арендатору автоматически при выполнении данного условия без необходимости выполнения дополнительных действий или заключения договора».

Таким образом, проблема процедуры перехода права собственности на предмет договора ИМБ без заключения дополнительного договора относительно решена, однако для глубокого понимания вопроса необходимо вернуться к правовой доктрине, которая различает следующие виды договора ИМБ:

- иджара аль-тамвилия / иджара ва иктина (аренда и финансирование/приобретение). Согласно этому договору, аренда (иджара) и купля-продажа (бай)

осуществляются в рамках одного документа⁵. В этом случае арендодателю нет необходимости предоставлять арендатору обещание продать или подарить ему имущество, что исключает заключение соответствующих дополнительных договоров. Иджара аль-тамвилия является единственным видом договора ИМБ, в котором право собственности на предмет договора *переходит автоматически* при выполнении всех его условий, *а не передается* посредством заключения других дополнительных договоров;

- иджара тумма аль-бай (аренда, затем продажа). Уникальность этого договора заключается в том, что договор аренды (иджара) и договор купли-продажи (бай) заключаются отдельно⁶.

Необходимо идентифицировать еще два вида договоров ИМБ, которые регулируются Инструкцией № 224 и Стандартом № 9, но не имеют обособленного названия, и дать им определение:

- иджара мунтахия биттамлик ин тарик аль-хиба (аренда с последующей передачей права собственности посредством дарения). В данном случае заключаются два договора: договор аренды (иджара) и договор дарения (хиба);
- бай ва иадат аль-иджара (продажа и обратная аренда). Данный вид договора ИМБ, как уже отмечалось, заключается между ИКО, которая выступает одновременно в качестве покупателя и арендодателя, и клиентом, который является как продавцом, так и арендатором.

Подводя итог, следует признать, что правильное понимание и применение норм имеет решающее значение для эффективного внедрения исламского финансирования, что также должно быть дополнено их надлежащим фиксированием в соответствующих правовых актах.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Батрова Т. А.* Использование модели возвратного лизинга нелегальными кредиторами: проблемы судебной практики // *Законы России: опыт, анализ, практика.* — 2021. — № 10. — С. 8—12.
2. *Вакутин Н. А., Федулова Е. А.* Определение влияния возвратного лизинга на параметры финансового состояния компании // *Финансы и кредит.* — 2021. — Т. 27. — № 1 (805). — С. 189—210.
3. *Дун И. Р.* Возвратный лизинг в России // *Финансы и кредит.* — 2011. — № 9 (441). — С. 51—55.

⁵ An analytical study of ijarah as a mode of finance in Islam / M. Noman, M. Rahman [et al.] // *Journal of Positive School Psychology.* 2022. Т. 6. № 11. P. 3166.

⁶ *Hassan R., Yusoff A., Muneeza A.* Legal stains in the Malaysian Islamic banking practices of Al Ijarah Thumma Al Bai (AITAB) / // *World.* 2012. Т. 2. № 1. P. 95 ; *Awang M. D., Asutay M.* Maqasid al Shariah perspectives on the implementation of Hire-Purchase Act 1967 in Malaysia with reference to Al-Ijarah Thumma al-Bai financing contract // *Malaysian Journal of Consumer and Family Economics.* 2017. Т. 20. P. 38.

4. An Analytical study of ijarah as a mode of finance in Islam / M. Noman, M. Rahman [et al.] // Journal of Positive School Psychology. — 2022. — Т. 6. — № 11. — P. 3161—3171.
5. *Awang M. D., Asutay M.* Maqasid al Shariah perspectives on the implementation of Hire-Purchase Act 1967 in Malaysia with reference to Al-Ijarah Thumma al-Bai financing contract // Malaysian Journal of Consumer and Family Economics. — 2017. — Т. 20. — P. 36—56.
6. *Hassan R., Yusoff A., Muneeza A.* Legal stains in the Malaysian Islamic banking practices of Al Ijarah Thumma Al Bai (AITAB) // World. — 2012. — Т. 2. — № 1. — P. 95—100.

ПРАВО В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

Из периодики прошлого

Национализация кредитной системы Российской империи¹

**Юрий Григорьевич
ШПАКОВСКИЙ,**
главный редактор
журнала «Вестник
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
доктор юридических наук,
профессор

Вопросам захвата революционным правительством Государственного банка Российской империи в первые дни Октябрьской революции в 1917 г. посвящено значительное количество научных работ².

Советское правительство изначально сделало ряд важных шагов на пути к построению замкнутой экономики. Прежде всего была сломана банковская система Российской империи, которая зародилась еще в 1733 г.

Известно, что старт национализации частных кредитных организаций в советской России был дан Декретом СНК от 27 декабря 1917 г. и последующим визитом революционных солдат и матросов в крупнейшие акционерные банки Петрограда.

Декрет о национализации банков гласил: «В интересах правильной организации народного хозяйства, в интересах решительного искоренения банковской спекуляции и всемерного освобождения рабочих, крестьян и всего трудящегося населения от эксплуатации банковским капиталом и в целях образования подлинно служащего интересам народа и беднейших классов — единого народного банка Российской Республики, Центральный исполнительный комитет постановляет: банковское дело объявляется государственной монополией; все ныне существующие частные акционерные банки и банкирские конторы объединяются с Государственным банком; активы и пассивы ликвидируемых предприятий перенимаются Государственным банком; порядок слияния частных банков с Государственным банком определяется особым декретом; временное управление делами частных банков передается совету Государственного банка; интересы мелких вкладчиков будут целиком обеспечены».

Однако процесс огосударствления банковской системы растянулся на годы и кардинально изменил финансово-экономическую систему страны.

Безусловно, правительство В. И. Ленина в своих решениях опиралось на идеи, изложенные в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. В таких программных работах, как «Принципы коммунизма», «Требования Коммунистической партии Германии», «Манифест Коммунистической партии» был сформулирован ряд принципиальных положений, касавшихся использования денег и кредита в ходе построения победившим пролетариатом нового общества: концентрация кредитного и денежного дела в руках государства посредством учреждения национального банка с государственным капиталом; введение государственной монополии на банковское дело и закрытие всех частных банков и контор; регулирование кредита в интересах всего народа и подрыва господства крупных финансистов.

Первая оценка событий 1917—1918 гг. по национализации банковской системы Российской империи была дана VIII съездом РКП(б) в марте 1919 г.:

¹ Материал подготовлен с использованием интернет-ресурсов.

² URL: <https://istprof.ru/2316.html>.

«Избегнув ошибки Парижской коммуны, советская власть в России сразу захватила государственный банк, перешла затем к национализации частных коммерческих банков, приступила к объединению национализированных банков, сберегательных касс и казначейств, создавая таким образом остов единого народного банка Советской республики и превращая банк из центра экономического господства финансового капитала и орудия политического господства эксплуататоров в орудие рабочей власти и рычаг экономического переворота»³.

Безусловно, история формирования главного банка нашей страны свидетельствует о тяжелом и трудном пути создания кредитной системы молодого Советского государства. Так, в период военного коммунизма правительство В. И. Ленина, зная тезис К. Маркса, о том, что «...кредитная система послужит мощным рычагом во время перехода от капиталистического способа производства к способу производства ассоциированного труда»⁴, 19 января 1920 г. приняло решение о ликвидации основного звена кредитной системы. Декретом СНК Народный банк РСФСР⁵ был упразднен, его активы и пассивы были переданы Центральному бюджетно-расчетному управлению Наркомфина.

Но уже 16 ноября 1921 г. в числе первых шагов нэпа был учрежден Государственный банк РСФСР, впоследствии преобразованный в Государственный банк СССР.

Важно заметить, что необходимость индустриализации определила потребность в больших объемах финансирования, которое в то время мог обеспечить только Государственный банк.

Историки подробно описывают события октября — декабря 1917 г., связанные с национализацией Государственного банка Российской империи и коммерческих банков, дают оценку причин и мотивов принятия тех или иных решений руководством РКП(б) и СНК. При этом в разные периоды оценки и выводы историков существенно различались.

В настоящем выпуске журнала мы представляем статью «Из истории национализации банков (1917—1918 гг.)» известного историка, доктора исторических наук, члена редакционной коллегии журнала «История СССР» Владимира Яковлевича Лаверычева, ранее опубликованную в № 1 журнала «История СССР» за 1980 г.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М. : Политиздат, 1983. Т. 2. С. 89.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М. : Политиздат, 1962. Т. 25, Ч. II. С. 157.

⁵ В декретах и постановлениях Совнаркома того времени употребляются наименования: Народный банк Российской республики, Народный (бывш. Государственный) банк, Народный (Государственный) банк Российской Советской Республики и др.

В. Я. ЛАВЕРЫЧЕВ

ИЗ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ БАНКОВ [1917—1918 гг.]

После Великой Октябрьской социалистической революции в Советской России развернулись интенсивные процессы перестройки всей общественной жизни, создания и укрепления социалистического уклада в экономике. Передовой отряд российского рабочего класса — Коммунистическая партия, руководимая В. И. Лениным, организуя пролетарские массы, осуществляла решительные меры по организации народного хозяйства страны на новых социалистических принципах. Естественно, что эта проблема привлекает пристальное внимание советских историков. Она обстоятельно исследуется, в частности, в монографии Е. Г. Гимпельсона¹, где рассматривается установление советской системы управления народным хозяйством в 1917—1920 гг. Такой подход, бесспорно, выражает главное направление исследования проблемы, которая и в наши дни в связи с переходом на путь социалистического строительства ряда стран имеет большое международное значение. Составной ее частью является вопрос об использовании Советской властью учетно-регистрационного и распределительного аппарата, сложившегося до Великой Октябрьской социалистической революции в банках, синдикатах и государственно-монополистических органах. Изучение его позволяет ярче раскрыть созидательную, творческую сторону диктатуры пролетариата,

¹ См. Гимпельсон Е. Г. Великий Октябрь и становление советской системы управления народным хозяйством (ноябрь 1917—1920 г.). М., 1977.

всемерно развивавшей и бережно охранявшей финансово-экономический аппарат управления народным хозяйством страны.

Еще в 1919 г. появилась книга А. И. Потяева, в которой освещались некоторые аспекты этого процесса², а в 1925 г. в журнале «Пролетарская революция» были опубликованы содержательные мемуарные материалы Д. П. Боголепова³.

История национализации частных коммерческих банков достаточно обстоятельно была исследована Б. Ривкиным⁴. Она освещалась также в книгах В. П. Дьяченко и М. С. Атлас⁵. Исследование этого вопроса было продолжено в новом издании книги Б. Ривкина, появившейся под другим названием к 40-летию Великого Октября⁶. В обобщающей работе В. П. Дьяченко национализации банков также уделяется значительное внимание⁷. Следует отметить существенный вклад в освещение темы А. М. Гиндина, который попытался последовательно показать, как проводилась национализация частных коммерческих банков на примере Петрограда⁸.

Известный итог разработки вопроса суммирован в «Истории Коммунистической партии Советского Союза», где отмечается, что национализация банков проводилась в острой борьбе с саботажниками, что она обеспечила не только национализацию промышленности, но и организацию всего народного хозяйства. Декрет о национализации «был полностью осуществлен» к осени 1918 г.⁹

Тем не менее дальнейшее изучение тех или иных аспектов проблемы продолжается. Об этом свидетельствуют, в частности, статьи В. В. Журавлева и Л. Е. Шепелева, содержащие детальный анализ источников по истории подготовки декрета ВЦИК от 14 декабря 1917 г. о национализации банков¹⁰. Специального рассмотрения заслуживает, на наш взгляд, вопрос об осуществлении диктатурой пролетариата своих государственных и классовых функций при проведении декрета.

В первые же часы Октябрьской революции, утром 25 октября 1917 г., вооруженные моряки по предписанию Петроградского ВРК установили охрану Государственного банка. Известно, что Советское правительство сразу же столкнулось с организованным и активным саботажем всего аппарата банка и бывшего Министерства финансов. Подавляющая часть старых чиновников не признавала новой народной власти, была резко враждебно настроена по отношению к большевикам, стремилась внести хаос и дезорганизацию в хозяйственную жизнь страны. Местные конторы Государственного банка также не выполняли требований Советов¹¹.

² См. Потяев А. Финансовая политика Советской власти. Пг., 1919.

³ См. Боголепов Д. Финансовое строительство в первые годы Октябрьской революции. — «Пролетарская революция», 1925, № 4 (39).

⁴ См. Ривкин Б. Финансы и кредит в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Госфиниздат, 1939.

⁵ См. Дьяченко В. П. Советские финансы в первой фазе развития социалистического государства, ч. 1. 1917—1925. М., 1947; Атлас М. С. Национализация банков в СССР. М., 1948.

⁶ См. Ривкин Б. Финансовая политика в период Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957.

⁷ См. Дьяченко В. П. История финансов СССР. 1917—1950. М., 1978, с. 8—24.

⁸ См. Гиндин А. Как большевики национализировали частные банки (Факты и документы послеоктябрьских дней в Петрограде). М., 1962.

⁹ См. История Коммунистической партии Советского Союза, т. 3, книга первая. М., 1967, с. 470—472.

¹⁰ См. Журавлев В. В. Три декрета Советской власти. В кн. Исторические записки, т. 100. М., 1977; Шепелев Л. Е. Декрет о национализации банков. В сб. Вспомогательные исторические дисциплины, т. IX. Л., 1978.

¹¹ См. Боголепов Д. Указ. соч., с. 148—153; Ривкин Б. Финансовая политика в период Великой Октябрьской социалистической революции, с. 76—78.

В обзоре деятельности Народного комиссариата финансов отмечалось: «Было время, когда почти единственным работником во всем Комиссариате финансов был народный комиссар и несколько его помощников, которые одни должны были готовить финансовые мероприятия и проводить их в жизнь, вся же остальная сложная машина бездействовала и вся страна, где саботаж был слабее или его вовсе не было, была отрезана от центра и предоставлена своей собственной участи»¹².

Магнаты финансового капитала, объединенные в Комитете съездов представителей акционерных коммерческих банков, стремились сохранить свои руководящие позиции. Совещание представителей банков, постановив открыть частные коммерческие учреждения в Петрограде 27 октября, вместе с тем приняло решение «сообразовать часы функционирования частных банков с деятельностью Государственного банка и ограничить круг операций наиболее необходимыми»¹³. Старшие чиновники Министерства финансов и Государственного банка, игнорируя требования Советского правительства, подчинялись только решениям нелегального совещания министров и товарищей министров Временного правительства, координирующего всю антисоветскую деятельность в Петрограде¹⁴. Развертывалась экономическая контрреволюция. Например, в период с 25 октября по 24 ноября частные банки в дни, когда они работали, открывались всего на один или два часа, а неделю они вообще не действовали.

Советское правительство стремилось не допустить обострения обстановки. Так, фактический руководитель Наркомата финансов В. Р. Менжинский вынужден был направить 30 октября в Комитет съездов акционерных коммерческих банков следующее указание: «Настоящим предписываю завтра, 31 октября, открыть все банки для оплаты чеков по текущим счетам торгово-промышленных предприятий. Неисполнение означенного приказа повлечет за собой самую строгую революционную ответственность». Только под угрозой ареста руководители банков дали распоряжение открыть их 31 октября всего на один час¹⁵.

9 ноября Советское правительство предъявило Государственному банку ультиматум о выдаче на нужды Совнаркома 25 млн. руб. После очередного отказа саботажников комиссаром банка с правами управляющего назначается В. В. Оболенский (Н. Осинский), организовавший ревизию кладовых банка¹⁶. Решительные действия рабоче-крестьянского правительства (арест 50 организаторов саботажа, отстранение от службы явных контрреволюционеров, привлечение на сторону Советской власти низших чиновников и счетчиков, смещение управляющего и пр.) дали возможность, сохранив механизм Государственного банка, постепенно все эффективнее направлять его работу в интересах социалистического строительства¹⁷. Овладение Государственным банком позволило Советскому правительству проводить более твердую политику по отношению к частным коммерческим банкам, остававшимся важнейшим инструментом финансирования промышленности, сельского хозяйства, торговли и транспорта.

¹² ЦГАНХ, ф. 7733, оп. 1, д. 57, л. 2.

¹³ Комитет съездов акционерных коммерческих банков. Обзор деятельности съездов представителей акционерных коммерческих банков и их органов. 1 июля 1916 г.—1 января 1918 г. Пг., 1918, с. 111.

¹⁴ См. Ривкин Б. Финансовая политика в период Великой Октябрьской социалистической революции, с. 79.

¹⁵ См. Гиндин А. Указ. соч., с. 16.

¹⁶ См. История Коммунистической партии..., т. 3, кн. 1, с. 471.

¹⁷ См. Ривкин Б. Финансовая политика в период Великой Октябрьской социалистической революции, с. 77—81.

В. В. Журавлев совершенно справедливо отмечает, что Советское правительство «никогда не делало тайны из своих принципиальных намерений на этот счет»¹⁸. Курс на национализацию банков как важнейшей составной части учетно-регистрационного и распределительного аппарата, который нельзя разрушать и необходимо, расширяя и усовершенствуя его, поставить на службу делу социалистического строительства, В. И. Ленин, как известно, обстоятельно обосновал еще накануне Великого Октября в таких выдающихся теоретических трудах, как «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» и «Удержат ли большевики государственную власть». После революции этот курс был подтвержден в опубликованном 6—8 ноября обращении В. И. Ленина «К населению», где определенно говорилось о подготовке закона о национализации банков и синдикатов. В самом же начале обращения внимание акцентировалось на сопротивлении капиталистов, помещиков и их служащих мероприятиям Советского правительства. При этом В. И. Ленин прямо указывал, что они «грозят прекращением деятельности банков»¹⁹.

Действия магнатов финансового капитала в этом направлении характеризовались необыкновенной целеустремленностью и большой оперативностью. Во второй половине ноября 1917 г. частные коммерческие банки якобы из-за отсутствия средств были большей частью закрыты. В это же время «для регулирования отношений» между ними был устроен частный расчетный отдел в помещении Азовско-Донского банка. Отдел, координируя расчеты по чекам, переводам и другим денежным документам²⁰, способствовал объединению частных коммерческих банков и как бы отчасти заменял для них Государственный банк, опираться на который они теперь уже не имели возможности.

Советское правительство в этот период было заинтересовано в использовании существовавшей системы кредитования промышленности, находившейся в руках частных коммерческих банков. Поэтому комиссар Государственного банка Н. Осинский 30 ноября обратился к Комитету съездов акционерных коммерческих банков с предложением представителям правлений банков прибыть на совещание, где предполагалось обсудить вопрос о подкреплении частных коммерческих банков средствами и о согласованных действиях их в области кредитования промышленности с Государственным банком²¹. Результатом этих совещаний явилось соглашение, благодаря которому частные банки получили из Государственного банка значительные средства²². Распределение их оказалось фактически вне контроля Советского правительства. В обзоре деятельности Народного комиссариата финансов указывалось: «Со дня Октябрьской революции и до середины декабря Комиссариат финансов тщетно пытался установить контроль над деятельностью банков. Разного рода ведомости, предоставляемые банками, но не подкрепляемые наблюдением и контролем на местах агентами Советской власти, являлись лишь прямой формальностью, и деятельность банков протекала на прежних основаниях, поскольку она не ограничивалась отсутствием наличных денежных знаков. Назначения комиссаров в банки встречало препятствия не только со стороны банкиров, но и со стороны служащих, объявлявших, что появление комиссаров в банке повлечет за собой забастовку»²³. В докладной записке Временного правления Народного

¹⁸ См. Исторические записки, т. 100, с. 273.

¹⁹ Ленин В. И. ПСС, т. 35, с. 65.

²⁰ См. Комитет съездов акционерных коммерческих банков, с. 112.

²¹ ЦГАНХ, ф. 2324, оп. 1, д. 10, л. 1.

²² Там же, ф. 7733, оп. 1, д. 343, л. 80.

²³ ЦГАНХ, ф. 7733, оп. 1, д. 57, л. 3.

банка отмечалось также, что техническая сторона банковской работы в учреждениях частного коммерческого кредита в последние месяцы 1917 г., т. е. после Октябрьской революции, была далеко не на высоте требований: «Записи в книгах велись неаккуратно и несвоевременно; они отставали иногда на целые месяцы»²⁴. Нет сомнения, что отнюдь не безграмотностью определялось такое положение. Умышленно нарушая нормы бухгалтерского учета, руководители банков стремились тем самым избежать контроля народной власти, иметь возможность продолжать свою контрреволюционную деятельность²⁵.

Комитеты местных отделений частных коммерческих банков также упорно уклонялись от лояльного сотрудничества с Советской властью. Это вызывало решительные действия со стороны местных Советов, революционными мерами пресекавших их попытки дезорганизовать экономическую жизнь республики. В документах Комитета съездов указывалось, что начиная с конца ноября местные комитеты уведомляли его о «захвате банков военной силой, об арестах отдельных лиц из состава администрации и о назначении в банки комиссаров. На такие действия новой власти администрация банков и служащие обычно реагировали прекращением работ»²⁶.

Используя дополнительные денежные резервы Государственного банка, магнаты финансового капитала в первой половине декабря активизировали и деятельность Частного расчетного отдела²⁷. Именно в это время объединенные банки провели свою организационную работу по выпуску чеков, вводимых под взаимную круговую ответственность, для обеспечения денежного обращения. В буржуазной печати эти чеки расценивались как денежные суррогаты, которые будут приниматься в оплату наряду с государственными деньгами. Было уже напечатано таких бонов-чеков на один миллиард рублей. По существу это была попытка вступить на путь самостоятельной (помимо Государственного банка) эмиссии денежных знаков²⁸.

Игнорирование частными банками контроля Государственного банка, подготовка подрывной акции, посягающей на его руководящую роль в финансово-экономической жизни страны, ускорили национализацию частных коммерческих банков. В речи о национализации банков на заседании ВЦИК 14(27) декабря 1917 г. В. И. Ленин говорил: «Для проведения контроля мы их, банковских дельцов, призвали и с ними вместе выработали меры, на которые они согласились, чтобы при полном контроле и отчетности получать ссуды. Но нашли среди банковских служащих люди, которым близки интересы народа, и сказали: „они вас обманывают, спешите пресечь их преступную деятельность, направленную прямо во вред вам“. И мы поспешили»²⁹.

Советское правительство решительно пресекло коварные замыслы магнатов финансового капитала. Во избежание ущерба делу национализации ее начали не с декларирования, а с фактического овладения банками, иначе руководители банков изъяли бы ценности и еще более запутали делопроизводство. Утром 14 декабря вооруженные отряды во главе с представителями Советской власти заняли большую часть петроградских банков, а 15 декабря такую операцию осуществили в Москве. В банки были назначены комиссары, от членов правлений затребо-

²⁴ Там же, ф. 2324, оп. 1, д. 10, л. 64.

²⁵ См. Гиндин А. Указ. соч., с. 31–34.

²⁶ Комитет съездов акционерных коммерческих банков, с. 198.

²⁷ Там же, с. 113–114.

²⁸ См. Ривкин Б. Финансы и кредит в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции, с. 62–63.

²⁹ Ленин В. И. ПСС, т. 35, с. 172.

ваны ключи кладовых, некоторые из банковских деятелей подверглись временному аресту. Вечером 14 декабря ВЦИК принял декрет о национализации банков. Обосновывая провозглашенные декретом меры, В. И. Ленин особо подчеркивал необходимость наложения железной руки диктатуры пролетариата на старый мир. «Слова — диктатура пролетариата, — говорил он, — мы произносим серьезно, и мы ее осуществим»³⁰.

Руководители финансовой жизни капиталистического общества рискнули на дальнейшее усиление борьбы, пытаясь во что бы то ни стало сохранить в своих руках важнейшие нити воздействия на экономическую жизнь. Под их руководством началась забастовка служащих коммерческих банков как в Петрограде, так и в Москве³¹. В Москве, например, из более чем 6 тыс. банковских служащих первоначально лишь несколько десятков человек остались на своих местах и стали работать вместе с представителями Совета³². Такое же положение было и в Петрограде. Обзор Наркомфина так характеризует общее состояние дела к концу декабря: «Работа финансового аппарата иногда почти замирала, некому было послать денежные знаки, некому было распределять их по кассам и выдавать населению». Руководители Наркомата финансов справедливо оценивали эту ситуацию как результат подрывной деятельности заклятых врагов народного правительства, «которые не брезговали никакими средствами, чтобы сорвать или скомпрометировать новую власть»³³. И тем не менее даже в этих чрезвычайных обстоятельствах комиссары банков, используя отдельных специалистов, оформляли первоочередные чеки представителям фабрично-заводских комитетов и начинали по ним оплату³⁴.

В ходе упорной борьбы с саботажниками, привлекая на свою сторону честных специалистов, Советское правительство постепенно налаживало работу центрального финансового аппарата³⁵. Особое значение при этом на первых порах имела организация бесперебойного текущего финансирования промышленных предприятий. Полная их остановка даже на короткий срок угрожала параличом всей хозяйственной жизни и могла вызвать недовольство и брожение малосознательных слоев населения, на что и рассчитывали организаторы саботажа.

В Петрограде, где саботаж банковских служащих был особенно упорен, вся работа по овладению аппаратом частных коммерческих банков первоначально координировалась товарищем управляющего Государственным банком, руководившим специальным управлением бывших частных банков, размещавшимся в здании Учетно-ссудного банка Персии. В первую очередь он опирался на комиссаров банков. Все текущие операции бывших частных коммерческих банков сосредоточивались в четырех самостоятельных отделениях Государственного банка. В этих

³⁰ Ленин В. И. ПСС, т. 35, с. 173.

³¹ См. Комитет съездов акционерных коммерческих банков, с. 114—115; Гиндин А. Указ. соч., с. 54—55. При этом показательно, что 15 декабря на совещании комиссаров Государственного банка с представителями правлений, приглашенными для определения порядка ликвидации дел, последние внесли предложение «выяснить сущность и форму контроля», т. е., игнорируя декрет о национализации, пытались вернуться к старым и безобидным для них формам контроля. Они откровенно заявляли при этом, что если правила такого контроля окажутся приемлемыми, то «быть может удастся склонить профсоюз в интересах скорейшего возобновления деятельности банков прекратить забастовку» (см. Ривкин Б. Финансовая политика в период Великой Октябрьской социалистической революции, с. 93).

³² ЦГАНХ, ф. 2324, оп. 1, д. 10, л. 64.

³³ ЦГАНХ, ф. 7733, оп. 1, д. 57, л. 2.

³⁴ См. Гиндин А. Указ. соч., с. 59—64.

³⁵ См. Ривкин Б. Финансовая политика в период Великой Октябрьской социалистической революции, с. 96.

отделениях, сформированных по территориальному принципу (расположение банковских учреждений в одном районе), была объединена соответствующая документация и постепенно производилось слияние текущих счетов³⁶. В дальнейшем число таких отделений увеличивается. Так, в конце 1917 г. VI отделение Государственного банка (район бывшей Сенной площади), размещенное в помещении городской конторы Петроградского Международного коммерческого банка, объединило делопроизводство Петроградского Международного коммерческого банка, Русского для внешней торговли банка, Русско-Азиатского банка и Московского промышленного банка³⁷.

К началу апреля 1918 г. отделения, объединившие текущие операции бывших частных банков в Петрограде, встали на достаточно прочную почву. Управление бывших частных банков было упразднено, а его функции переданы Центральному управлению Народного банка (бывшего Государственного банка)³⁸. Несколько позже определенные функции по координации работы в национализированных банках были возложены на Совет экспертов, в распоряжении которого имелся штат инспекторов³⁹. Решение всех этих задач облегчалось тем, что в начале января 1918 г. в Петрограде была уже пробита первая серьезная брешь в едином фронте саботажников. Более 600 сотрудников бывших частных коммерческих банков приступили к работе⁴⁰.

Такие же, как в Петрограде, принципы осуществления национализации (образование единого Народного банка республики путем слияния и централизации отделов бывших частных банков) наблюдались в Москве и в провинции, хотя организационные формы имели иногда существенные различия.

В Москве вся повседневная работа по национализации банков направлялась Финансовым отделом (Советом) Моссовета, назначившим комиссаров частных коммерческих банков и руководившим их деятельностью. Практические меры в этом направлении определялись на совместных заседаниях Финансового отдела и банковских комиссаров, проходивших в конце декабря почти ежедневно. На первом же совещании 24 декабря 1917 г. был создан Совет комиссаров частных коммерческих банков Москвы, начавший координировать всю повседневную работу по осуществлению национализации банков⁴¹. Совет банковских комиссаров, видя основную цель «в полной централизации всех банков путем объединения по возможности большего числа отделов», вынужден был учитывать факт отсутствия технических сил. Поэтому 26 декабря он признал необходимым работы по централизации пока ограничить операциями текущих счетов. Было решено к 29 декабря в одном из банков сосредоточить книги, денежные документы и соответствующую текущую корреспонденцию всех московских банков. Отделение текущих счетов, в котором намечалось постепенно объединить текущие счета тех или иных клиентов, разбросанные по всем московским банкам, предполагалось открыть 3 января 1918 г.⁴² Центральный отдел текущих счетов первоначально обслуживал лишь по 200 клиентов в день, а в конце января — уже свыше 600⁴³. Наплыв посетителей в январе — марте был настолько значительным, и аппарат отдела настолько слабым, что «одно время

³⁶ ЦГАНХ, ф. 2324, оп. 1, д. 3, л. 73; оп. 25, д. 42, лл. 16—18.

³⁷ Там же, оп. 25, д. 146, л. 48.

³⁸ Там же, оп. 1, д. 3, л. 73.

³⁹ Там же, д. 10, л. 164.

⁴⁰ См. Гиндин А. Указ. соч., с. 92—93.

⁴¹ ЦГАНХ, ф. 2324, оп. 25, д. 18а, л. 91.

⁴² Там же, л. 92.

⁴³ ЦГАНХ, ф. 2324, оп. 1, д. 10, л. 64; оп. 25, д. 18а, лл. 103—104.

отдел вынужден был не впускать всех желающих получить деньги, да и попавшие в банк простаивали по несколько часов в хвосте»⁴⁴.

Расширение финансовых операций отдела текущих счетов, необходимость осуществления основных задач национализации заставили в конце февраля 1918 г. создать в Москве Временное правление отделения Народного банка, действующее параллельно с правлением Народного (бывшего Государственного) банка и оказавшее здесь более долговечным, чем специальный центральный орган в Петрограде. Временное правление сосредоточило в своих руках все функции Финансового отдела Моссовета по осуществлению национализации бывших частных банков⁴⁵. Под руководством Временного правления постепенно налаживается деятельность Центрального отдела текущих счетов и предпринимаются первые шаги по централизации других отделов бывших частных коммерческих банков.

Огромное значение имело преодоление саботажа банковских служащих. Постепенно в этом деле наметились сдвиги. 28 января 1918 г. поступило заявление значительной группы (свыше 200 человек) бывших служащих Московского купеческого банка о желании вернуться на работу. Они были использованы при создании планов и осуществлении централизации банковского дела⁴⁶.

В январе 1918 г. представители основных саботирующих групп служащих стали обращаться к органам Советской власти (в Финансовый отдел Моссовета) с предложениями о ликвидации «забастовки». Однако они выдвигали требование о передаче им всей технической организационной части банковского дела, соглашаясь оставить Советской власти лишь руководство банковской политикой⁴⁷. Подобное «анархо-синдикалистское» требование на деле означало сохранение руководства в руках хозяев банков, контролировавших действия своих старых служащих. Естественно, что оно было отвергнуто. В конце января совещание служащих бывших частных коммерческих банков приняло решение обратиться в Совнарком с просьбой принять на службу всех саботажников без исключения. Совнарком, обсудив этот вопрос по докладу Я. М. Свердлова, постановил: никаких переговоров с организованными саботажниками не вести. Вместе с тем народным комиссарам было предоставлено право принимать на работу лиц, подчиняющихся Советской власти и необходимых для дела.

На первом заседании Временного правления и Совета банковских комиссаров в Москве, состоявшемся в феврале 1918 г., в принятом по этому же вопросу решении отмечалось: не вести никаких переговоров «с какими бы то ни было организованными группами саботажников..., ибо прием для них на службу выработан один, то есть поодиночке, по разным банкам и путем фильтрации через местные комитеты и комиссариаты»⁴⁸. В начале марта служащие бывших частных коммерческих банков Москвы обратились с заявлениями в Моссовет о своем желании прекратить «забастовку». Совет, определив общие условия приема, все дальнейшие переговоры передал Временному правлению. С 11 марта по 2 апреля поступили заявления от всех пожелавших начать работу. Они рассматривались в Центральной паритетной комиссии, созданной Временным правлением в целях отбора сотрудников для финансового аппа-

⁴⁴ Там же, д. 10, лл. 70—71.

⁴⁵ Там же, лл. 64—65.

⁴⁶ Там же, л. 65.

⁴⁷ ЦГАНХ, ф. 7733, оп. 1, д. 63, л. 5.

⁴⁸ Там же, ф. 2324, оп. 25, д. 3, л. 50.

рата Советской власти. В общей сложности в списках лиц, подавших заявления, значилось 3500 бывших служащих банков. Комиссия отобрала из них лишь 30% ⁴⁹. Руководители советских органов проводили тщательную проверку специалистов, стремясь не допустить в государственный аппарат активных контрреволюционеров, убежденных противников Советской власти. Механизм диктатуры пролетариата и в этом случае призван был обеспечить хозяйственное строительство первого в мире социалистического государства.

Таким образом, осуществление национализации банков в центрах финансово-экономической жизни (Петроград, Москва) сталкивалось с огромными трудностями, вызванными саботажем и связанной с ним задержкой в овладении сложным механизмом аппарата общественного регулирования. Преодоление саботажа к апрелю 1918 г. как бы давало возможность «естественного» развития процессов, прерванных активным противодействием магнатов финансового капитала и их агентуры на 2–3 месяца.

Весьма интенсивно протекал процесс национализации на местах. Так, 2 апреля из Рязани сообщалось в отдел местных органов Государственного банка, координировавшего работу по национализации на местах, что национализированные банки «являются уже филиальными отделениями» Государственного банка, находящимися под его повседневным контролем. Формальное их слияние не осуществилось лишь по техническим причинам. В конце апреля бывшие отделения столичных банков и формально стали именоваться филиалами Народного банка Российской Федерации в Рязани ⁵⁰.

В Казани саботаж служащих прекратился к 1 февраля 1918 г. Это позволило начать операцию объединения текущих счетов частных коммерческих банков в I отделении Народного банка (бывшем Казанском купеческом банке), где сосредоточены были текущие счета отделений Азовско-Донского и Русско-Азиатского банков, и во II отделении (Волжско-Камском банке), куда собрали документы остальных отделений частных коммерческих банков ⁵¹.

В Иваново-Вознесенске функционировавшие в городе отделения Московского и Соединенного банков были первоначально закрыты, а затем ликвидационная комиссия приступила к слиянию их с Народным банком ⁵². В Твери отделение Русско-Азиатского банка было закрыто, и ликвидационный баланс на 1 апреля 1918 г. передан отделению Народного банка ⁵³. В Томске все отделения национализированных банков в конце марта уже стали филиалом местного отделения Народного банка ⁵⁴.

К сожалению, в ряде случаев местные органы Советской власти не сумели установить действенный контроль над отделениями банков, что позволило банковским служащим перевести значительные денежные резервы в столицу, использовавшиеся для финансирования саботажников ⁵⁵.

Характеризуя трудности того периода, важно отметить, что Советское правительство во главе с В. И. Лениным, проявляя дальновидность и партийную принципиальность, продолжало последовательно осуществлять национализацию банков. Развивая и закрепляя идеи декрета о национализации, оно 29 декабря 1917 г. запретило сделки с процентными

⁴⁹ ЦГАНХ, ф. 7733, оп. 1, д. 63, л. 6.

⁵⁰ Там же, ф. 2324, оп. 25, д. 46, лл. 4, 7.

⁵¹ ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 2, д. 71, л. 36.

⁵² Там же, ф. 2324, оп. 25, д. 170, л. 11.

⁵³ Там же, д. 169, л. 4.

⁵⁴ Там же, д. 48, л. 235.

⁵⁵ См. Потяев А. Указ. соч., с. 25.

бумагами и оплату купонов и дивидендов, а 23 января 1918 г. принял декрет о конфискации всех акционерных капиталов бывших частных коммерческих банков и передаче их Народному банку⁵⁶.

Укрепление позиций Советской власти к апрелю 1917 г. в целом и ликвидация саботажа банковских служащих, в частности, позволили партии и Советскому правительству активизировать деятельность в сфере финансового строительства. В программной работе В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти» содержится определенное указание «продолжать дальше национализацию банков и идти неуклонно к превращению банков в узловые пункты общественного счетоводства при социализме». Для этого необходимы были и привлечение вкладов, и увеличение числа отделений Народного банка⁵⁷. Вопросы банковской политики в конце марта — начале апреля 1918 г. при активном участии В. И. Ленина обсуждались на совещании руководителей Народного банка и Наркомфина (А. П. Спундз, И. Э. Гуковский и др.). Первое совещание завершилось принятием тезисов банковской политики, в которых указывалось, что она, не ограничиваясь национализацией банков, должна постепенно, но неуклонно направляться в сторону их превращения в единый аппарат счетоводства и регулирования социалистически организованной хозяйственной жизни всей страны в целом. Вместе с тем первый пункт тезисов был нацелен на завершение предыдущего этапа работы. Он гласил: «Прежнему персоналу служащих (с правом Комиссариата государственного банка отвести некоторых из них) каждого частного банка дается ультимативное поручение в кратчайший срок привести в порядок все дела банка и составить баланс в окончательной форме, во-первых, на 14 декабря 1917 г., во-вторых, на последний день операций»⁵⁸. К этому же времени относится написанный В. И. Лениным между 10 и 15 апреля 1918 г. документ об основных положениях хозяйственной и банковской политики. В числе важнейших мер социалистического строительства здесь указаны: «I. Доведение до конца национализации промышленности и обмена. II. Национализация банков и постепенный переход к социализму». Далее определяются значение принудительного объединения населения в потребительские общества, организация учета и контроля над производством и распределением, укрепления трудовой дисциплины и пр.⁵⁹ В мае — июне 1918 г. вопросы финансовой политики неоднократно рассматривал Совнарком⁶⁰.

Еще в момент определения высшими органами Советской власти общих линий конкретной деятельности в области финансово-экономической жизни, 10 апреля в Государственном (Народном) банке созывается совещание специалистов (теоретиков и практиков) банковского дела для разработки плана завершения национализации банков в Советской России. При этом уместно заметить, что при последовательном проведении линии диктатуры пролетариата В. И. Ленин и партия никогда не игнорировали знания и опыта буржуазных специалистов, всегда отдавали себе отчет в важности привлечения к делу социалистического строительства широких слоев интеллигенции. Это в полной мере относится к такому сложному и тонкому делу, как национализация банков. Еще 14 декабря 1917 г. В. И. Ленин признавал: «Мы знаем, что это сложная

⁵⁶ См. Шепелев Л. Е. Указ. соч., с. 293—294; ЦГАНХ, ф. 7733, оп. 1, д. 240, л. 21.

⁵⁷ См. Ленин В. И. ПСС, т. 36, с. 182, 183.

⁵⁸ Ленин В. И. ПСС, т. 36, с. 219—220.

⁵⁹ Там же, с. 217—218, 597; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 5, с. 373.

⁶⁰ Ривкин Б. Финансовая политика в период Великой Октябрьской социалистической революции, с. 136—138; Гиндин А. Указ. соч., с. 118—122.

мера. Никто из нас, даже имеющий экономическое образование, за проведение ее не возьмется. Мы позволим специалистам, занимающихся этим делом, но только тогда, когда ключи будут у нас в руках»⁶¹. Не вина Советского правительства, что, овладев частными коммерческими банками, оно более трех месяцев не могло привлечь специалистов к разработке конкретных практических вопросов национализации банков. Укрепление власти Советов и ликвидация саботажа дали возможность активно использовать опыт практиков и знания теоретиков банковского дела в интересах социалистического строительства. На первом заседании комиссии по выработке детального плана доведения до конца национализации банковского дела, проходившем под руководством А. П. Спундэ, присутствовали, например, проф. М. И. Боголепов (член Комитета Совета съездов акционерных коммерческих банков и Совета Сибирского банка), К. П. Асмус (директор Петроградского Международного банка), Л. С. Сирвинт (директор Русско-Азиатского банка), Е. М. Эпштейн (член правления Азовско-Донского банка) и другие. Предлагая совещанию программу его работ, А. П. Спундэ категорично заявил, что «национализация банков предпринята Советом Народных Комиссаров, что точка зрения Советской власти не подлежит изменению». Далее он подчеркнул, что «от членов совещания ожидается деловое содействие в выработке и проведении в жизнь определенного плана национализации»⁶².

Совещание разбилось на ряд секций (переходного времени, организационную, финансирования промышленности и пр.). Работа секций протекала в апреле — мае 1918 г., и результаты ее были представлены в Наркомфин, где учитывались в повседневной практической деятельности⁶³.

Заметим, что бывшие руководители частных коммерческих банков обнаруживали явное стремление воспрепятствовать слиянию их делопроизводства как реальному шагу по пути осуществления декрета о национализации. Так, на одном из первых заседаний секции переходного времени В. Ф. Соллогуб (член правления Волжско-Камского банка) поставил вопрос о восстановлении временной работы старых частных коммерческих банков и отказался от своего предложения лишь после того, как выяснилась его неосуществимость⁶⁴. Аналогичные предложения высказываются неоднократно и в дальнейшем, хотя и в более завуалированной форме.

Таким образом, участвуя в налаживании финансового аппарата Советского государства, буржуазные специалисты, не верившие в прочность нового строя, пытались по возможности сохранить прежнюю структуру банковского дела⁶⁵.

Отмеченные выше и некоторые иные объективные трудности, возникавшие иногда в ходе самого хозяйственного строительства и требовавшие радикальной перестройки финансового учета и отчетности (в связи с национализацией промышленности и транспорта, в частности), задерживали завершение процесса национализации частных коммерческих банков, органическое слияние их в единой системе Народного (Государственного) банка. Тем не менее по мере их преодоления дело финансового строительства продвигалось вперед. Более успешно оно развертывалось в период мирной передышки Советской Республики в апреле —

⁶¹ Ленин В. И. ПСС, т. 35, с. 172.

⁶² ЦГАНХ, ф. 2324, оп. 1, д. 179, лл. 2, 29.

⁶³ ЦГАНХ, ф. 2324, оп. 1, д. 179, л. 42; д. 180, лл. 1–2; Гиндин А. Указ. соч., с. 113–117.

⁶⁴ ЦГАНХ, ф. 2324, оп. 25, д. 42, лл. 51–56.

⁶⁵ См. Потяев А. Указ. соч., с. 31, 44, 58 и др.

июне 1918 г. В первую очередь заметные сдвиги наблюдались в работе централизованных отделов текущих счетов. Текущее финансирование торгово-промышленных предприятий осуществлялось теперь достаточно четко и организовано. Уже к маю окончательно исчезли очереди около отделений банков. В Москве в первых числах июня функционировало 9 городских отделений Народного (Государственного) банка, а в Петрограде их насчитывалось 15⁶⁶.

Временное правление Народного банка в Москве весьма успешно развивало деятельность отдела текущих счетов. В общем итоге в нем было централизовано 175 тыс. текущих счетов бывших частных коммерческих банков. Все они были разнесены по новым книгам, а часть их объединена. При объединении 52 500 счетов дали 35 700 счетов на общую сумму 623 500 тыс. руб. В январе — апреле 1918 г. отдел оплатил 73 755 чеков на сумму 819 092 051 руб., из них приблизительно половину — наличными и чеками на Государственный банк. Поступления в то же время выразились в сумме 402 млн. руб., из которых наличными (в том числе из сейфов) — 33,2 млн. руб.⁶⁷

Временное правление открыло также II отдел текущих счетов, который свободно (без ограничений) выдавал вклады, внесенные наличными деньгами. К началу мая там было открыто около 200 счетов и оставалось на них 20 млн. руб. К 10 июня остаток составлял 40 млн. руб. К середине июля оборот отдела достиг 180 млн. руб. Конечно, капиталисты сознательно избегали нести в Народный банк свои свободные средства. Не принимая Советскую власть, они и в такой форме саботировали ее важнейшие экономические мероприятия. Количество и сумма вложенных капиталов к лету 1918 г. в значительной степени увеличились лишь по той причине, что Народный банк с его новыми подразделениями все более становился (особенно в сфере финансирования промышленности) единственным кредитным учреждением в стране⁶⁸.

Закреплению монопольного положения Народного банка в известной степени препятствовало то, что Советская власть временно сохранила кредитные учреждения, связанные с буржуазными кооперативами. Как известно, в целях организации снабжения населения (прежде всего продовольствием) Советское правительство вынуждено было использовать буржуазную кооперацию. К работе кооперативной комиссии Наркомпрода были привлечены представители кооперативных организаций⁶⁹. В связи с этим, видимо, Московский народный (кооперативный) банк, финансировавший крупнейшие буржуазные кооперативы и имевший характер крупного частного коммерческого учреждения, не был национализирован вместе с остальными крупными банками. 30 декабря 1917 г. он по просьбе кооператоров был освобожден от действия закона о национализации крупнейших кредитных учреждений⁷⁰. Не были национализированы различные кредитные общества взаимопомощи и прочие кредитные учреждения.

Именно эти кредитные учреждения попыталась активно использовать крупная буржуазия в своих антинародных целях. Операции их значительно расширились⁷¹. Особенно заметно возростала роль Московско-

⁶⁶ ЦГАНХ, ф. 7733, оп. 1, д. 57, л. 4.

⁶⁷ Там же, ф. 2324, оп. 1, д. 10, л. 67.

⁶⁸ ЦГАНХ, ф. 2324, оп. 1, д. 10, л. 67.

⁶⁹ См. Морозов Л. Ф. От кооперации буржуазной к кооперации социалистической. М., 1969, с. 57—60.

⁷⁰ ЦГАНХ, ф. 2324, оп. 1, д. 162, л. 4.

⁷¹ См. Потяев А. Указ. соч., с. 30.

го народного (кооперативного) банка. К сентябрю 1918 г. баланс банка вырос в $4\frac{1}{2}$ раза и достиг $1\frac{1}{4}$ млрд. руб.⁷²

Существование этих кредитных учреждений, естественно, отрицательно сказывалось на деятельности создаваемого единого Народного банка Российской Федерации.

Тем не менее имелись определенные позитивные результаты. Весной 1918 г. наблюдался и интенсивный процесс централизации учетно-ссудного дела. Вексельный портфель 18 московских банков достигал суммы 949 млн. руб. После централизации учетно-ссудного дела заметно стали возрастать требования переучета векселей. С 15 декабря 1917 г. по 1 мая 1918 г. было реализовано векселей лишь на 18,3 млн. руб., а ходатайств об отсрочках поступило на сумму 60 млн. руб. Более успешно шла реализация товарных ссуд, сумма которых по сводному балансу на 15 декабря 1917 г. составляла 273,4 млн. руб. К лету 1918 г. в счет погашения ее поступило почти 27 млн. руб. ($9,87\%$)⁷³.

В отделе складов, выделенном в начале марта путем объединения бывших товарных отделов частных банков, были централизованы все товарные склады, как принадлежавшие банкам, так и арендуемые ими. Отдел действовал в тесном контакте с «Центроскладом» при Московском Центральном транспортном комитете. В начале июня удалось также открыть переводно-комиссионный отдел, который должен был оплачивать переводы иногородних отделений на Москву⁷⁴.

В Петрограде также развернулась аналогичная работа. Итоги ее в середине июля 1918 г. в известной степени подвело совещание по урегулированию деятельности отделений Народного банка, образованных на базе бывших частных банков, и по выработке мер к скорейшему полному слиянию их с Народным банком. Совещание наметило план дальнейшей работы в этом направлении. Было решено, не открывая контор бывших частных банков, все операции по ликвидации активов проводить специальными техническими коллегиями. Последние все материалы обязывались представлять в соответствующее централизованное отделение, которое должно было осуществлять операцию ликвидации.

В результате работы совещания процесс фактического слияния частных коммерческих банков с Народным (Государственным) в Петрограде протекал более успешно⁷⁵. Совещание действовало при Совете экспертов и существовало до начала сентября, обсуждая технические вопросы слияния балансов частных коммерческих банков с балансом Народного банка⁷⁶.

В обзоре деятельности Наркомфина, относящемся к июлю 1918 г., подводился следующий итог работе по национализации банков: «В общем, бывшие частные банки с постепенной передачей своих дел центральным отделам суживают круг своей деятельности; на их долю остается ликвидация главным образом товарных и фондовых отделов и бухгалтерии, окончательная централизация которых ожидается через 2–3 месяца. Взамен бывших частных банков постепенно вырастает мощная фигура единого Народного банка»⁷⁷.

Можно признать, что осенью 1918 г. фактическая централизация банковского дела в Советской России была завершена. Именно к этому времени на деле национализированным и объединенным частным бан-

⁷² ЦГАНХ, ф. 2324, оп. 1, д. 162, л. 8.

⁷³ ЦГАНХ, ф. 7733, оп. 1, д. 63, лл. 8–9.

⁷⁴ Там же, лл. 13–14.

⁷⁵ ЦГАНХ, ф. 2324, оп. 1, д. 10, лл. 34–38, 163–164, 175–176.

⁷⁶ См. Гиндин А. Указ. соч., с. 126–127, 133–134.

⁷⁷ ЦГАНХ, ф. 7733, оп. 1, д. 57, л. 4.

кам, составившим вместе с бывшим Государственным банком контуры единой финансовой системы, все в большей степени становится свойственной деятельностью на новых началах, возлагаемая на них задачами социалистического строительства. Формальное же объединение их балансов и операций с Народным банком еще не закончилось. Ликвидационная работа по сведению балансов бывших частных банков продолжалась до конца 1918 — начала 1919 г. Завершение этого процесса в известной степени знаменует циркуляр Наркомфина от 14 декабря 1918 г., в соответствии с которым начиная с 1919 г. «все учреждения Народного банка должны представлять свои балансы по форме баланса бывшего Государственного банка с изменениями, которые своевременно будут установлены». Циркуляром предписывалось в месячный срок после его получения на местах завершить всю работу по окончанию финансовой отчетности, связанной с завершением национализации и полным слиянием бывших частных коммерческих банков в едином Народном банке⁷⁸.

Завершение процесса национализации к концу 1918 г. выразилось и в том, что были ликвидированы последние частные коммерческие учреждения. Деятельность их вызывала нарастающую тревогу Советского правительства, ибо она начинала наносить все больший ущерб интересам социалистического строительства. Особенно это касалось операций Московского народного (кооперативного) банка, который, получив от Государственного банка огромные средства для закупки продовольствия и других товаров, пытался направлять часть их в районы белогвардейской контрреволюции⁷⁹.

В конце 1918 — самом начале 1919 г. ликвидируются кредитные общества взаимопомощи, городские общественные банки, частные земельные банки, городские и губернские кредитные общества⁸⁰. Подготовка национализации Московского народного банка велась еще с сентября 1918 г. Советское правительство приняло решение изъять из банка 150 млн. руб. государственных средств. Это заставило правление банка, неспособное вовремя возратить государственные деньги, проявить стоворчивость и согласиться на национализацию путем преобразования его в кооперативный отдел Центрального управления Народного (Государственного) банка РСФСР⁸¹.

Таким образом, в течение 1918 г. в результате осуществления национализации частных коммерческих банков, постепенного фактического объединения их с Государственным банком и перестройки всех существовавших финансовых органов в Советской Республике создаются основы единой централизованной системы Народного банка, активно содействовавшего своей финансовой политикой решению задач социалистического строительства, предотвращения голода и разрухи, угрозы которых становилась все более реальной опасностью в связи с развертыванием экономической контрреволюции под руководством монополистов и магнатов финансового капитала. Успешность национализации банков, как и других шагов в деле социалистических преобразований экономики, обеспечивалась диктатурой пролетариата, твердой и последовательной классовой политикой Советского правительства. Решительные действия по отношению к саботажникам в первую очередь распространялись на вдохновителей и организаторов саботажа, стремившихся контрреволюционными акциями подорвать устои Советской власти, обеспечить реставрацию капиталистических отношений. Они не касались тех, кто был

⁷⁸ ЦГАНХ, ф. 2324, оп. 25, д. 42, лл. 84—85.

⁷⁹ См. Потяев А. Указ. соч., с. 28—30; «Известия», 1918 г., 14 сентября.

⁸⁰ ЦГАНХ, ф. 7733, оп. 1, д. 240, л. 4.

⁸¹ ЦГАНХ, ф. 2324, оп. 1, д. 162, лл. 8—9, 18.

готов, осознав свои ошибки и заблуждения, честно сотрудничать с Советским правительством, поставив свои знания и опыт на службу народу. Только такая четкая и ясная линия непримиримой борьбы с убежденными и активными врагами народной власти, сочетавшаяся с широким привлечением буржуазных специалистов, обеспечила решение не только сложнейших вопросов хозяйственного строительства, но и острейших проблем всей социально-политической жизни молодого Советского государства.

Советское правительство, национализировав банки, выбило из рук классового врага опаснейшее оружие, которое в любой момент могло обрушиться на революционные завоевания народа. Саботаж банковских служащих затянул и серьезно осложнил активное использование этого мощного аппарата в интересах социалистического строительства. Но все же в результате быстрого перехода частных коммерческих банков в руки государства крупная российская буржуазия лишилась своей основной финансовой базы. Всевластие хозяев экономической жизни России был нанесен второй (после Великого Октября) сокрушительный удар. Финансовая база внутренних сил контрреволюции была тем самым резко подорвана. Возможности финансирования различных контрреволюционных организаций существенно ограничивались.

Кроме того, без поддержки частных коммерческих банков предпринимательские союзы и торгово-промышленные организации не могли теперь безнаказанно игнорировать требования Советского правительства. Это помогало также успешно подчинять крупную промышленность государственному регулированию на основе экономической политики диктатуры пролетариата.

Активная и целеустремленная деятельность Народного банка, особенно после преодоления саботажа банковских служащих, объективно обеспечивала решение сложнейшей задачи национализации промышленности, создания и укрепления первых органов управления социалистическим производством (главков и центров).

Опыт социалистического строительства в нашей стране в первые месяцы после Великого Октября имеет огромное историческое значение. Он наглядно свидетельствует о том, что буржуазия, свергнутая победоносной пролетарской революцией, не мирилась со своим поражением. Она мобилизовала все свои силы и средства для того, чтобы задушить революционное движение масс. При этом она пыталась использовать свою экономическую мощь, свои ключевые позиции в народном хозяйстве, в частности, объединенную мощь аппарата частных коммерческих банков. Диктатура пролетариата, организуемая большевистской партией, опиравшейся на профсоюзы, на широкие массы трудящихся, была той силой, которая не только сломала сопротивление этого мощного и очень важного хозяйственного аппарата, но и поставила его, коренным образом реорганизовав, на службу делу социалистического строительства.

Юрий Григорьевич

ШПАКОВСКИЙ,

главный редактор

журнала «Вестник

Университета имени

О.Е. Кутафина (МГЮА)»,

доктор юридических наук,

профессор

Почему мы так говорим?

Фразеология — способ познания человека, она отражает то, каким он видит мир, как относится к происходящему, какие ценности и какие правила для него существуют в мире. Эти ценности и правила и отражены в образах фразеологизмов. Фразеологией можно убеждать оппонентов, ей бывает трудно возразить, потому что она проверена веками.

Однако из-за того, что мы часто слышим и сами употребляем в речи фразеологизмы, мы привыкаем к их переносному значению и совсем не задумываемся об их происхождении и изначальном смысле.

Не фонтан!

Выражение «не фонтан» употребляется, когда говорят о чем-то некачественном, недостаточно хорошем. Однако не совсем понятно, при чем тут фонтан. А между тем фразеологизм связан с конкретным местом в Одессе.

История фразеологизма начинается в Одессе XVIII века. Тогда в городе не было водопровода, вода была покупная, добывалась из артезианских скважин. Их в то время и называли фонтанами. Нехватку питьевой воды в Одессе фиксировал даже Александр Пушкин. В «Отрывках из путешествия Онегина» — главе, опубликованной после выхода романа, есть такие строчки:

Однако в сей Одессе влажной
Еще есть недостаток важный;
Чего б вы думали? — воды.

Брали воду в те времена из подземных источников, располагавшихся на окраинах города. Самой качественной и вкусной водой считалась та, которую набирали в источниках Большого, Среднего и Малого фонтанов — в районах к югу от города. Именно здесь из-за геологических особенностей местности выходят сильно минерализованные подпочвенные воды. Но источники эти находились далеко от города. Некоторые водовозы, не желая гонять лошадей в такую даль или просто ленись, набирали воду в районах поближе, а рекламировали свой товар как знаменитую «фонтанскую воду». Горожане пробовали такую воду и говорили: «не фонтан», утверждая тем самым, что она не соответствует заявленному качеству.

Со временем в Одессе появились водопроводы, но словосочетание «не фонтан» вышло за пределы города в значении чего-то неодобрительного, оставляющего желать лучшего. Таким образом, словами «не фонтан» можно охарактеризовать буквально все, что оценивается по шкале «хорошо — плохо».

Где тонко, там и рвется

Поговорка «где тонко, там и рвется» — это яркий пример народной мудрости, которая в лаконичной форме передает глубокий смысл. Она используется для описания ситуаций, в которых слабые места или уязвимости становятся причиной проблем, неудач или разрушений. Эта фраза актуальна во многих сферах жизни: от бытовых ситуаций до сложных социальных, экономических и технических процессов.

Корни этой поговорки уходят в глубокую древность. Она связана с наблюдениями за материальным миром, где тонкие, слабые места в тканях, веревках или других материалах действительно рвутся первыми под нагрузкой. Со временем это наблюдение переключалось в метафорический план, став универсальным выражением для описания уязвимостей в любых системах.

Вторая часть этого фразеологизма «где толсто, там и наслаивается» редко употребляется, хотя дает более глубокое понимание того, откуда к нам приходят проблемы. Если смотреть только на всем известную первую часть, можно подумать, что лишь недостаток чего-то приводит к беде. Однако это не так. Во всем нужно придерживаться золотой середины: избыточность тоже ведет к сложностям. Если в чем-то переусердствовать, это может привести к неудаче так же, как и недостаточные усилия.

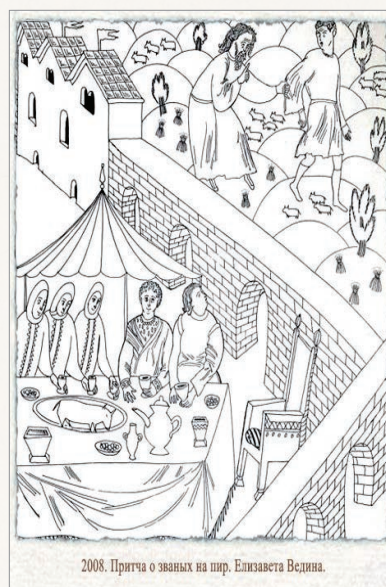

Много званых, но мало избранных

Выражению «много званых, но мало избранных» употребляется сегодня в контексте какой-то элитарности. Люди, которые считают себя принадлежащими к группе избранных, к узкому кругу лиц с оттенком эксклюзивности, с притязанием на исключительность, превосходство, применяют к себе евангельские слова, иногда с юмором.

В Евангелии же эти слова употребляются в конце одной из притч Иисуса Христа. Возможно, уже во времена Христа это было крылатое, устойчивое выражение, именно поэтому им завершается рассказ. Но в Евангелии это выражение связано с притчей о Страшном суде.

Евангелист Матфей так описывает эту притчу. Иисус Христос сравнивает Царство Божие с историей царя, который устроил свадебный пир для своего сына и послал слуг позвать приглашенных. Но они отказываются принять это приглашение: Одни из них разошлись и стали заниматься своими повседневными делами — торговлей, хозяйством,

2008. Притча о званых на пир. Елизавета Ведина.

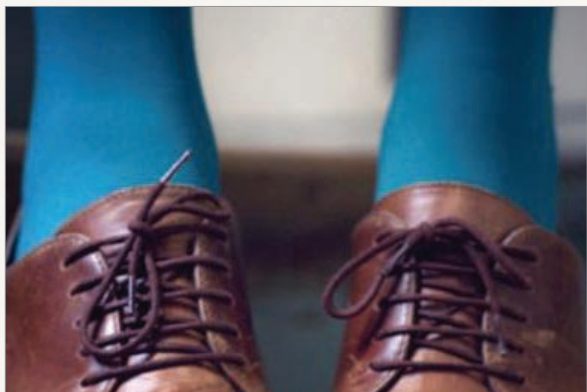
другие издеваются над посланниками и убивают их. Ответ царя не заставляет себя ждать: разгневавшись, он посылает свое войско, чтобы казнить убийц и предать огню их город.

После того как первые слуги погибли, царь посылает следующих слуг для того, чтобы они позвали всех, кого найдут по закоулкам, на площадях городов. И зал быстро наполняется людьми хорошими и людьми злыми, людьми, достойными уважения, и самыми последними бродягами. Единственная возможность оказаться на этом пире — принять приглашение.

Символом этого преобразования являются праздничные, брачные одежды. Согласно обычаю, всем гостям хозяин готовит белые одежды, их не нужно приносить с собой. Каждый, кто приходит на этот праздник, надевает на себя эти брачные одежды в знак того, что он на этом пиру гость и участник. Но находится человек не одетый в брачную одежду, и по распоряжению царя его изгоняют из пира «во тьму внешнюю».

Смысл притчи таков, что Бог милостив и рад принять всех. Но милость Бога, Его приглашение еще не дает гарантии, что человек избежит последнего — Страшного суда. Последний выбор принадлежит всегда Богу. Эти слова звучат в устах Христа как некое предупреждение, предостережение: «Ибо много званых, но мало избранных».

Синий чулок

Так называют умную женщину, лишенную обаяния и полностью поглощенную работой.

Выражение «синий чулок» все реже стало употребляться в современном русском языке. Однако каждому известно, что речь сейчас пойдет не про капроновые, нейлоновые или шерстяные чулочно-носочные изделия, а про женщин, которые принесли в жертву свой внешний вид и личную жизнь ради работы, науки, карьеры. Без слез на такую особу не взглянешь. Даже А. П. Чехов в одном из рассказов писал: «Что хорошего быть синим чулком? Синий чулок... черт знает что! Не женщина и не мужчина, а так, середка на половине, ни то ни се...».

Но почему именно чулок и почему синий? Особенно если брать во внимание тот факт, что первым синим чулком был мужчина!

Впервые это выражение появилось в Англии в 1760-х гг. В то время мужчины, но также и женщины, не обделенные интеллектом, частенько собирались в литературном кружке у некоей леди Монтегю. Там они обсуждали не только литературные произведения, но и научные открытия, новости из мира политики, культуры и другие умные темы. Душой этих бесед был ученый — Бенджамин Стеллингфлит, который выделялся среди всех не только обширными познаниями, но и своими эпатажными синими шерстяными носками. Когда забавный персонаж по причине болезни вдруг пропускал собрание, все хором сокрушались о том, что им не

удастся обсудить последние новости с таким интересным собеседником, которого общество в шутку окрестило синим чулком.

Со временем «звание» синего чулка стало свидетельствовать о принадлежности к элите. В английском обществе сформировался идеал английской леди — интеллектуально развитой и духовно независимой.

Но когда в 1800 г. кружок *Bluestocking* распался, общество резко поменяло свое отношение к образованным женщинам.

Масла в огонь добавил Джордж Байрон, из-под пера которого в 1820 г. вышла сатира, в которой он довольно едко высмеял как саму леди Монтегю, так и завсегдатаев ее кружка. С тех самых пор синим чулком стали называть женщин, увлеченных творчеством, наукой или общественной деятельностью, которые не замечали неказистости своей внешности и пренебрегали семьей.

Первоначальный смысл фразеологизма изменился под влиянием реакции общества на движение эмансипе. Поэтому выражение «синий чулок» приобрело ироническое, а затем и оскорбительное звучание.

Удивительно, но там, где зародился этот фразеологизм, его давно уже не используют.

*Карикатура на даму *Bluestocking**

ISSN 2311-5998

9 772311 599771 >